

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
№ 3/2014

Московский городской психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в Перечень ВАК. Включен в РИНЦ

Главный редактор
Михаил Кондратьев

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин, В.Н. Куницына,
В.А. Лабунская, А.П. Оконешникова, Н.К. Радина, Т.Г. Стефаненко,
Н.Н. Толстых, О.Е. Хухлаев, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), Л.А. Пергаменщик (Белоруссия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Александр Донцов

Заместитель председателя
Михаил Кондратьев

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына, Т.Г. Стефаненко, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), В. Дуаз (Швейцария), Ф. Зимбардо (США),
И. Маркова (Великобритания), Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Московский городской психолого-педагогический университет

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Репутация личности: риски и опасности
Е.В. Рягузова 5
- Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены
С.И. Резниченко 15

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Межличностное доверие как фактор социально-экономического развития
А.Н. Татарко 28
- Психологическая суверенность и особенности межличностного общения
С.К. Нартова-Бочавер 42
- Социальные условия развития разновозрастных учащихся
в школьной среде и специфика их отношений к школе
И.В. Соснова 51
- Личностные особенности и отношение к возрастным стереотипам
пожилых людей, пострадавших от психологического насилия
Я.Ю. Горфан, С.Н. Ениколопов 69
- Исследование удовлетворенности жизнью и смысложизненных
ориентаций в пожилом и старческом возрасте
Т.Ф. Суслова, С.В. Жучкова 78
- Трудовая мотивация специалистов сферы информационных технологий
в условиях доминирующего типа организационной культуры
М.Е. Опарина 90

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Психологические особенности межэтнических отношений в Сербии
Е. Живкович 104
- Частная школа: социальная и социально-психологическая специфика
в условиях современного российского образовательного пространства
М.Ю. Кондратьев, И.В. Соснова 116

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

- Методический алгоритм определения интегрального внутригруппового
статуса члена контактного сообщества
М.Ю. Кондратьев 125
- О применении социометрии в кросс-культурном исследовании
(на материале китайских студентов)
Е.А. Верченкова 142

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- «Социальная психология развития»: новый учебник по новому направлению
психологической науки. Рецензия на книгу: Социальная психология развития:
учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. Н.Н. Толстых.
М.: Издательство «ЮРАЙТ», 2014. — 603 с.
Н.В. Кочетков 151

АРХИВ. ВОСПОМИНАНИЯ

- Где Вы, настоящий директор Психологического института?
Воспоминания о прошлом с надеждой на будущее
М.Ю. Кондратьев 157

- Светлой памяти А.А. Белика 162

- Наши авторы 164

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- Personal Reputation: Risks and Dangers
E.V. Ryaguzova 5
- Attachment to Place and Sense of Place: Models and Phenomena
S.I. Reznichenko 15

EXPERIMENTAL RESEARCH

- Interpersonal Trust as a Factor of Socio-Economic Development
A.N. Tatarko 28
- The Psychological Sovereignty and Interpersonal Interaction Specificity
S.K. Nartova-Bochaver 42
- Social Conditions of Development of Students in School Settings and Features of Their Attitudes to School
I.V. Sosnova 51
- Personality Traits and Attitudes to Age Stereotypes in Elderly People Suffering from Psychological Abuse
Y.Yu. Gorfan, S.N. Enikolopov 69
- Research on Life Satisfaction and Life Orientations in Late Adulthood
T.F. Suslova, S.M. Zhuchkova 78
- Employee Motivation in IT Specialists in the Context of a Dominating Type of Organizational Structure
M.E. Oparina 90

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- Psychological Characteristics of Interethnic Relations in Serbia
J. Zivkovic 104
- Social and Social Psychological Specifics of Private Schooling in Modern Russian Education
M.Yu. Kondratyev, I.V. Sosnova 116

METHODOLOGICAL TOOLS

- Methodological Algorithm of Integral Intragroup Status Definition in Members of Contact Community
M.Yu. Kondratyev 125
- On the Problem of Applying Sociometric Techniques in Cross-Cultural Research (with Chinese Student Groups as an Example)
E.A. Verchenova 142

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

- "Social Psychology of Development": A New Textbook on a New Field of Psychological Science Review of the book "Social Psychology of Development: A Textbook for Bachelor and Master Courses" by N.N. Tolstykh (Editor). Urait, Moscow, 2014
N.V. Kochetkov 151

ARCHIVE. RECOLLECTIONS

- O True Head of the Psychological Institute, Where Art Thou?
Recollections of the Past with Hope for the Future
M.Yu. Kondratyev 157
- In Memory of A.A. Belik 162
- Our autors 166

Репутация личности: риски и опасности

Е.В. РЯГУЗОВА

доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии личности факультета психологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

В статье изложены материалы теоретического исследования, посвященного анализу понятия «репутация личности» в контексте авторской концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я — Другой». Дифференцированы репутационные риски, имеющие личностное измерение и связанные с тем, кто принимает риск, и кто оказывается рискующим, и репутационные опасности, локализованные в социуме и выступающие в виде угрозы для Другого / Других или угрозы, исходящей от Другого / Других. Приведены результаты эмпирического исследования репутации личности в реально функционирующих малых группах. Выявлены и описаны репутационные опасности и риски, возникающие для личности в процессе общения в малой группе: риски «нераскрытия» и «недоверия к себе», опасность «конформности», «референтности», «двойного обесценивания».

Ключевые слова: *репутация личности, репутационный риск, репутационная опасность, риск «нераскрытия», риск «недоверия к себе», опасность «конформности», опасность «референтности», опасность «двойного обесценивания».*

Введение и теоретический анализ проблемы

Репутация личности представляет собой чрезвычайно интересное и емкое психологическое понятие, требующее серьезной научной рефлексии его различных аспектов. Мы предлагаем проанализировать это понятие исходя из основных положений концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я — Другой» [8], и в этом контексте обсудить данные проведенного эмпирического исследования.

Репутация личности — это всегда обобщенный результат непосредственного или опосредованного взаимодействия личности и Другого / Других, не сводимый к эффектам межличностной

интеракции и перцепции, основанный на социальном познании, включающем в себя социальное сравнение, категоризацию, типизацию и конструирование образа Другого через расширение границ собственного видения и создание или уточнение субъективных ментальных конструкторов.

Результат взаимодействия Я — Другой / Другие фиксируется в виде устойчивой установки Других на определенную личность и включает три основных компонента: когнитивный — информацию о действиях личности, ее поступках, высказываниях, принадлежности к группе, личностных особенностях, статусе, роли и т. п.; аффективный, предполагающий эмоциональную оценку всего комплекса имеющейся информации о лич-

ности, и коннотативный, связанный с конкретными поведенческими рисунками Другого / Других относительно данной личности.

Репутация личности формируется на основе субъективных суждений, мнений и предпочтений одних личностей относительно другой и имплицитно содержит индивидуально-психологические и личностные качества (пол, возраст, когнитивные конструкты, мотивация, уровень самооценки, система ценностей и смыслов), социально-психологические особенности (принадлежность к ингруппе или аутгруппе, психометрический статус, социальный интеллект) всех личностей, а также специфику социокультурного контекста.

Репутация личности включает в себя не столько характеристику личностных свойств и ее особенностей, сколько оценку личности в координатах субъективированных ожиданий Других и предписаний, определенных социальной ролью. Поскольку любая личность исполняет множество различных социальных ролей, следует признать возможность существования множественности репутаций личности [9].

Репутация личности выступает и как своеобразный ресурс, социальный капитал и конкурентное преимущество личности во взаимодействиях с Другими, определяющее специфику этих интеракций, и как специфический ярлык или стигма, ограничивающие и нарушающие взаимодействие личности с Другими. В этой связи можно говорить о модальности репутации и ее роли (конструктивной или деструктивной) в развитии и функционировании личности.

Соответственно, репутация личности определяется как когнитивно-оценочная

система фиксированных мнений и суждений одних субъектов о другом субъекте, сформированная на основе личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». При таком рассмотрении анализ репутации личности предполагает изучение следующих аспектов:

- многообразие видов репутаций личности в зависимости от качественных и количественных оценок разнообразных Других, их содержательной глубины и смысловой конкретики;
- личностные и социально-психологические особенности субъектов репутационной оценки;
- характер взаимоотношений и тип взаимодействий между субъектами репутационного взаимодействия;
- особенности социокультурных условий, в рамках которых происходит формирование репутации личности;
- опасности и риски, связанные со спецификой репутации личности, и их влиянием как на социальную активность, развитие и самодетерминацию самой личности, так и на функционирование Других, взаимодействующих с этой личностью.

В данной работе наш исследовательский интерес сфокусирован на изучении репутации личности в формате опасности и риска.

Для начала дифференцируем термины «риски репутации» и «опасности репутации», опираясь на взгляды Н. Лумана о различии между понятиями «риск» и «опасность» [6].

Н. Луман совершенно справедливо полагает, что дифференциация понятий «риск» и «опасность» связана с проблемной референции, т. е. отнесенности результата того или иного неоднозначного действия, поступка, высказывания непо-

средственно к актору или наблюдателю. Если вероятный ущерб от принятого решения или рискованного действия соотносится с возможными последствиями для самой личности, следует говорить о риске, поскольку риск выступает в виде субъективной характеристики реальности, не зависящей от видения Другого. Если же предполагаемый ущерб связан с последствиями для других, необходимо употреблять понятие «опасность» как характеристику социальной среды. Кроме того, различие этих понятий, по Н. Луману, касается временного измерения: риск предполагает осознание различий между настоящим и будущим, тогда как опасность подразумевает временной модус «здесь-и-сейчас».

Используем это различие применительно к понятию «репутация личности».

Репутационные риски связаны с изменениями статуса репутации личности, когда человек, осознавая и принимая неопределенность последствий своих действий, решений, поступков (проигрыш или выигрыш), идет на это, рискуя своим положением, качеством исполняемых ролей, прежними заслугами и авторитетом в той или иной области. Например, личность с репутацией высококлассного специалиста меняет место работы и с повышением переезжает в мегаполис, где ей необходимо не просто освоить новые функциональные обязанности, подтвердив репутацию компетентного профессионала, но и адаптироваться к социокультурным и бытовым условиям нового места жительства, интегрироваться в уже сложившийся коллектив, установить комфортные межличностные отношения. В этом случае человек рискует профессиональной репутацией, несмотря на то, что факторы, детермини-

рующие успех (выигрыш), локализованы не только в профессиональной сфере. И, наоборот, человек с репутацией неудачника может решиться на реализацию сложного и неоднозначного проекта и в случае значительных достижений трансформировать конфигурацию мнений о себе, изменив тем самым свой прежний репутационный статус. Однако при неудачном исходе дела репутация неудачника не просто подтвердится, но и приобретет устойчивый характер, влияя на персональную и социальную идентичность личности, ее я-концепцию и самосознание. Следовательно, репутационные риски имеют личностное измерение и обусловлены решениями, действиями и поступками самой личности даже тогда, когда принятие риска личностью продиктовано ожиданиями социального окружения (предписывающими или предсказывающими). В связи с этим риски репутации имеют отношение не столько к системе мнений Других о личности, сколько представлений личности о себе, затрагивая такие ядерные образования репутации как честь и достоинство личности.

Что касается репутационных опасностей («ловушек»), то они локализованы в социуме, могут угрожать как самой личности, так и окружающим ее Другим и связаны с социальными санкциями. Опасности, возникающие для Другого / Других, обусловлены особого рода социальным влиянием и давлением (властью) репутации личности, когда Другие добровольно или вынужденно подчиняются авторитету. При этом, как отмечает М.Ю. Кондратьев, важно различать авторитет личности и авторитет роли, выступающие в виде разных психологических реальностей [4; 5].

В первом случае Другие подчиняются личности, поскольку у нее есть необходимые ресурсы в виде определенных качеств и компетенций, опыта принятия значимых для группы решений, эффективных поведенческих стратегий, позитивных межличностных отношений, т. е. всего того, что обеспечивает влияние личности на Других, готовых разделить с ней ответственность за любые принятые решения. В случае авторитета роли определенные качества и компетенции изначально авансируются личности, интерперсональные отношения характеризуются зависимостью, асимметричностью и, следовательно, ответственность за принятые решения (особенно неэффективные) не разделяется. Соответственно, в первом случае правомерно говорить о власти репутации личности как о выданном Другими кредите доверия, а во втором случае — о ролевых ожиданиях, связанных со статусными предписаниями, правилами и нормами, имеющими отношение к псевдорепутации личности. При этом заметим, что в повседневной жизни авторитет роли часто преобладает над авторитетом личности.

Опасности для самой личности также находятся в каузальной связи с ее репутацией, выступая как следствие ее качественной определенности. Безусловно, репутация чаще всего рассматривается как средство личного успеха человека, однако в этом случае опасения, связанные с утратой заработанной репутации, возможным изменением характера привычных взаимодействий и коммуникаций с Другими, могут приводить к потере того или иного жизненного шанса, профессиональной стагнации, остановке в развитии и личностном росте. Получается, что репутация — это, с одной сторо-

ны, надежная защита и стабильный капитал личности, важный маркер ее достижений и успехов, а с другой стороны, своеобразный ограничитель, средство социального контроля над личностью и регулятор социальных отношений.

Еще одним вариантом репутационных опасностей для личности выступает социальная стигматизация. Вслед за И. Гофманом [2], стигма рассматривается как специфический тип отношений между признаком и существующим стереотипом, фактор социального позиционирования личности, приводящий к ее негативному дискриминационному маркированию Другими, основанному на отличиях данной личности от Других. Целью стигматизации является оправдание враждебных и агрессивных поведенческих и коммуникативных установок и стратегий Другого / Других в отношении той или иной личности, дистанцированность и отстраненность от нее в социальных ситуациях и межличностных взаимодействиях [1]. Применительно к изучению репутации личности можно констатировать, что стигматизация основана на ограниченной, минимальной или недостаточной информации о личности и проявляется в двух вариантах: либо в консенсусном наборе необоснованных мнений о личности, сформированных на основании чаще всего визуально наблюдаемых различий; либо эффекте проекции, при котором та или иная репутация группы автоматически выступает в качестве априорного знания при формировании репутации отдельной личности, включенной в эту группу. В таком случае личности приходится буквально сражаться за собственную идентификацию, преодолевая существующие в обществе

стереотипы, предрассудки и предубеждения.

работы поведенческий компонент репутации личности.

Программа эмпирического исследования

Целью эмпирического исследования является анализ репутационных опасностей и рисков, возникающих для личности в процессе общения в малой группе. В исследовании принимали участие две реально функционирующие студенческие группы, первая из которых состоит из 21 человека (12 девушек и 9 юношей, возраст 20–21 год), в состав второй входят 23 человека (15 девушек и 8 юношей, возраст 20–21 год), обучающиеся в течение 5 лет в высшем учебном заведении. Мы предположили, что за этот период совместной деятельности каждый из студентов приобрел устойчивую репутацию в группе.

Для изучения репутационных рисков и опасностей использовались непараметрическая социометрия Дж. Морено для определения психометрического статуса членов группы, основанного на внутригрупповых выборах в рамках симпатий и антипатий (аффективный компонент репутации личности); самооценка уровня коммуникативной компетентности и групповая оценка коммуникативной компетентности (когнитивный компонент репутации личности); методика КОС-2 [3], направленная на диагностику коммуникативных и организаторских способностей (открытость коммуникативному опыту, участие в межличностных контактах, умение организовывать коммуникацию, влиять на членов группы и их интеракции), выявляющая в контексте данной

Результаты исследования и их обсуждение

Данные, полученные при оценке собственных коммуникативных способностей, свидетельствуют, что респонденты имеют «хорошую репутацию у самих себя» [7, с. 79], подтверждая выявленную в социальной психологии тенденцию каждой личности воспринимать себя благосклонно. Однако групповая оценка коммуникативной компетентности демонстрирует существенный разброс мнений — от высоких оценок до низких. Заметим отсутствие как минимально низких, так и максимально высоких оценок, что объясняется стремлением личности чаще использовать крайние полюсные понятия при оценке малознакомых людей, а середину биполярной шкалы при оценивании тех, кто интегрирован в интруппу, с кем она контактирует и взаимодействует, имея возможность сформировать более тонкие критерии различения. В связи с этим интерес вызывает рассогласование оценок, полученных от самой личности и от группы, при сравнении которых выявляется два вида данных: 1) собственная оценка и групповая оценка находятся в одном диапазоне; 2) собственная оценка и групповая оценка существенно различаются.

Что касается самооценки коммуникативных и организаторских способностей, то только три человека из первой группы и два человека из второй группы отметили, что не стремятся к общению внутри группы, предпочитая коммуникации с ограниченным числом близких

людей, в коллективе чувствуют себя напряженно и некомфортно, редко проявляют самостоятельность и инициативу. Отметим, что факторы, детерминирующие такое поведение субъекта, различны и могут быть локализованы как во внутреннем пространстве самой личности (личностные свойства, ценности, интересы, смыслы, установки, психологические защиты), так и в пространстве социально-психологических взаимодействий и интеракций личности в группе. У всех остальных представителей исследуемых групп диагностируется средний и высокий уровень коммуникативных способностей и организационных умений.

Социометрическая структура групп свидетельствует об отсутствии ярко выраженных предпочитаемых и отверженных — у всех членов групп есть взаимные выборы (хотя бы один), у некоторых взаимные отвержения. Полученные данные, по-видимому, можно объяснить композицией самих групп, возрастом участников исследования, многообразием социальных ролей, выполняемых членами групп, мобильностью и включенностью личности в разные группы, а также особенностями межличностных внутригрупповых отношений. Вместе с тем проведение непараметрической социометрии позволило выделить представителей групп с самым низким психометрическим статусом (3 человека из первой группы и 1 человек — из второй).

Групповая оценка коммуникативной компетентности личности коррелирует как с психометрическим статусом личности в группе (для первой группы $r = 0,63$ при $p < 0,01$; для второй группы $r = 0,54$ при $p < 0,05$), так и с коммуникативными и организаторскими способностями личности (для первой группы $r =$

$= 0,56$ при $p < 0,05$; для второй группы $r = 0,41$ при $p < 0,05$).

Репутационные риски и опасности для личности в процессе внутригрупповых коммуникаций и интеракций выявляются на основе показателей:

1) рассогласование между субъективной и групповой оценкой коммуникабельности личности;

2) сочетание среднего показателя психометрического статуса личности в группе и низкой самооценки коммуникабельности, коммуникативных и организаторских способностей;

3) сочетание репрессивного статуса личности в группе с низким значением групповой оценки коммуникабельности;

4) рассогласование между групповой оценкой коммуникативной компетентности и самооценкой коммуникативных и организаторских способностей.

Опираясь на эти показатели и их сочетания, мы выделили следующие репутационные риски и опасности.

Риск «нераскрытия» диагностируется нами на основании различий между субъективной и групповой оценками коммуникабельности личности (высокая субъективная оценка и низкая групповая). Он связывается с вероятностью субъективной нереализованности, при которой личность, обладая достаточными внутренними ресурсами, не раскрывает их для Других, блокирует имеющиеся притязания на социальное признание, позиционирует себя вне психосоциального контекста, не признает роли и значения Других для собственного развития, самодетерминации и самосовершенствования, не осознает ценности собственной личности для Другого и безусловной ценности Другого для себя. Выявленный репутаци-

онный риск соотносится с когнитивным и поведенческим компонентами репутации личности.

Риск «недоверия к себе» имеет отношение к неуверенности личности в собственных способностях и потенциалах (сочетание средних показателей психометрического статуса и низкой самооценки коммуникативной компетентности либо относительно высокого статуса в группе и средних оценок коммуникативных и организаторских способностей). Этот вид риска выявляется в случае, когда группа принимает личность, симпатизирует ей и авансирует определенный кредит доверия, основанный на признании качеств и особенностей личности, которые значимы для группы и существенны в контексте групповых норм и ценностей. Несмотря на это, личность по каким-либо причинам не использует психологическую поддержку группы как ресурс собственного развития, не укрепляет уверенность в собственных возможностях, не трансформирует поведенческие тактики и стратегии, упуская предоставленный группой шанс, вопреки тому, что находится при этом внутри контекста принятия, заботы и защищенности. В этом случае репутационный риск имеет отношение к аффективному и когнитивному компонентам репутации личности.

Первый блок репутационных опасностей определяется с учетом психометрического статуса личности в группе и значений субъективной и групповой оценки коммуникабельности личности (сочетание показателей статуса в группе, самооценок и групповых оценок). Он сопряжен с определенными социальными ожиданиями и внутригрупповыми санкциями. Если групповые ожидания

носят дискриминационный для личности характер, это приводит не только к дистанцированию членов группы от личности, минимизации контактов с ней, игнорированию ее мнений и интересов, девальвации ее самобытности и индивидуальности, но и к принятию личностью навязанной группой позицией и ролью (репутационная опасность — «ловушка конформности»). Если групповые оценки коммуникабельности личности высокие, но психометрический статус личности не самый высокий в группе, это может свидетельствовать о несоответствии конфигурации психологических свойств личности групповому прототипу или о наличии тех или иных личностных девиаций относительно групповых норм («ловушка референтности»). Этот блок репутационных опасностей связан с аффективным и поведенческим компонентами репутации личности. Он может вызвать внутриличностный конфликт и в дальнейшем угрожать я-концепции личности, сочетаясь с риском «недоверия к себе».

Еще один блок репутационных опасностей выявляется на основании значительного диссонанса между самооценкой коммуникативных и организаторских способностей личности (средние или высокие оценки) и групповой оценкой коммуникабельности личности (оценки ниже среднего значения по группе). При таких условиях группа не поддерживает субъективные притязания личности, не признает ее способности, не обеспечивает личность социальной поддержкой. В этом случае личность либо обесценивает группу и формирует враждебные и агрессивные установки по отношению к ее членам, либо корректирует собственную самооценку и уровень

притязаний, либо происходит «двойное обесценивание».

Выводы

Репутация личности представляет собой когнитивно-оценочную систему фиксированных мнений и суждений одних субъектов о другом субъекте, сформированную на основе личностных репрезентаций взаимодействия Я — Другой / Другие.

Репутация личности как результат взаимодействия Я — Другой / Другие фиксируется в виде устойчивой установки Других на определенную личность, включающей когнитивный компонент, т. е. информацию о личности (ее действиях, поступках, высказываниях и т. п.); аффективный компонент, предполагающий эмоциональную оценку всей имеющейся информации о личности, и коннотативный компонент, связанный с поведенческими стратегиями Другого / Других.

Дифференцированы различия между репутационными рисками, имеющими личностное измерение и акцентирующими внимание на том, кто принимает риск, и кто оказывается рискующим, и репутационными опасностями, локализованными в социуме и выступающими в виде угрозы для Другого / Других, или угрозы, исходящей от Другого / Других.

Результаты эмпирического исследования позволили определить и описать риски репутации и опасности для репутации, возникающие в процессе общения личности в реально функционирующей малой группе.

Выявлены репутационные риски: риск «нераскрытия», связанный с веро-

ятностью субъектной нереализованности и обусловленный сочетанием значительных внутренних ресурсов личности и ее недоверием к миру и Другим, при котором личность, позиционируя себя вне социального контекста, девальвирует роль и значение Других для самоактуализации и самовыражения; риск «недоверия к себе», детерминируемый неуверенностью личности в собственных возможностях и способностях, возникающий в том случае, когда она не использует психологическую поддержку группы в качестве ресурса собственного роста и развития.

Описаны репутационные опасности для личности, обусловленные групповыми ожиданиями и санкциями, которые связаны с аффективным и поведенческим компонентами репутации личности. Опасность «конформности» имеет отношение к принятию личностью собственной низкостатусной позиции в группе и навязанной группой деструктивной роли; опасность «референтности» обусловлена актуализацией конфликта между значимостью групповых ценностей, норм, оценок для личности и ее несоответствием групповому прототипу; опасность «двойного обесценивания» опосредована низкими групповыми оценками и самооценкой личности.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в психологических программах тренингов по управлению репутацией личности, при решении практических задач по оптимизации реальных межличностных взаимодействий и взаимоотношений, а также для формирования гармоничной идентичности личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бовина И.Б., Бовин Б.Г.* Стигматизация: социально-психологические аспекты (Часть 1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63778.shtml> (дата обращения 30.03.2014).
2. *Гофман И.* Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть Стигма и социальная идентичность URL: <http://fs.nashaucheba.ru/docs/60/index-861552.html> (дата обращения 17.06.2013).
3. Диагностика коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2) / Фетишкин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.
4. *Кондратьев М.Ю.* Авторитет личности и роли в реально функционирующей малой группе. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/SPK-CH1/SPK-0281.htm> (дата обращения 19.09.2013).
5. *Кондратьев М.Ю.* «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2011. № 2.
6. *Луман Н.* Риск и опасность URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/2/risk-i-opasnost> (дата обращения 20.03.2014).
7. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 1997.
8. *Рягузова Е.В.* Личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой»: социально-психологический анализ: Дисс. ... д-ра психол. наук. Саратов, 2012.
9. *Рягузова Е.В.* Репутация личности как кредит доверия другого // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. Т. 13. Вып. 1.

Personal Reputation: Risks and Dangers

E.V. RYAGUZOVA

*Doctor in Psychology, head of the Chair of Personality Psychology,
Saratov Chernyshevsky State University*

The paper reports outcomes of a theoretical research into the notion of 'personal reputation' in the context of the author's concept of personal representations of the 'I – Other' interaction. The paper distinguishes between reputational risks (that have a personal perspective and are related to the one taking the risk as well as to the one at risk) and reputational dangers (localized in society and constituting a threat to the Other/Others or a threat coming from the Other/Others. Results of an empirical research on personal reputation in real, functioning small groups are provided, along with the descriptions of reputational dangers and risks arising for an individual in the process of communication in a small group, such as risks of 'not revealing oneself' or 'evoking mistrust towards oneself', and dangers of 'conformity', 'reference' and 'double devaluation'.

Keywords: *personal reputation, reputational risk, reputational danger, risk of 'not revealing oneself', risk of 'evoking mistrust towards oneself', danger of 'conformity', danger of 'reference', danger of 'double devaluation'.*

REFERENCES

1. Bovina I.B., Bovin B.G. Stigmatizaciya: social'no-psihologicheskie aspekty (Chast' 1) [Elektronnyi resurs] // Psihologiya i pravo. – 2013. – № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63778.shtml> (data obrasheniya 30.03.2014).
2. Gofman I. Stigma: Zametki ob upravlenii isporchennoi identichnost'yu. Chast' Stigma i social'naya identichnost' URL:<http://fs.nashaucheba.ru/docs/60/index-861552.html> (data obrasheniya 17.06.2013).
3. Diagnostika kommunikativnyh i organizatorskih sklonnostei (KOS-2) / Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. // Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp. M., 2002.
4. Kondrat'ev M.Yu. Avtoritet lichnosti i roli v real'no funkcioniruyushei maloi gruppe. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/SPK-CH1/SPK-0281.htm> (data obrasheniya 19.09.2013).
5. Kondrat'ev M.Yu. "Znachimyi drugoi": slagaemye mezhlichnostnoi znachimosti // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2011. № 2.
6. Luman N. Risk i opasnost' URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/2/risk-i-opasnost> (data obrasheniya 20.03.2014).
7. Maiers D. Social'naya psihologiya. SPb., 1997.
8. Ryaguzova E.V. Lichnostnye reprezentacii vzaimodeistviya "Ya – Drugoi": social'no-psihologicheskii analiz: Diss. ... d-ra psihol. nauk. Saratov, 2012.
9. Ryaguzova E.V. Reputaciya lichnosti kak kredit doveriya drugogo // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika". 2014. T. 13. Vyp. 1.

Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены

С.И. РЕЗНИЧЕНКО

аспирант, научный сотрудник лаборатории модернизации психологической службы системы образования Московского городского психолого-педагогического университета

В статье чувство места и привязанность к месту рассматриваются как базовые параметры человеческого взаимодействия и самореализации, анализируются теоретические модели привязанности к месту и чувства места, а также конструкты, составляющие основу данных феноменов. Предлагается авторская модификация одной из моделей изучения привязанности к месту, апробированная в эмпирических исследованиях. Описаны феномены привязанности к месту, чувства места, идентификации с местом, зависимости от места и ряд других.

Ключевые слова: *чувство места, привязанность к месту, идентификация с местом, зависимость от места, социальные связи, укорененность.*

Среда как бытийное пространство человека полифункциональна и представляет собой не только предметно-пространственную категорию, связанную с удовлетворением базовых потребностей человека (например, в отдыхе, безопасности и т. п.), но и социально-психологическую. Социально-функциональный потенциал среды значителен. В ней организуются социальное взаимодействие и коммуникации различного уровня (от участия в городских референдумах до соседского общения), устанавливаются формы пространственного поведения ее обитателей, привязанности. Среда служит регулятором параметров отношений к другим людям и одновременно маркером социального статуса человека. Среда способна удовлетворить социально-психологические потребности личности, такие как потребность в самопрезентации, саморазвитии и самоактуализации, аффилиации и социальной активности, приобретении информационного и куль-

турального опыта и т. п. Наконец, среда отражает уровень материального развития общества, социальные процессы, образ жизни людей [1; 2; 3; 10].

Отношения человека и пространства его обитания операционализированы в таких понятиях как привязанность к месту (place attachment) и чувство места (sense of place). Феномены «привязанность к месту» и «чувство места» стали активно изучаться в русле социальной и экологической психологии в течение последних двух десятилетий. Литературный обзор исследований в этой области демонстрирует, что эти понятия не имеют единой трактовки и дефиниций, так же как и модели изучения этих феноменов [18; 23; 25].

Место — это открытая система, границы которой определяются полем функционирования субъекта. Так местом, к которому человек испытывает привязанность, могут быть страна, город, район, жилище и т. д. Временные и

пространственные границы места можно определить только при соотнесении с множеством субъективных факторов: характером и обширностью социальных отношений, образом жизни субъекта [7].

Привязанность к месту представляет собой положительную эмоциональную связь, которая возникает между личностью и средой ее обитания. В исследованиях было продемонстрировано, что пожилые люди, а также люди, относящиеся к низкому социально-экономическому классу, испытывают более сильную и прочную привязанность к месту проживания, чем молодые успешные и обеспеченные люди [16].

Некоторые авторы используют выражение «чувство дома» как положительную коннотацию привязанности к месту. Однако необходимо отметить, что привязанность к месту может иметь и отрицательный характер (то есть стремление человека к избеганию своего нахождения в определенном месте), а также может не иметь конкретного антиципируемого реально существующего места привязанности, в то время как чувство дома подразумевает положительное эмоциональное отношение к месту и связано с конкретным местом [10; 14]. М. Родман (M. Rodman) отмечает, что природа привязанности к месту есть феномен, конструируемый в ходе взаимодействия человека с местом, а значит, временный, поскольку для людей важно не само место как территориальный объект, а то, какие личностные смыслы оно в себе несет для формирования и поддержания личностной или групповой идентичности [22].

Исследования понятия места стали развиваться, обогащаясь трудами ученых в области средовой психологии о социальных границах в жилой среде, о раз-

витии значения места и образа места для его обитателей, о явлении зависимости от места, а также вследствие разработки методологии изучения «чувства места», измерения проксимальных конструкторов (привязанности, зависимости от места, территориальной идентичности и прочих). Проблема чувства места — больше идея, чем хорошо определенный конструктор, абстрактное и иллюзорное понятие, которое имеет начало в области феноменологической географии и философии, но не имеет эмпирических возможностей изучения. Чувство места многомерно и представляет собой индивидуальное отношение субъекта к среде проживания и/или жизнедеятельности [25].

Определение места Я. Туана (Tuana Y.F.) остается самым простым и кратким: «Что начинается как недифференцированное пространство, становится местом, поскольку мы узнаем его лучше и наделяем его личностными смыслами» [27, р. 16]. Поскольку личность человека формируется под влиянием окружения (социума, обстоятельств, происходящих в жилом пространстве, а также норм, правил и средовых ресурсов, характерных для каждой конкретной среды), то устойчивость и сила чувства места зависят от силы, личностной значимости, полярности и длительности происходящих в данной среде событий. Само место можно описать с позиции ряда присущих ему физических и психологических свойств, таких как, например, размер принадлежащих местности территорий, количество известных достопримечательностей, качество влияния предметно-содержательных характеристик местности на культурные и социальные процессы, личность обитателей [19]. Следовательно, место, к которому мы чувствуем при-

вязанность, не обязательно должно иметь четкие физические координаты.

Отношение к среде может быть определено как ответ на экзогенные события, объект или стимул. Чувство места согласуется с концепцией отношения личности, согласно которой психологическое ядро личности есть индивидуально-целостная система ее субъективно-оценочных, сознательно-избирательных отношений к действительности, являющая собой интериоризованный опыт взаимоотношений с другими людьми. Теория отношения личности дает теоретическую основу для организации отношений между людьми и местом [13].

Таким образом, место является субъективным и социальным конструктом, а чувство места — результатом взаимодействия с местом, при котором место ассоциируется у человека с личностными смыслами, воспоминаниями, историей жизни. Чувство места — феномен, относящийся к эмоциональной и физической связи, который человек способен переживать по отношению к физическому пространству, а также к его наполнению и содержанию [11; 15].

Дж. Мальпас (Malpas J.E.) подчеркивает, что восприятие места происходит с позиций трех аспектов: онтологического (человек анализирует и вырабатывает нормы и правила жизни в данном месте), уникальности места (человек оценивает положительные уникальные характеристики места и определяет для себя мотивы привязанности к месту, чувства укорененности), сравнения «своего» места с другими [15].

Однако до сих пор нет единой трактовки понятия «чувство места», так же как единого мнения: чувство места порождает привязанность к месту и другие

психологические конструкты или же, наоборот, через эмоционально-положительное отношение человека к среде возникает чувство места. Так, Б. Йоргенсен и Р. Стедман (Jorgensen B., Stedman R.) утверждали, что чувство места следует понимать как феномен, включающий привязанность к месту (в котором они усматривают компоненты, относящиеся к эмоциональному взаимодействию с местом), зависимость от места (рассматривается ими как волевой процесс, который направлен на деятельность) и идентификацию с местом (которая имеет более познавательный характер и образует смысловую составляющую места) [13]. Другие авторы утверждают, что чувство места, зависимость от места и идентификация с местом есть производные привязанности к месту [18; 20].

Междисциплинарные исследования чувства места сосредоточиваются в основном на трех аспектах: 1) социально-культурный (например, привязанность к обществу, вклад социального капитала в формирование привязанности к месту); 2) биофизический (влияние природных, территориальных, климатических факторов и предметно-содержательных характеристик среды на привязанность к месту); 3) интеграция социально-культурного и биофизического аспектов в изучении привязанности к месту [20].

Исследователи, разрабатывающие теории о влиянии биофизических особенностей среды на формирование привязанности к месту, преимущественно работают с двухмерной моделью изучения феномена. Первая модель, описывающая привязанность к месту в качестве рекреационного ресурса, появилась в литературе в 1989 году. В данной двухмерной модели привязанность к месту определя-

ется двумя компонентами — идентификацией с местом (чувство принадлежности к определенной территории, жилищу) и зависимостью от места [27].

Идентификация с местом (*place identity*) — такие аспекты «я», которые определяют личностную идентичность в отношении физической среды посредством совокупности сознательных и бессознательных идеалов, убеждений, предпочтений, чувства, ценностей, целей, тенденций в поведении и навыков, относящихся к этой среде [10]. Другими словами, идентификация с местом — это сложный конгломерат раздумий и чувств по поводу конкретных физических параметров среды и их соответствия личностным смыслам и жизненным целям обитателей этой среды. Понятие идентификации с местом понимается как позитивный процесс и может быть использовано для описания условий, при которых место является личностным элементом «образа Я» любого человека.

Зависимость от места (*place dependence*) характеризуется как воспринимаемая жителем прочность ассоциации своей жизни и самого себя с определенным местом, которая появляется в ходе оценки жителем качества актуального места и его сравнением с представляемым качеством других мест. Зависимость от места подразумевает деятельность субъекта в среде жизнедеятельности и степень функциональности среды, соответствия ее условий потребностям человека, например, в отдыхе или саморазвитии и т. п. Некоторые исследователи подчеркивали важность городского ландшафта/пейзажа в среде проживания в формировании «зависимости от места» [27]. Зависимость от места была связана с идентификацией с местом через идею самодоста-

точности, разработанной К. Корпелой (Korpela K.). И зависимость от места, и самодостаточность — термины, которые используются, как правило, для описания условий, при которых у личности будет формироваться более сильная привязанность к месту, чем потенциальные возможности места проживания, позволяющие личности достичь желаемый образ жизни. Зависимость от места относится к его функциональным характеристикам, она отражает степень, в которой физические параметры среды обеспечивают условия для реализации потребностей человека [13; 14]. Обоснованность и надежность этой двумерной модели продемонстрирована в ряде исследований в Соединенных Штатах [13; 18; 19; 20].

Однако двухмерная модель игнорирует некоторые значимые социальные (соседское сообщество, членство в социальных организациях, знакомства) и природные факторы (экологичность, эстетичность, территориальная доступность среды и т. д.), влияющие на привязанность к месту.

Учитывая недочеты двухмерной модели, П. Густафсон (Gustafson P.) предложил трехполюсную модель. «Я»-полюс связан с местами, которые пронизаны личностными смыслами и значениями, с теми местами, которые у человека ассоциируются с его жизненным путем, деятельностью, историей, самоидентификацией. Полюс «Другие» касается влияния типичных для данной среды социальных связей и социальных норм и правил на привязанность к месту. Полюс «Среда» отражает роль физических параметров среды в развитии привязанности к месту [12].

Эта модель была задействована в эмпирических исследованиях, посвящен-

ных идентификации человека с природой, привязанности к природе [24; 27].

Интеграция методологических схем по изучению природного и социального аспектов среды и их роли в поддержании личностной идентичности привела к появлению четырехмерной модели изучения привязанности к месту, включающей в себя конструкты: идентификация с местом и зависимость от места (отражающие индивидуальное отношение к месту), связь с природой, социальные связи [20].

Вследствие неоднозначной трактовки понятия места некоторые исследователи дополнили ряд аспектов, определяющих привязанность к месту, новыми конструктами:

- эмоциональная привязанность [10; 13];
- социальные связи [2; 5; 9; 11];
- привычность проживания в определенном месте (приятные воспоминания о времени, проведенном в данном месте, узнаваемость свойств и облика места, а также когнитивное ориентирование в местности и образ места, которые являются результатом взаимодействия с данным местом и проявляются в воспоминаниях, разговорах о нем [9; 10; 16; 27];
- принадлежность (эмоциональная потребность быть принятым социальной группой в пределах жилого пространства, а также потребность в соответствии нормам, правилам, обычаям, типичным для места проживания, личностным убеждениям и ожиданиям человека [20];
- укорененность (феномен, включающий материальный компонент — физическое нахождение на территории проживания, и духовный компонент — тесную психологическую связь с жилой средой независимо от факта проживания индивида в данной среде в настоящее время) [11]. Укорененность, по мнению Я. Туана

(Tuan Y.F.), — это сильная и устойчивая связь со средой проживания, которая «в сущности, означает чувствовать себя дома — то есть, независимо от обстоятельств, ощущать удобство и безопасность в пределах жилого пространства» [26, с. 4];

- и другие [3; 25].

И все же в литературе, связанной с психологией среды, наиболее часто встречается трехмерная модель чувства места, согласно которой чувство места составляют три конструкта — идентификация с местом, зависимость от места и привязанность к месту [13].

Рассматривая чувство места с позиции трех конструктов — привязанности к месту, идентификации с местом и зависимости от места, теоретическую модель этого феномена можно обобщить следующим образом. Привязанность к месту — это эмоциональная составляющая отношения человека к месту, идентификация места — когнитивный компонент, который отражает ощущения собственной индивидуальности; и, наконец, зависимость от места представляет собой конативный или ценностный компонент, качество которого оценивается в зависимости от деятельности субъекта и степени соответствия средовых условий этой деятельности и предпочтениям человека [17].

В исследовании чувства места жителей города Перт Западной Австралии было продемонстрировано, что женщины чаще, чем мужчины, указывают на эмоциональную связь с местом проживания (привязанность к месту), а ценностный компонент (зависимость от места) оказывается для женщин более значимым: к выбору места жительства женщины подходят с практической точки зрения, сопоставляя собственные жизненные потребности и потенциал средовых усло-

вий для их выполнения. В том же исследовании были получены данные о влиянии длительности проживания на чувство места: у людей, проживающих в городе более 20 лет, преимущественно когнитивный компонент (территориальная идентичность) определяет чувство места. Таким образом, отношение человека к месту может обуславливаться когнитивными, эмоциональными или ценностными (коннотативными) связями со средой. При этом авторы подчеркивают, что все респонденты могли достаточно четко и уверенно определить характер собственного отношения к среде [17; 24].

Результаты данного исследования, по словам авторов, подтверждают необходимость применения модели изучения чувства места, состоящей из трех уникальных конструктов — идентификации с местом, привязанности к месту и зависимости от места, которые не могут игнорироваться исследователями и не могут рассматриваться как один и тот же феномен (табл. 1).

В отечественной психологии данная теоретическая модель была модифицирована и использовалась автором статьи для изучения механизмов привязанности к жилому пространству у младших школьников [6; 8]. *Эмоциональный компонент* привязанности к жилому пространству представлен прежде всего конкретными чувствами, эмоциями и переживаниями, которые испытывает человек, находясь и взаимодействуя с группой людей в пределах жилого пространства. Эти чувства различаются по направленности (модальности) и интенсивности и формируют систему оценивания жилой среды как источника позитивных переживаний в комплексе с другими компонентами привязанности.

Когнитивный компонент включает в себя образ места проживания индивида, знание его формирования, развития, его символики, его расположения в пространстве. В целом когнитивный компонент основывается на социальных представлениях индивида или группы людей об общих чертах и особенностях, характерных для данного жилого пространства.

Говоря о *ценностном компоненте* привязанности к жилому пространству, основной акцент ставится на том, как человек оценивает свое место проживания и как эта оценка связана с мотивационно-потребностной сферой индивида. Конструкты, представляющие ценностный компонент привязанности к жилому пространству, на наш взгляд, рационально было разделить на два аспекта:

1) *деятельностный* — включает в себя ценностные факторы, связанные непосредственно с видами деятельности человека в пределах своего жилого пространства: коммуникационная деятельность, установление ценных социальных контактов, возможность выбора и осуществления различных видов деятельности, возможность активной реализации процесса автономности;

2) *содержательный* — конструкты, которые связаны с предметно-пространственной организацией среды, с возможностью манипулирования вещами, пространственной организацией и другими содержательными составляющими жилого пространства. Содержательный аспект включает в себя значимые для человека особенности организации предметно-пространственной и вещной среды, а также процессы персонализации и приватизации, связанные именно с содержательной частью жилой среды.

**Модель изучения чувства места
(Moore&Graefe, 1994; модифицирована Резниченко С.И., 2012)**

Структурный компонент	Уровень компонента		Примеры конструктов, входящих в компонент
Привязанность к месту	Эмоциональный		Эмоциональное содержание событий в прошлом, произошедших в этом месте. Эмоциональная привязанность к обитателям места
Идентификация с местом	Когнитивный		Место как образ детства. Место как источник воспоминаний о событиях жизни
Зависимость от места	Коннотативный (ценностный)	Деятельностный аспект	Возможность активной деятельности. Возможность моделирования пространства
		Содержательный аспект	Уединение, автономность. Приватность, присвоение

Данная модель представляется наиболее удобной в использовании по своей структуре и содержательной, поскольку включает основные компоненты, формирующие чувство места. Модель может быть эффективно применена при изучении чувства места и формирования привязанности к локальной жилой среде (дому, квартире и т. п.). Однако данная теоретическая схема не подходит для изучения привязанности к среде более крупного порядка (например, города, региона, страны и т. п.), так как не содержит в себе конструкты, связанные с отношением человека к природе, достопримечательностям, культурному наследию.

Иную модель предлагает П. ван дер Грааф. В своей докторской диссертации, посвященной проблеме программы городских реконструкций (программы по переселению жителей в организованные особым образом жилые секторы с целью сохранения экологических и территориальных ресурсов) автор обоб-

щил труды исследователей, изучающих феноменологию чувства места и привязанности к жилому пространству. В ней чувство места — это один из конструктов привязанности к месту. В его работе конструкты, составляющие привязанность к месту, следующие (табл. 2): идентификация с местом, чувство места, принадлежность к месту, локус идентификации с местом [10].

Как и другие формы идентификации, процесс идентификации с местом дает ответ на вопрос «Кто я есть?» путем противодействия вопросов «Где я?» и «Какому месту я принадлежу». Л. Кьюба и Д. Хаммон называют идентификацию с местом «дисплейной функцией» привязанности к месту, при которой происходит отражение личностных характеристик через среду, а также формирование личности через призму взаимодействия человека с людьми, проживающими в этом месте [9; 10].

Чувство места — вторая функция привязанности к месту, названная авто-

ром аффелятивной, затрагивает проблему использования человеком места, в результате чего возникает чувство привязанности. Чувство места определяет индивидуальное эмоциональное отношение к определенной среде. Различия между социальным и физическим аспектами чувства места первоначально были предложены С. Ригером и П. Лавраком. В своем исследовании они изучали дихотомию «физическая привязанность к месту (укорененность)/социальная привязанность (близость социальных связей в жилом пространстве)». По результатам проведенных с жителями телефонных интервью было выявлено, что оба фактора положительно коррелируют друг с другом: чем более оседлый образ жизни ведет житель, тем более прочные социальные связи он имеет [21].

Однако некоторые авторы считают, что повышенное внимание к изучению

социальных связей как основополагающего фактора формирования привязанности к месту и игнорирование других потенциальных факторов жилой среды не обоснованно. Так, Л. Кьюба и Д. Хаммон в исследовании феномена идентификации с местом предложили в качестве фокусов идентификации три фактора — жилище, местное сообщество и местность вообще с ее экологическими, климатическими, организационными параметрами. Авторами отмечается, что доминирующим фокусом идентификации с местом является владение жилищем, таким образом, стремление человека проживать всю жизнь в одном и том же месте диктуется преимущественно тем, что он имеет в этом месте собственность, которую он может организовывать и наполнять содержанием соответственно своим предпочтениям.

Таблица 2

Модель изучения привязанности к месту (Graaf van der P.F., 2009)

Конструкты привязанности к месту	Вопрос, с которым связан конструкт	Параметры конструкта
Идентификация с местом	Чувствует ли человек себя как дома в этом месте?	Чувство принадлежности к месту
Чувство места	Каким образом человек чувствует себя здесь как дома?	Укорененность (привязанность к физическим параметрам среды). Социальная привязанность (чувство связанности с обществом)
Фокус идентификации с местом	Где именно человек себя чувствует как дома (масштаб чувства места)?	В пределах собственного жилища. В пределах местного сообщества. В пределах региона
Причина принадлежности человека к месту	Почему это место вызывает у человека чувство дома?	Личностно-ориентированная причина (например, саморазвитие). Ориентация на семью. Ориентация на друзей и знакомых. Ориентация на общество и социальные нормы и правила. Ориентация на устоявшийся уклад и образ жизни. Ориентация на жилище

Также авторы выделили шесть фокусов, служащих причиной принадлежности человека к месту: личностная основа (жилое пространство является основой для личностного роста и развития), ориентация на семью (семья, проживающая в определенном месте, является основным фактором, поддерживающим привязанность к месту); ориентация на друзей и знакомых, ориентация на общество и социальные нормы и правила; ориентация на устоявшийся уклад и образ жизни; ориентация на жилище (в данном случае имеется в виду владение жилой недвижимостью как причина оседлости) [9].

Они выдвинули гипотезу, что разные основы (причины) привязанности к месту соответствуют определенным фокусам идентификации с местом и напрямую зависят от социальной мобильности человека. Например, у респондентов, которые видят причину своей привязанности к месту во владении жилищем, образ жилища будет наполнен личностными смыслами и, соответственно, такие респонденты будут стремиться проводить все свое время в пределах дома или квартиры, подыскивая работу, которую можно делать дома, приглашая гостей к себе и т. д. Респонденты, у которых чувство места диктуется привязанностью к друзьям или членством в сообществах или организациях, будут более мобильны, участвуя во встречах, рабочих собраниях и т. п. [9].

Описанная модель успешно используется для исследования механизмов привязанности к крупным территориальным единицам, но поскольку в ней отсутствует такой компонент, как зави-

симось от места (то есть степень функционального соответствия места потребностям и целям человека), она не применима для изучения предпочтений человека в области предметно-пространственных характеристик среды, а также для изучения привязанности к жилищу.

Заключение

Итак, мы рассмотрели основные теоретические модели изучения феноменов привязанности к месту и чувства места. В настоящее время проблема структурирования конструктов, составляющих мотивационную основу привязанности/чувства места, стоит достаточно остро, поскольку нет единой и уникальной схемы, которая могла бы изучить феноменологию этих явлений, не поддающихся количественному анализу. Несомненно, более детальное изучение параметров, составляющих основу мотивации привязанности к месту, может внести значительный вклад не только в теоретическую социальную психологию в области изучения, например, семейного микроклимата или соседского взаимодействия, но и в прикладную [2; 4; 5]. Фактология данной области исследования может быть включена в рекомендательную базу для практической работы психологов в области профилактики бродяжничества и феномена отчуждения от жилого пространства, организации жилой среды как саногенного ресурса для людей в кризисных ситуациях и как условия для психологического благополучия личности [1; 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитриева Н.С.* Модель жизненного пространства у подростков: предпосылки и направления исследования // Актуальные вопросы психологического знания. 2014. № 3.
2. *Куницына В.Н., Юмкина Е.А.* Семейный уклад в социально-психологическом аспекте [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. URL: www.science-education.ru/104-6696 (дата обращения: 22.05.2014).
3. *Нартова-Бочавер С.К., Бочавер К.А., Бочавер С.Ю.* Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. М., 2011.
4. *Нартова-Бочавер С.К.* Человек суверенный. Психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб., 2008.
5. *Нартова-Бочавер С.К.* Понятие «психологическое пространство личности» и его эвристические возможности // Психологическая наука и образование. 2002. № 1.
6. *Резниченко С.И.* Механизмы привязанности к жилому пространству у детей младшего школьного возраста // Актуальные вопросы психологического знания. 2013. № 2.
7. *Резниченко С.И.* Образ жилого пространства как социально-психологический феномен. Субъект жилого пространства // Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского): материалы VI Всероссийской научно-практической конференции / под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар, 2013.
8. *Резниченко С.И.* Психологические конструкты, составляющие основу формирования привязанности человека к жилой среде // 6-я Российская конференция по экологической психологии / под ред. М.О. Мдивани. М., 2012.
9. *Cuba L., Hummon D.* A place to call home: Identification with dwelling, community and region // The Sociological Quarterly. 1993. V. 1.
10. *Graaf van der P.F.* Out of place? Emotional ties to the neighbourhood in urban renewal in the Netherlands and the United Kingdom (Dissertation). Amsterdam, 2009.
11. *Graham H., Mason R., Newman A.* Literature Review: Historic Environment, Sense of Place, and Social Capital. Newcastle, 2009.
12. *Gustafson P.E.R.* Meanings of place: Everyday experience and theoretical conceptualisations // Journal of Environmental Psychology. 2001. V. 21. № 1.
13. *Jorgensen B.S., Stedman R.C.* A comparative analysis of predictors of sense of place dimensions: Attachment to, dependence on, and identification with lakeshore properties // Journal of Environmental Management. 2006. V. 79. № 3.
14. *Korpela K.* Place-identity as a product of environmental self-regulation // Journal of Environmental Psychology. 1989. V. 9.
15. *Malpas J.E.* Place and Experience: A Philosophical Topography. Cambridge, 1999.
16. *McAndrew F.T.* The Measurement of 'Rootedness' and the Prediction of Attachment to Home-towns in College Students // Journal of Environmental Psychology. 1998. V. 18.
17. *Moore R.L., Graefe A.R.* Attachments to recreation settings: The case of rail-trail users // Leisure Sciences. 1994. V. 16. № 1.
18. *Patterson M.E., Williams D.R.* Maintaining research traditions on place: Diversity of thought and scientific progress // Journal of Environmental Psychology. 2005. V. 25. № 4.

19. *Pretty G.H., Chipuer H.M., Bramston P.* Sense of place amongst adolescents and adults in two rural Australian towns: The discriminating features of place attachment, sense of community and place dependence in relation to place identity // *Journal of Environmental Psychology*. 2003. V. 23. № 3.
20. *Raymond C., Brown G., Weber D.* The measurement of place attachment: Personal, community, and environmental connections // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. V. 30.
21. *Riger S., Lavrakas P.* Community Ties: Patterns of Attachment and Social Interaction in Urban Neighbourhoods // *American Journal of Community Psychology*. 1981. V. 9. №. 1.
22. *Rodman M.C.* «Empowering Place: Multilocality and Multivocality» // *The Anthropology of Space and Place: Locating Culture* / Eds. Setha M. Low and Denise Lawrence-Zuniga. Oxford, 2003.
23. *Scannell L., Gifford R.* Defining place attachment: A tripartite organizing framework // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. V. 30.
24. *Tapsuwan S., Leviston Z., Tucker D.* Sense of Place: Perth Community Attitude towards Land Uses on the Gngara Groundwater System. Sense of Place: Perth Community Attitude towards Land Uses on the Gngara Groundwater System. CSIRO: Water for a Healthy Country National Research Flagship. Western Australia, 2009.
25. *Trentelman C.K.* Place attachment and community attachment: A primer grounded in the lived experience of a community sociologist // *Society and Natural Resources*. 2009. V. 22. № 3.
26. *Tuan Y.F.* Rootedness versus Sense of Place // *Landscape*. 1980. № 24.
27. *Williams D.R., Roggenbuck J.W.* Measuring place attachment: Some preliminary results. In *Abstracts of the 1989 Leisure Research Symposium*. October 20–24. San Antonio, 1989.

Attachment to Place and Sense of Place: Models and Phenomena

S.I. REZNICHENKO

*PhD student, research fellow at the Laboratory for Educational Counseling
Modernization, Moscow State University of Psychology and Education*

The paper considers individual attachment to place and sense of place as basic parameters of human interactions and self-actualization; it analyses various theoretical models of such phenomena as well as constructs underlying them. One of the models for exploring attachment to place was modified by the author and tested empirically. In-depth descriptions of the very phenomena of attachment to place, sense of place, identification with place, addiction to place, and some others are also provided.

Keywords: *sense of place, attachment to place, identification with place, addiction to place, social relations, deep-rootedness.*

REFERENCES

1. Dmitrieva N.S. Model' zhiznennogo prostranstva u podrostkov: predposylki i napravleniya issledovaniya // Aktual'nye voprosy psihologicheskogo znaniya. 2014. № 3.
2. Kunicyna V.N., Yumkina E.A. Semeinyi ukklad v social'no-psihologicheskom aspekte [Elektronnyi resurs] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2012. № 4. URL: www.science-education.ru/104-6696 (data obrasheniya: 22.05.2014).
3. Nartova-Bochaver S.K., Bochaver K.A., Bochaver S.Yu. Zhiznennoe prostranstvo sem'i: ob'edinenie i razdelenie. M., 2011.
4. Nartova-Bochaver S.K. Chelovek suverennyi. Psihologicheskoe issledovanie sub'ekta v ego bytii. SPb., 2008.
5. Nartova-Bochaver S.K. Ponyatie "psihologicheskoe prostranstvo lichnosti" i ego evristicheskie vozmozhnosti // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2002. № 1.
6. Reznichenko S.I. Mehanizmy privyazannosti k zhilomu prostranstvu u detei mladshogo shkol'nogo vozrasta // Aktual'nye voprosy psihologicheskogo znaniya. 2013. № 2.
7. Reznichenko S.I. Obraz zhilogo prostranstva kak social'no-psihologicheskii fenomen. Sub'ekt zhilogo prostranstva // Lichnost' i bytie: sub'ektnyi podhod (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Brushlinskogo): materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii / pod red. Z.I. Ryabikinoy, V.V. Znakova. Krasnodar, 2013.
8. Reznichenko S.I. Psihologicheskies konstrukty, sostavlyayushie osnovu formirovaniya privyazannosti cheloveka k zhiloi srede // 6-ya Rossiiskaya konferenciya po ekologicheskoi psihologii / pod red. M.O. Mdivani. M., 2012.
9. Cuba L., Hummon D. A place to call home: Identification with dwelling, community and region // The Sociological Quarterly. 1993. V. 1.
10. Graaf van der P.F. Out of place? Emotional ties to the neighbourhood in urban renewal in the Netherlands and the United Kingdom (Dissertation). Amsterdam, 2009.
11. Graham H., Mason R., Newman A. Literature Review: Historic Environment, Sense of Place, and Social Capital. Newcastle, 2009.

12. *Gustafson P.E.R.* Meanings of place: Everyday experience and theoretical conceptualisations // *Journal of Environmental Psychology*. 2001. V. 21. № 1.
13. *Jorgensen B.S., Stedman R.C.* A comparative analysis of predictors of sense of place dimensions: Attachment to, dependence on, and identification with lakeshore properties // *Journal of Environmental Management*. 2006. V. 79. № 3.
14. *Korpela K.* Place-identity as a product of environmental self-regulation // *Journal of Environmental Psychology*. 1989. V. 9.
15. *Malpas J.E.* *Place and Experience: A Philosophical Topography*. Cambridge, 1999.
16. *McAndrew F.T.* The Measurement of 'Rootedness' and the Prediction of Attachment to Home-towns in College Students // *Journal of Environmental Psychology*. 1998. V. 18.
17. *Moore R.L., Graefe A.R.* Attachments to recreation settings: The case of rail-trail users // *Leisure Sciences*. 1994. V. 16. № 1.
18. *Patterson M.E., Williams D.R.* Maintaining research traditions on place: Diversity of thought and scientific progress // *Journal of Environmental Psychology*. 2005. V. 25. № 4.
19. *Pretty G.H., Chipuer H.M., Bramston P.* Sense of place amongst adolescents and adults in two rural Australian towns: The discriminating features of place attachment, sense of community and place dependence in relation to place identity // *Journal of Environmental Psychology*. 2003. V. 23. № 3.
20. *Raymond C., Brown G., Weber D.* The measurement of place attachment: Personal, community, and environmental connections // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. V. 30.
21. *Riger S., Lavrakas P.* Community Ties: Patterns of Attachment and Social Interaction in Urban Neighbourhoods // *American Journal of Community Psychology*. 1981. V. 9. № 1.
22. *Rodman M.C.* "Empowering Place: Multilocality and Multivocality" // *The Anthropology of Space and Place: Locating Culture* / Eds. Setha M. Low and Denise Lawrence-Zuniga. Oxford, 2003.
23. *Scannell L., Gifford R.* Defining place attachment: A tripartite organizing framework // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. V. 30.
24. *Tapsuwan S., Leviston Z., Tucker D.* Sense of Place: Perth Community Attitude towards Land Uses on the Gngara Groundwater System. Sense of Place: Perth Community Attitude towards Land Uses on the Gngara Groundwater System. CSIRO: Water for a Healthy Country National Research Flagship. Western Australia, 2009.
25. *Trentelman C.K.* Place attachment and community attachment: A primer grounded in the lived experience of a community sociologist // *Society and Natural Resources*. 2009. V. 22. № 3.
26. *Tuan Y.F.* Rootedness versus Sense of Place // *Landscape*. 1980. № 24.
27. *Williams D.R., Roggenbuck J.W.* Measuring place attachment: Some preliminary results. In *Abstracts of the 1989 Leisure Research Symposium*. October 20–24. San Antonio, 1989.

Межличностное доверие как фактор социально-экономического развития*

А.Н. ТАТАРКО

кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи различных видов доверия с объективными показателями социально-экономического развития обществ. В качестве эмпирического материала использовались агрегированные результаты показателей генерализованного и социального доверия по 57 странам мира, а также показатели социально-экономического развития различных стран (ВВП, показатель удовлетворенности жизнью, индекс качества национальной бизнес-среды, индекс воспринимаемой коррупции и т. д.). Показано, что взаимосвязь различных видов доверия с показателями социально-экономического развития довольно высока и статистически значима. Продемонстрировано, что когда рассматривается динамика доверия и ВВП на временном отрезке около 20 лет внутри одной страны (на примере России и США), то сопряженность данных показателей не всегда удается обнаружить. В работе обсуждается роль доверия как психологического фактора социально-экономического развития.

Ключевые слова: доверие, установки, экономическое поведение, субъективное благополучие, социальный капитал.

К постановке проблемы

Феномен доверия достаточно широко изучался и изучается в социальной психологии. В социологии и экономике доверие часто рассматривается в качестве «ядра» социального капитала. Как отмечал классик теории социального капитала Ф. Фукуяма, «национальное благосостояние, так же как и конкурентоспособность, обусловлено такой всеохватывающей характеристикой как уровень доверия, присущий обществу» (цит. по: [1, с. 144]). Доверие способно «накапли-

ваться» на социетальном уровне. Это накопление успешного опыта социальных взаимодействий может использоваться далее как социальный ресурс, который, собственно, и называют социальным капиталом. Ресурс доверия придает большую эластичность и стабильность обществу в период социальных изменений, однако он не безграничен: его накопление происходит медленно, а растрачивание — быстро. Основное правило заключается в том, что доверие легче трансформируется в недоверие, чем недоверие в доверие [12]. Таким образом, каждый

* Данное научное исследование (№ 14-01-0021) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

неудачный или безответственный шаг государственной власти ведет к уменьшению доверия и социального капитала в обществе.

Активное исследование феномена доверия в общественных науках началось в 1990-е годы, когда оно стало интенсивно изучаться в различных сферах социальной жизни: в межличностных отношениях и особенно в экономике, в бизнесе. Тогда складывающиеся на основе доверия отношения все чаще стали определять как «социальный капитал» [9]. Доверие является «ядром» социального капитала. О важной роли доверия в экономике писал еще более 200 лет назад А. Смит, хотя он четко не связывал доверие в обществе с уровнем его богатства. Ф. Фукуяма определяет социальный капитал как «свод неформальных правил и норм, разделяемых членами группы и позволяющих им взаимодействовать друг с другом. Если члены группы ожидают, что их сотоварищи будут вести себя надежно и честно, значит, они доверяют друг другу» [4, с. 129].

Проведенные в середине 90-х гг. прошлого века отечественными психологами исследования обыденных представлений о доверии среди российских предпринимателей [3] позволили выделить содержание наиболее типичных из этих представлений:

доверие — это качество отношения к другому человеку, группе лиц или организации в целом, в основе которого лежит их оценка как людей честных, правдивых, искренних и т. п., то есть наделенных определенной группой качеств (такое представление условно можно назвать «доверие как оценка»);

это процесс передачи другому человеку, группе лиц или организаций зна-

чимой для передающего информации, секретов, различных материальных ценностей, финансов, бумаг и т.п. при полной убежденности в их неразглашении или возможности их возврата (то есть «доверие как процесс передачи важной информации»);

это качество поведения по отношению к другому человеку, группе лиц или организаций, характеризующееся опорой на них в работе («доверие как поведение»);

это состояние короткой психологической дистанции между людьми, их психологическая близость друг с другом (то есть «доверие как групповое состояние») [3, с. 260—261].

В психологии существует немало количество подходов к структуре доверия и техник его измерений (см. обзор в: [5]). Психологический подход чаще всего используется при изучении межличностного доверия или доверия в малых группах, например, в организациях. В качестве примера методики, позволяющей оценить межличностное доверие, можно привести методику, разработанную Р. Левицки с колл. [22; 23]. В ее основу положена трехкомпонентная модель доверия, каждый из компонентов которой имеет определенные основания:

а) *доверие, основанное на расчете* (оценивается по степени согласия с такими суждениями, как: «поведение этого человека соответствует моим ожиданиям»; «этот человек делает то, что он обещал»; «я слышал от других людей о его хорошей репутации» и т. п.);

б) *доверие, основанное на знании* (примеры утверждений: «у меня достаточный опыт общения с этим человеком»; «мне кажется, что я хорошо его знаю»; «мне кажется, я достаточно точно могу предсказать его поведение» и т. п.);

в) *доверие, основанное на тождестве* («у нас с ним общие интересы»; «у нас — общие жизненные ценности»; «мы с ним отстаиваем одни и те же принципы» и т. п.).

Данная методика позволяет оценить показатели трех компонентов доверия, средний показатель доверия в отношениях с человеком, которому доверяют больше всего, и в отношениях с человеком, который доверия не оправдал.

Подобный подход использован в методике оценки доверия личности другим людям А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко [2, с. 218], которые выделили три компонента доверия, положенных в основу методики:

предсказуемость, под которой понимается представление субъекта, насколько хорошо он знает человека, по отношению к которому оценивается уровень доверия, и насколько он способен предсказывать его поведение в ситуации неопределенности;

надежность — представление субъекта о том, способен или нет другой человек оказать помощь, поддержать в трудной ситуации;

единство (тождественность) — представление субъекта о наличии у него общих целей, принципов или мировоззрения с другим человеком.

Авторами разработаны три одноименных шкалы, каждая содержит пять утверждений [там же].

В литературе, посвященной проблематике социального капитала, выделяется три основных вида доверия:

общее или генерализованное (всем в целом);

социальное (окружению, соседям, коллегам) [24];

институциональное (различным социальным институтам) [15].

Ф. Фукуяма понимает доверие как возникающее у членов сообщества ожидание, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и внимательно к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами.

Доверие — важнейший психологический фактор, связанный с экономикой. Математически связь доверия с экономическим успехом была показана в исследовании С. Нака и П. Кифера [20]. Данные авторы, используя регрессионный анализ, проанализировали на выборке из 28 стран взаимосвязь экономического роста и доверия. Регрессионный анализ показал взаимосвязь — с увеличением доверия в большинстве стран увеличивался и процент экономического роста.

Еще более высокую связь авторы обнаружили между доверием и долей инвестиций в ВВП (на примере своей выборки стран с 1960 по 1992 гг.). В целом С. Нак и П. Кифер вывели закономерность и показали, что увеличение уровня доверия в стране на один пункт ведет к экономическому росту более чем на половину пункта. Ла Порта с колл. обнаружили, что один пункт прироста доверия увеличивает эффективность судебных решений на 0,7 и снижает коррупцию на 0,3 [7]. Проблеме влияния социального капитала на экономическое развитие были посвящены многочисленные исследования, проведенные под эгидой Мирового Банка, в которых было показано, что социальный капитал связан с уровнем экономического роста и подушным доходом ([8]).

Также является подтвержденной связь уровня межличностного доверия с уровнем образования, размером инвес-

тирования и уровнем дохода [28]. Сопряженность доверия с ростом дохода и занятости была выявлена путем анализа специальных статистических показателей по 44 штатам США в период с 1990 по 2000 год (приводится по: [29]). Имеют место исследования, показывающие, что высокое межличностное доверие, существующее в социальной среде, связано с тем, что люди начинают более активно пользоваться кредитами [20].

Р. Инглхарт рассматривал сочетание уровня доверия с уровнем экономического развития стран и конфессиональной принадлежностью [17]. Анализируя связь показателей доверия (по результатам Всемирного обзора ценностей) и ВВП, Р. Инглхарт обнаружил, что связь доверия и ВВП опосредствована такой культурной характеристикой, как конфессиональная принадлежность. Межличностное доверие заметно коррелирует с уровнем ВВП на душу населения ($r = 0.60$), но даже богатые католические страны стоят ниже по этой шкале, чем исторически протестантские страны, в которых приблизительно такой же уровень благосостояния. Среди рассматриваемых обществ католики располагаются примерно на той же высоте по шкале межличностного доверия, что и протестанты. Их общий исторический опыт, то есть культура, культурные ценности, становятся решающими. Р. Инглхарт делает вывод, что протестантское культурное наследие сопряжено с «синдромом» высокого уровня доверия, толерантности, благополучия и постматериализма, который составляет ценности самовыражения, в то время как наследие православия и наследие коммунистического правления оба показывают негативное влияние на эти ценности, даже если ис-

ключить из анализа дифференциацию экономического развития и социальной структуры общества [17].

Программа исследования

Цель представленного в статье исследования состояла в изучении взаимосвязей различных видов доверия с широким кругом социально-экономических явлений.

Общая гипотеза исследования состоит в том, что различные виды доверия личности (генерализованное, межличностное, социальное) позитивно связаны с объективными показателями социально-экономического развития на уровне стран.

Для достижения поставленной цели были использованы специальные базы данных по различным странам. Для дальнейшей математико-статистической обработки нами отбирались показатели доверия и объективные показатели социально-экономического развития по различным странам. Кроме того, были отобраны данные по доверию и ВВП по России и США за определенные промежутки времени. Это позволило сопоставить динамику доверия и ВВП в этих странах.

В нашем исследовании мы провели детальный анализ взаимосвязи доступных в базах данных агрегированных индикаторов социально-психологического капитала с различными показателями социально-экономического развития стран. Для достижения этой цели был проведен корреляционный анализ взаимосвязей агрегированных показателей доверия и социально-политической активности граждан с объективными макроэкономическими показателями 57 стран.

Для изучения связи показателей доверия с объективными макроэкономическими показателями были использованы данные Всемирного Исследования Ценностей (WVS). Была использована база данных 5-й волны за 2005–2008 годы, опубликованная 9 января 2009 года (WVS 2005 WAVE). Вышеупомянутая база включает данные по 57 странам. Общее число респондентов в базе 82 992 человека. Прежде всего, для дальнейшего проведения корреляционного анализа нами подсчитывалось среднее арифметическое для каждой страны по отобранным показателям социально-психологического капитала. Далее база была дополнена объективными социально-экономическими показателями по каждой из рассматриваемых стран. Источниками данных показателей послужили различные базы данных, доступные в интернете. Рассмотрим более подробно переменные, которые использовались в процессе исследования.

1. *Общее доверие личности* оценивалось с помощью вопроса из базы данных WVS: «Считаете ли Вы, что, в общем, большинству людей можно доверять или нужно быть осторожным, имея дело с людьми?». При ответе респондент мог выбрать два варианта: либо то, что большинству людей можно доверять, либо вариант ответа, состоящий в том, что нужно быть осторожным с людьми. Показателем уровня доверия был процент респондентов по каждой стране, отметивших, что большинству людей можно доверять.

2. *Социальное доверие личности* оценивалось с помощью двух показателей из базы данных WVS. Респондентам был задан вопрос в следующей форме: «Доверяете ли Вы людям из данной группы

полностью, в некоторой степени, не слишком доверяете или вообще не доверяете?». Далее упоминались представители различных социальных категорий. В поле нашего рассмотрения мы включили представителей других национальностей (отличающихся от национальности респондента) и людей, исповедующих иную религию. Для ответов респондентам была предложена шкала, где 1 – «полностью доверяю», 2 – «доверяю в некоторой степени», 3 – «не слишком доверяю» и 4 – «вообще не доверяю».

3. *Удовлетворенность жизнью.* Данный показатель также представлен в базах WVS. Респонденту задается вопрос: «Насколько Вы удовлетворены вашей жизнью?». Далее для ответа предлагается 10-балльная шкала от 1 – «абсолютно неудовлетворен» до 10 – «абсолютно удовлетворен».

4. *Валовой внутренний продукт на душу населения, предоставленный по паритету покупательской способности, пересчитан в \$ США.* Показатели по различным странам брались из базы данных Международного Валютного Фонда, которая представлена в интернете.

5. *Индекс «гражданские свободы»* является составным и отражает свободу мысли и самовыражения, свободу объединения в ассоциации и организации, равенство перед законом и автономность личности без вмешательства государства. Шкала измерения индекса 7-балльная, где 1 – самый высокий уровень свобод, а 7 – самый низкий уровень свобод. Перед обработкой данные перекодировались. Нами использовались данные из базы Freedom House [14].

6. *Индекс «политические права»* является комплексным и отражает возможность свободного участия людей в поли-

тических процессах, включая право свободного голосования, предусматривающее наличие альтернатив, а также возможность претендовать на государственную должность, вступать в политические партии и организации, избирать представителей, которые оказывают существенное влияние на государственную политику и ответственны перед электоратом [14]. Шкала измерения индекса 7-балльная, где 1 — самый высокий уровень свобод, а 7 — самый низкий уровень свобод; перед обработкой шкала перекодировалась.

7. *Индекс воспринимаемой коррупции* отражает восприятие уровня коррупции людьми, занятыми в бизнесе, а также аналитиками стран. Шкала измерения индекса 10-балльная, где 1 — самый высокий уровень коррупции и 10 — самый низкий уровень коррупции (перед обработкой данные нами перекодировались в сторону нарастания показателя коррупции). Данные были взяты из базы *Internet center for corruption research* [18].

8. *Индекс качества национальной бизнес-среды* отражает основные критерии, с помощью которых компании формируют стратегии на глобальном рынке. Он отражает не только исторически сложившиеся, но и ожидаемые (в течение следующих 5 лет) условия. Индекс качества национальной бизнес-среды оценивается с помощью 10 отдельных критериев, которые включают политическую среду, макроэкономическую среду, возможности рынка, политику по отношению к частному предпринимательству и конкуренции, политику по отношению к иностранным инвестициям, международной торговле и валютному контролю, налоги, финансирование, рынок труда и инфраструктуру. Шкала измерения ин-

декса ранговая. Использовались данные, представленные на сайте *Economist Intelligence Unit* [13].

9. *Индекс экономической свободы* демонстрирует отсутствие правительства или воспрепятствования производству, распределению и потреблению товаров и услуг, за исключением необходимой гражданам защиты и поддержки свободы. Индекс экономической свободы базируется на 10 показателях, измеряемых по шкале от 0 до 100 баллов. В индекс экономической свободы входят показатели: свобода бизнеса, свобода торговли, налоговая свобода, свобода от правительства, денежная свобода, свобода инвестиций, финансовая свобода, защита прав собственности, свобода от коррупции, свобода трудовых отношений. В исследовании использовались данные, представленные на сайте *The Heritage Foundation* [27].

10. *Индекс демократии* отражает 60 разных показателей, сгруппированных по 5 категориям: выборы и плюрализм, гражданские свободы, деятельность правительства, политическая ангажированность населения и политическая культура. Шкала измерения индекса 10-балльная, где 0 — наиболее авторитарные страны, а 10 — наиболее демократические страны. В исследовании использовались данные, представленные на сайте *Economist Intelligence Unit* [13].

Как уже упоминалось, все обратные шкалы были перекодированы. Поэтому в нашей базе значения всех показателей нарастают в сторону увеличения шкал. Однонаправленность шкал удобна для интерпретации корреляционных и регрессионных связей, позволяет избежать ошибок при анализе данных и облегчает читателю понимание таблиц и текста. Об-

работка данных производилась с помощью статистического пакета SPSS 19.0.

Результаты исследования и их обсуждение

В таблице представлены результаты корреляционного анализа взаимосвязей различных видов доверия и экономико-политических характеристик 57 стран. При анализе мы использовали показатели общего доверия, доверия представителям другой религии и доверия представителям другой национальности.

Как можно видеть в таблице, все рассматриваемые виды доверия позитивно связаны с показателями экономического и политического развития стран. Взаимосвязь доверия с ВВП была продемонстрирована в ряде существующих исследований [20; 17], равно как и отрицательная связь доверия с уровнем коррупции и позитивная с индексом демократии [26]. Взаимосвязи доверия представителям иных национальностей и религий с показателями экономико-поли-

тического развития в существующих исследованиях ранее не рассматривались.

Из таблицы видно, что отмеченные виды доверия связаны с большим, по сравнению со связями общего доверия, количеством показателей социально-политического развития. Этому факту можно дать следующее объяснение. На сегодняшний день миграционные процессы во всем мире протекают более интенсивно, чем когда-либо. Большинство мигрантов переезжают в новое общество в поисках лучшей жизни и работы. Позитивное принятие мигрантов и представителей других национальностей позволяет им более активно включаться в экономическую жизнь обществ и оказывать на нее позитивное влияние. Разумеется, в данном случае речь не идет о причинно-следственной связи, однако принятие представителей иноэтнических групп отражает общую атмосферу свободы и доверия, которая присутствует в подобных обществах. Обратим внимание, что показатели доверия преимущественно связаны с политическими показателями, характеризующими уровень свободы и

Таблица
Взаимосвязь доверия и экономико-политических характеристик в 57 странах

Экономико-политические характеристики	Большинству людей можно доверять	Доверие людям другой религии	Доверие людям другой национальности
Удовлетворенность жизнью	0,32*	0,27*	0,23
Валовой внутренний продукт на душу населения	0,58***	0,54***	0,63***
Гражданские свободы	0,23	0,54***	0,59***
Политические права	0,10	0,48**	0,50**
Индекс воспринимаемой коррупции	-0,63***	-0,57***	-0,61***
Индекс качества национальной бизнес-среды	0,55***	0,44**	0,40**
Индекс экономической свободы	0,38**	0,43**	0,44**
Индекс демократии	0,39**	0,53***	0,58***

Условные обозначения: * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

демократии в обществах. Соответственно, мы можем заключить, что на уровне стран доверие демонстрирует довольно сильную сопряженность с уровнями свободы и экономического развития. Но можно ли считать доверие причиной экономического развития? Это серьезный вопрос, поскольку связь доверия и показателей экономико-политического развития может быть опосредована большим количеством других факторов. Доверие — характеристика индивида и интерпретировать связь агрегированных показателей доверия с макроэкономическими показателями нужно с большой осторожностью.

С целью более глубокого рассмотрения взаимосвязи доверия с объективными показателями социально-экономического развития был проведен анализ временной ковариации доверия и ВВП в рамках одной страны. В данной серии исследования мы проанализировали связь временной динамики доверия и

ВВП (в долларах США) в США с 1982 по 2006 года и в России с 1990 по 2010 год. Для оценки уровня доверия США использовались данные WVS. Показатели по ВВП США представлены на сайте Института экономики и права Ивана Кушнера [6]. Данные анализа представлены в виде графика на рис. 1.

Мы оценили связь показателей, представленных на рис. 1: коэффициент τ Кенделла оказался отрицательным и статистически не значимым ($\tau = -0.22$). На графике видно, что несмотря на неуклонный рост ВВП США, уровень доверия также неуклонно падал с 1990 по 2006 год. И только в 2006 году наметилась небольшая тенденция к его росту. О распаде доверия и падении культуры доверия в США писали и Ф. Фукуяма [15; 16] и Р. Патнэм [25]. Таким образом, доверие и ВВП в США не связаны. Является ли в таком случае доверие капиталом общества? Может, оно является капиталом личности? Вероятнее всего,

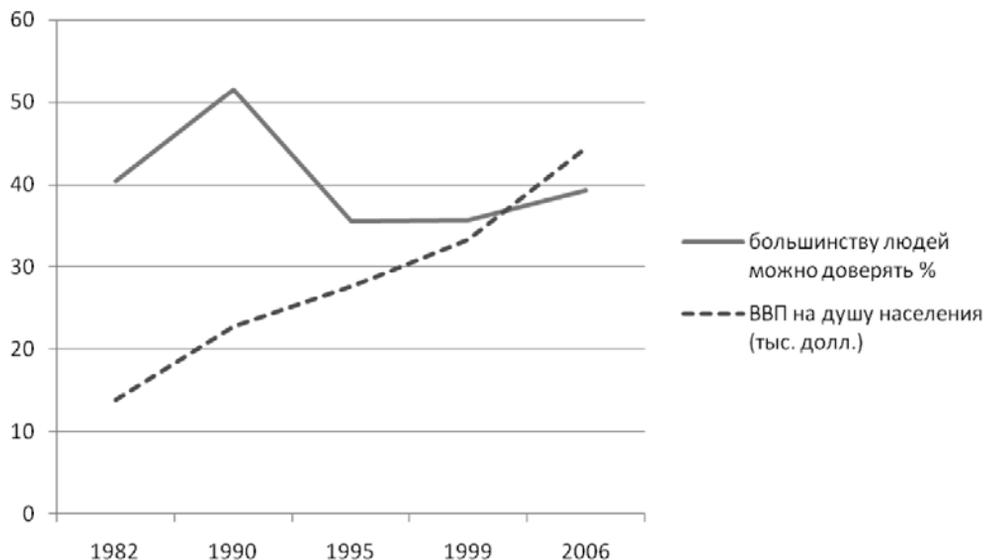

Рис. 1. Соотношение общего доверия и ВВП на душу населения в США (1982–2006 гг.)

экономические отклики на изменение социально-психологических реалий следуют чуть позже. В частности, системный кризис в экономике США грянул чуть позже — в 2008 году.

Теперь рассмотрим аналогичные данные по России, представленные на рис. 2.

Данные по доверию россиян с 1990 по 2006 год можно найти на сайте WVS, данные по доверию с 2008 и 2010 года — на сайте ESS. На графике представлен процент респондентов, которые согласны, что большинству людей можно доверять. Данные по ВВП России получены с сайта Института экономики и права Ивана Кушнера [12]. Аналогично, как и в случае с США, вычислялся коэффициент корреляции τ Кенделла. Связь, как и в предыдущем случае, оказалась статистически незначимой, хотя коэффициент оказался положительным ($\tau = 0.33$).

Таким образом, мы видим определенную тенденцию в связи доверия и ВВП, когда рассматриваем связь этих показателей по ряду стран за один год, то связь

есть, и довольно выраженная. Когда мы включаем в поле рассмотрения одну страну (будь то ведущая экономическая держава США, будь то страна с более слабой экономикой — Россия), мы можем не получить такой связи.

Соответственно, можно высказать предположение, что доверие напрямую не влияет на экономику и что, вероятнее всего, данная связь опосредована культурой и общим политическим климатом в обществе. Поэтому чрезвычайно важно рассматривать связь доверия и макроэкономических показателей при учете медиативной роли культуры.

Обобщая результаты исследования, напомним, что в существующих исследованиях различные виды доверия рассматриваются в качестве ресурса общества или одного из его капиталов постольку, поскольку в агрегированном виде эти факторы позитивно связаны с различными показателями экономико-политического развития обществ [17; 20]. Доверие рассматривается в подоб-

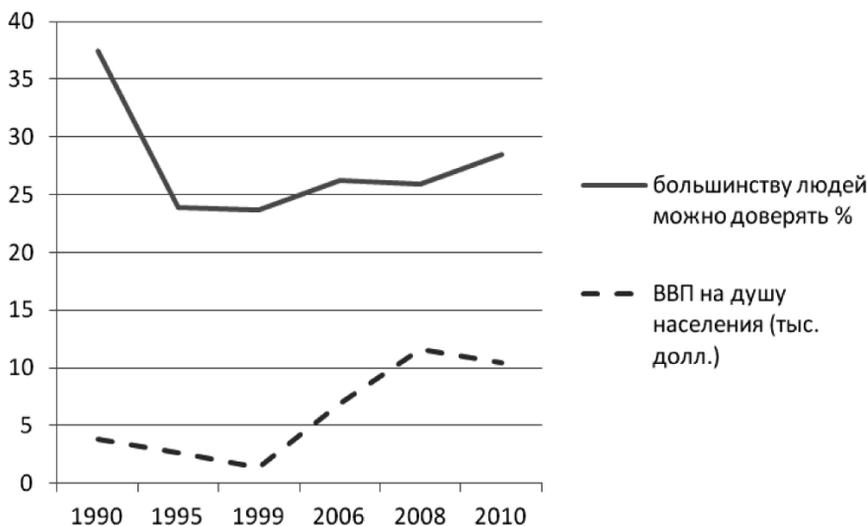

Рис. 2. Соотношение общего доверия и ВВП на душу населения в России (1990–2010 гг.)

ных исследованиях в качестве так называемого «социального капитала» общества или одного из его элементов [19–21; 24–27]. Однако в данном случае мы сталкиваемся с двумя проблемами. Первая заключается в том, что мы все же не можем говорить о причинно-следственной связи. Вторая состоит в том, что как только мы переходим к рассмотрению связи динамики ВВП и доверия в рамках одного общества (в нашем случае это были Россия и США), то явной связи этих показателей мы можем и не обнаружить. Зачастую в рамках вышеупомянутой теории социального капитала в качестве индикаторов данного явления используются показатели, противоположные по своей сути. В частности, с одной стороны, это институциональное доверие, а с другой стороны — частота участия граждан в различных митингах, выступлениях против действующей власти, подписании петиций, что, по сути, есть выражение недоверия институтам власти [17; 14; 25]. Как преодолеть данные противоречия? Мы полагаем, что переход на индивидуальный уровень анализа позволит глубже понять природу обозначенных связей и более точно рассмотреть связь ресурса психологических отношений личности (доверия) с ее экономическим поведением. При этом данный анализ обязательно должен быть включен в реально существующую «социальную экологию», то сеть рассматриваться при учете поликультурности общества. Большинство обществ в мире, равно как и Россия, становятся все более и более поликультурными, и эта поликультурность влияет на все социально-психологические процессы, протекающие в рамках данных обществ.

Выводы

1. Доверие взаимосвязано с показателями социально-экономического развития различных стран. В исследовании показано, что уровень доверия в различных странах позитивно взаимосвязан с ВВП, гражданскими свободами и политическими правами внутри страны, качеством национальной бизнес-среды, экономической свободы и демократии.

2. Генерализованное доверие и доверие людям, исповедующим другую религию, позитивно взаимосвязаны с удовлетворенностью жизнью. Однако эта связь не очень высока. Доверие людям другой национальности не связано с удовлетворенностью жизнью.

3. Индекс воспринимаемой коррупции имеет довольно сильную отрицательную связь со всеми видами доверия.

4. Показатели социального доверия (в нашем случае это доверие людям другой религии и доверие людям другой национальности) демонстрируют большее количество взаимосвязей с показателями социально-экономического развития по сравнению с аналогичным количеством взаимосвязей генерализованного доверия. То есть социальное доверие имеет более тесную связь с социально-экономическим развитием, чем генерализованное доверие.

5. Хотя доверие демонстрирует высокую взаимосвязь с показателями социально-экономического развития при межстрановом анализе, данная взаимосвязь исчезает при анализе на уровне одной страны в рамках определенных временных периодов. Например, мы можем не наблюдать связь доверия и ВВП в России и США на протяжении последних 20 лет.

6. Вероятнее всего, доверие напрямую не влияет на определенные социально-экономические показатели стран. Оно может влиять на индивидуальном уровне на поведение людей, а также быть на культурном уровне одним из элементов более широкого культурного комплекса, связанного с социально-экономическим развитием, что и обуславливает на межстрановом уровне ковариацию доверия и других показателей социально-экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусова Н.А. Культурные корни социального капитала // Социологические исследования. 1999. № 8.
2. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М., 2003.
3. Журавлев А.Л., Сумарокова В.А. Доверие предпринимателей к разным видам организаций: региональные особенности // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М., 1998.
4. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М., 2002.
5. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008.
6. Макроэкономические исследования / База данных Института экономики и права Ивана Кушнира. URL: http://www.be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_usa.html.
7. Натхов Т. Образование, социальный капитал и экономическое развитие (обзор основных исследований) // Вопросы экономики. 2010. № 8.
8. Партс И. Роль социального капитала в экономическом развитии переходных стран // Портал «Диалог». URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page13246.html>
9. Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2.
10. Шихирев П.Н. Проблемы исследования межгрупповых отношений // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 1.
11. Шихирев П.Н. Социальный капитал: бизнес и этика // Проблемы повышения деловой культуры. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Киров, 2003.
12. Экономика и социология доверия / Под ред. Ю.В. Веселова. СПб., 2004.
13. Economist Intelligence Unit. URL: <http://www.eiu.com>
14. Freedom House // Issues. URL: http://freedomhouse.org/issues#.U3irWJ9t_PA
15. Fukuyama F. Trust: the social virtues and the creation of prosperity. London, 1995.
16. Fukuyama F. Trust. Tokyo, 1999.
17. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American Sociological Review. 2000. V. 65.
18. Internet center for corruption research. URL: <http://www.icgg.org>.
19. Knack S. Groups, growth and trust: cross-country evidence on the Olson and Putnam hypothesis // Public Choice. 2003. V. 117. № 3–4.
20. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // Quarterly Journal of Economics. 1997. V. 112. № 4.

21. *Knack S.* Social capital and the quality of government: Evidence from the states // American Journal of Political Science. 2002. V. 46.
22. *Lewicki R.J., Bunker B.B.* Developing and maintaining trust in work relationships // Trust in Organizations: Frontiers of Theory and Research / Ed. by R.M. Kramer, T.R. Tyler. Sage Publications, Thousand Oaks, CA, 1996.
23. *Lewicki R.J., Stevenson M.A., Bunker B.B.* The Three Components of Interpersonal Trust: Instrument Development and Differences Across Relationships // Working paper, College of Business, Ohio State University, 1997.
24. *Putnam R.* Social capital: measurement and consequences // Canadian Journal of Policy Research. 2001. V. 2. № 1.
25. *Putnam R.* Making democracy work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, NJ, 1993.
26. *Svendsen G.T., Svendsen G.L.* (Eds.) Handbook of social capital. The Troika of sociology, political science and economics. Cheltenham, UK, 2010.
27. The Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org>
28. *Zak P., Knack S.* Trust and growth // Economic Journal. 2001. V. 111. № 470.
29. *Westlund H., Adam F.* Social capital and economic performance: A meta-analysis of 65 studies // European planning studies. 2010. V. 18. № 6.

Interpersonal Trust as a Factor of Socio-Economic Development

A.N. TATARKO

Associate Professor, Psychology Department of National research University – Higher School of Economics

Hereby the results of a study of the interrelation between different kinds of trust and objective indicators of socio-economic development of societies are presented. Aggregated results indicators of generalized and social trust of 57 countries of the world and the indicators of socio-economic development of various countries (GDP, indicator of life satisfaction, the index of quality of national business environment, the index of perceived corruption and so on) were used as empirical material. Interrelation of different types of trust with indicators of socio-economic development is quite high and statistically significant. However, when considering the dynamics of trust and GDP over a time span of about 20 years within a taken country (for example, Russia or the USA), the correlation of these indicators may not be found. We discuss the role of trust as a psychological factor of socio-economic development in the present paper.

Keywords: *trust, attitudes, economic behavior, subjective well-being.*

REFERENCES

1. Busova N.A. Kul'turnye korni social'nogo kapitala // Sociologicheskie issledovanija. 1999. № 8.
2. Zhuravlev A.L., Kuprejchenko A.B. Nравstvenno-psihologicheskaja reguljacija ekonomicheskoy aktivnosti. M., 2003.
3. Zhuravlev A.L., Sumarokova V.A. Doverie predprinimatelej k raznym vidam organizacij: regional'nye osobennosti // Social'no-psihologicheskaja dinamika v uslovijah ekonomicheskikh izmenenij. M., 1998.
4. Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom cennosti sposobstvujut obshhestvennomu progressu / Pod red. L. Harrisona, S. Hantingtona. M., 2002.
5. Kuprejchenko A.B. Psihologija doverija i nedoverija. M., 2008.
6. Makroekonomicheskie issledovanija / Baza dannyh Instituta ekonomiki i prava Ivana Kushnira. URL: http://www.be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_usa.html.
7. Nathov T. Obrazovanie, social'nyj kapital i ekonomicheskoe razvitie (obzor osnovnyh issledovanij) // Voprosy ekonomiki. 2010. № 8.
8. Parts I. Rol' social'nogo kapitala v ekonomicheskom razvitii perehodnyh stran // Portal "Dialog". URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page13246.html>
9. Shihirev P.N. Priroda social'nogo kapitala: social'no-psihologicheskij podhod // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2003. № 2.
10. Shihirev P.N. Problemy issledovanija mezhgruppovyh otnoshenij // Psihologicheskij zhurnal. 1992. T. 13. № 1.
11. Shihirev P.N. Social'nyj kapital: biznes i etika // Problemy povyshenija delovoj kul'tury. Materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kirov, 2003.

12. *Ekonomika i sociologija doverija* / Pod red. Ju.V. Veselova. SPb., 2004.
13. Economist Intelligence Unit. URL: <http://www.eiu.com>
14. Freedom House // Issues. URL: http://freedomhouse.org/issues#.U3irWJ9t_PA
15. *Fukuyama F.* Trust: the social virtues and the creation of prosperity. London, 1995.
16. *Fukuyama F.* Trust. Tokyo, 1999.
17. *Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. V. 65.
18. Internet center for corruption research. URL: <http://www.icgg.org>.
19. *Knack S.* Groups, growth and trust: cross-country evidence on the Olson and Putnam hypothesis // *Public Choice*. 2003. V. 117. № 3–4.
20. *Knack S., Keefer P.* Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. V. 112. № 4.
21. *Knack S.* Social capital and the quality of government: Evidence from the states // *American Journal of Political Science*. 2002. V. 46.
22. *Lewicki R.J., Bunker B.B.* Developing and maintaining trust in work relationships // *Trust in Organizations: Frontiers of Theory and Research* / Ed. by R.M. Kramer, T.R. Tyler. Sage Publications, Thousand Oaks, CA, 1996.
23. *Lewicki R.J., Stevenson M.A., Bunker B.B.* The Three Components of Interpersonal Trust: Instrument Development and Differences Across Relationships // Working paper, College of Business, Ohio State University, 1997.
24. *Putnam R.* Social capital: measurement and consequences // *Canadian Journal of Policy Research*. 2001. V. 2. № 1.
25. *Putnam R.* Making democracy work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, NJ, 1993.
26. *Svendsen G.T., Svendsen G.L.* (Eds.) Handbook of social capital. The Troika of sociology, political science and economics. Cheltenham, UK, 2010.
27. The Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org>
28. *Zak P., Knack S.* Trust and growth // *Economic Journal*. 2001. V. 111. № 470.
29. *Westlund H., Adam F.* Social capital and economic performance: A meta-analysis of 65 studies // *European planning studies*. 2010. V. 18. № 6.

Психологическая суверенность и особенности межличностного общения*

С.К. НАРТОВА-БОЧАВЕР

доктор психологических наук, профессор Московского городского психолого-педагогического университета

В статье излагаются результаты исследования связи психологической суверенности и особенностей межличностного общения. Гипотеза исследования состоит в том, что суверенность положительно связана с гармоничным межличностным взаимодействием. Эмпирически подтверждено, что суверенность положительно связана с разными аспектами привязанности (уважением к другим, доверчивостью, теплотой), отрицательно — с тревожностью и избеганием близких отношений. Обнаруженные связи сильнее выражены в женской подвыборке.

Ключевые слова: *суверенность, межличностное общение, близкие отношения, привязанность, теплота, доверчивость, уважение других, тревожность, избегание.*

В последние годы появилось много работ, посвященных феноменологии психологической суверенности; большинство из них открывает связи суверенности и разных аспектов психологического и социального благополучия. Получены косвенные данные, свидетельствующие, что отношения человека с другими также могут быть опосредствованы уровнем его суверенности. Так, в работах отечественных исследователей показано, что суверенность — важный фактор романтических отношений и внутрисемейного взаимодействия [2; 10; 12]; коррелят противоправного поведения, причем со спецификацией типа преступления [1]. Суверенность коррелирует с эмпатией, а ее динамика специфична для представителей разных профессий [3]. Суверенность связана с нарциссиз-

мом [16], виктимизацией [13], склонностью занимать позицию жертвы и чувствительностью к справедливости [7; 9]. Однако вопрос, как именно связана психологическая суверенность с межличностным взаимодействием в целом, есть ли различия в общении суверенных и депривированных людей, ранее не был самостоятельным предметом внимания исследователей.

Между тем в соответствии с определениями суверенности как баланса между своими потребностями и потребностями других людей или прочности личностных границ можно акцентировать понимание суверенности как не только личностного, но и межличностного феномена: ведь границы отделяют пространство человека не от абстрактного мира вообще, а от кон-

---

* Исследование было проведено при поддержке Российского гуманитарного фонда, проект 13-06-00031.

кретных миров отдельных людей, которые могут внедряться сами или испытывать внедрение со стороны других [7; 8]. В рамках разрабатываемой нами теории суверенность — это социально адаптивное качество, появляющееся в результате обобщения повседневных ситуаций детства, в которых субъект либо успешно защищал свои личностные границы, либо терпел неудачу, но это всегда происходило в социальном контексте, и потому вполне возможно, что близкие отношения также связаны или модулируются уровнем психологической суверенности [8]. В самом деле, если умеренная суверенность дает человеку чувство безопасности, можно ожидать большей диалогичности, толерантности, гуманности в отношениях с людьми [14; 17]. А опыт депривированности стимулирует превентивную или защитную агрессивность, делает человека особенно чувствительным к различению своих и чужих, т. е. нетолерантным. Однако мы никак не можем предположить, что эти связи будут иметь всеобщий характер.

Общая гипотеза нашего исследования состоит в том, что психологическая суверенность связана с позитивным и гармоничным взаимодействием с другими людьми.

Исследование включало две отдельные серии.

Серия 1. Данные были получены в рамках дальнейшей валидации основного инструмента изучения психологической суверенности — опросника «Суверенность психологического пространства-2010» (СПП-2010) [5; 11]. Выборку составили 134 добровольца, старше школьники и студенты разных образовательных организаций Москвы (41 юно-

ша, 93 девушки), $M_{\text{возр.}} = 19,8$ лет. Использовались два опросника: «Суверенность психологического пространства-2010» (СПП-2010) из 67 пунктов и шкала «привязанность-обособленность» пятифакторного опросника личности из 15 пунктов и пяти субшкал, измеряющих черты более низкого уровня (фасетки) — «теплота-равнодушие», «сотрудничество-соперничество», «доверчивость-подозрительность», «понимание-непонимание», «уважение других-самоуважение» [15]. Отметим, что в данной серии мы рассматриваем не столько динамику и феноменологию общения, сколько существование внутриличностных предпосылок для него, так как пятифакторная модель, по замыслу ее создателей, отражает наследственные индивидуальные особенности, во многом обусловленные темпераментом и программами поведения. Поскольку нами было показано, что психологическая суверенность также представляет собой черту личности, здесь речь идет о формальных возможностях и ограничениях общения, но не о реальном и содержательном его воплощении. Понятно, что склонность к привязанности сама по себе может задаваться, среди прочего, зависимостью, сензитивностью, значимостью персоны-объекта привязанности, ситуацией взаимодействия и т. д.

Частная гипотеза серии: чем выше уровень суверенности, тем выше способность устанавливать привязанность к другим людям.

Поскольку все наши эмпирические исследования свидетельствуют о высокой гендерной сензитивности феномена суверенности, данные были подсчитаны отдельно для юношей и девушек.

Таблица 1

Связь r_s суверенности психологического пространства и «привязанности—обособленности» у юношей

Шкала	СПП-2010	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ
Теплота—равнодушие	0,28	0,29	0,28	0,15	0,17	0,06	0,30
Сотрудничество—соперничество	0,10	0,44***	-0,14	0,04	0,04	-0,17	0,03
Доверчивость—подозрительность	0,14	0,05	0,02	0,05	0,18	0,17	0,13
Понимание—непонимание	-0,11	-0,05	-0,08	-0,06	-0,12	-0,06	-0,10
Уважение других—самоуважение	0,32*	0,50***	0,13	0,24	0,19	0,10	0,27
ПРИВЯЗАННОСТЬ—ОТДЕЛЕННОСТЬ	0,21	0,35*	0,07	0,11	0,11	0,04	0,21

Примечание. $N = 41$; * $-p \leq 0,05$, ** $-p \leq 0,01$, *** $-p \leq 0,001$.

В группе юношей оказалось, что уровень суверенности значимо положительно связан со склонностью уважать других людей в полном соответствии с нашими предварительными рассуждениями (см. табл. 1). Оказалось также, что наибольшее количество связей образует суверенность тела, а именно — положительные связи с сотрудничеством, уважением других и привязанностью в целом. Таким образом, можно заключить, что «сила не

требует доказательств», и юноши с сохранными границами предпочитают сотрудничать, а не конкурировать, способны уважение других ставить превыше уважения к себе и вообще — устанавливать отношения привязанности, то есть суверенные юноши действительно, видимо, более компетентны и успешны в дружбе и любви, поскольку свободны от излишней дефензивности и вкладывают силы в развитие близких отношений.

Таблица 2

Связь суверенности психологического пространства и «привязанности—обособленности» у девушек

Шкала	СПП-2010	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ
Теплота—равнодушие	0,24**	-0,04	0,20*	0,19	0,21*	0,25*	0,25**
Сотрудничество—соперничество	0,02	-0,09	0,04	0,10	-0,02	0,10	0,04
Доверчивость—подозрительность	0,22*	0,09	0,29**	0,10	0,23*	0,25*	0,14
Понимание—непонимание	0,08	-0,10	0,07	0,11	0,06	0,15	0,19
Уважение других—самоуважение	0,18*	-0,02	0,14	0,19	0,18	0,18	0,22*
ПРИВЯЗАННОСТЬ—ОТДЕЛЕННОСТЬ	0,20*	-0,05	0,22*	0,18	0,18	0,29**	0,23**

Примечание. $N = 93$; * $-p \leq 0,05$; ** $-p \leq 0,01$.

У девушек обнаружено гораздо больше связей, однако их направленность и смысл остаются теми же, что и у юношей (см. табл. 2). Так, суверенность в целом значимо положительно связана с привязанностью, с такими ее фасетками, как теплота, доверчивость, уважение других людей. Среди доменов суверенности наибольшее количество связей образуют суверенность территории и суверенность социальных связей, которые значимо положительно связаны с теми же параметрами привязанности, что и суверенность в целом. Таким образом, чем надежнее личная территория и опыт уже существующих взаимодействий, тем более позитивно девушка готова выстраивать отношения с другими людьми, что, в общем, вполне ожидаемо. Интересно, что именно территориальность и социальная суверенность демонстрируют идентичные связи. Так, по мнению И.С. Кона, феномен дружбы также восходит к территориальности: друг — это тот, кто находится на «своей» территории, к кому можно безопасно повернуться спиной и от кого не надо защищаться [4].

Суверенность ценностей также положительно связана с привязанностью в целом и теплотой: человек, уверенный в надежности собственной жизненной философии, способен тепло относиться к другим людям, по-видимому, не рассматривая взаимодействие как угрозу отчуждения через непризнание своей системы ценностей и вкусов. Это очень важная связь, объясняющая, почему люди с автономной и независимой жизненной философией нередко способны конструктивно взаимодействовать с теми, кто не разделяет их взглядов и предпочтений.

Обобщая, можно отметить, что суверенные — это эмоционально теплые, до-

верчивые, ответственные и уважающие других люди. Результаты вполне согласуются с идеей теории суверенности, что сохранность личностных границ способствует чувству собственной ценности, безопасности и, как следствие, позитивному отношению к другим людям, уважению к их автономии и индивидуальности. Что же касается отсутствия суверенности (депривированности), то для носителей этого качества характерны подозрительность, равнодушие к другим людям, преобладание эгоцентризма (избирательного уважения к себе) — особенности, которые часто свидетельствуют о глубокой неуверенности, небезопасности, необходимости самоутверждаться и усиленно защищать свои границы, что, в свою очередь, через систему обратных связей делает носителей этих качеств еще менее уверенными и успешными в межличностном общении.

Таким образом, выдвинутая гипотеза подтвердилась в большей степени для женской выборки респондентов.

Серия 2. Результаты были собраны специально для данного исследования. Выборку составили 265 добровольцев, изучающих психологию в разных образовательных организациях Москвы (61 мужчина, 204 женщины), $M_{\text{возр.}} = 23,2$ года. Использовались два опросника: СПП-2010 и Шкала переживания близости в отношениях (Experience of Close Relationship) М. Вей (M. Wei) и др., в которой содержится две субшкалы — «тревожность в отношениях» и «избегание в отношениях» (шкалы переведены и прошли первичную психометрическую подготовку, получены показатели альфа Кронбаха соответственно — 0,65 и 0,49) [6; 18]. Этот опросник диагностирует скорее стиль поведения в об-

щении и отражает содержательные особенности взаимодействия. Примеры утверждений теста: «Мне нужно, чтобы возлюбленный подтверждал свою любовь ко мне» (тревожность), «Я хочу стать ближе своему партнеру, но сохраняю дистанцию» (избегание).

Частная гипотеза серии: чем выше уровень суверенности, тем ниже уровень тревожности и избегания в близких отношениях.

Были получены следующие результаты (табл. 3 и 4). Как и в первой серии, оказалось, что в мужской подвыборке уровень суверенности не столь сильно дифференцирует особенности коммуникации, как в женской — значимых связей не очень много, и сила их не столь велика.

Обнаружено, что суверенность отрицательно связана с тревожностью, то есть молодые мужчины с прочными границами уверенно ведут себя в близких отношениях, особенно те, кто контролируют приватность своих вещей (и, возможно, устойчивость финансового положения), а также обладают сформированной системой ценностей и предпочтений, иначе говоря, житейской филосо-

фией. По-видимому, эти сферы суверенности особенно способствуют тому, чтобы мужчина проявлял инициативу, принимал ответственность за близкие отношения и таким образом заводил друзей и романтических партнеров. И напротив, не контролируемые свой предметный мир и свои ценности юноши тревожны в межличностных отношениях.

Весомых связей суверенности и стиля избегания в близких отношениях не обнаружено.

Что касается женской подвыборки, возможно, в силу ее большей представительности, связанной с процедурой сбора данных (обучаться психологии чаще стремятся женщины), получены более интересные и многообразные данные. Так, все субшкалы суверенности значительно отрицательно связаны с тревожностью в близких отношениях: это говорит о том, что опыт депривации, ограничения или насилия в любой из сфер суверенности связан с утратой уверенности в близких отношениях. Иначе говоря, отсутствие инициативы и ответственности за близкие отношения, которые для женщин представляют собой ведущую сфе-

Таблица 3

Связь r_s суверенности и близости в отношениях в мужской выборке

Шкала	СПП-2010	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ
Тревожность	-0,30*	-0,06	-0,20	-0,32**	-0,24	-0,12	-0,29*
Избегание	0,08	0,01	0,05	0,07	0,03	0,03	0,05

Примечание. $N = 61$; * $-p \leq 0,05$; ** $-p \leq 0,01$.

Таблица 4

Связь r_s суверенности и близости в отношениях в женской выборке

Шкала	СПП-2010	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ
Тревожность	-0,30**	-0,17**	-0,25***	-0,26***	-0,30***	-0,18**	-0,16*
Избегание	-0,19**	-0,12	-0,11	-0,11	-0,14*	-0,10	-0,20***

Примечание. $N = 204$; * $-p \leq 0,05$; ** $-p \leq 0,01$; *** $-p \leq 0,001$.

ру самоактуализации, — это неспецифический ответ на травмы прошлого или настоящего. Или, если проинтерпретировать эту связь от противного, межличностная компетентность начинает повышаться с укрепления собственных персональных границ, что стихийно используется женщинами, переживающими неуверенность в семье, с подругами или романтическими партнерами. Значительные усилия в подобных ситуациях тратятся на различные меры самоукрепления — шопинг, салоны красоты, фитнес и пр. И, что не удивительно, это помогает. Полученные связи согласуются и с давно известным фактом трудностей в создании семьи у выпускников детских домов и интернатов, переживающих множественные депривации психологического пространства во всех его сферах.

Обобщая данные, полученные во второй серии, можно констатировать, что они также подтвердили выдвигаемую гипотезу, причем для женской подвыборки в большей степени, чем для мужской: если среди мужчин суверенность связана с тревожностью в отношениях, то для женщин — еще и с избеганием, т. е. разрушительная сила пережитых и актуальных деприваций у женщин выражена сильнее.

Итак, проведенное исследование, включающее две серии, позволяет заключить, что действительно состояние личностных границ играет немаловаж-

ную роль в социальных проявлениях субъекта — развитии социально значимых черт личности и качестве близких отношений. Очевидно (в силу анамнестического характера опросника СПП-2010), что считаясь с приватностью подрастающего ребенка, признавая и укрепляя его психологические границы, родители осуществляют инвестицию не только в его благополучие, но также и в его будущее личное счастье.

Обнаруженные закономерности в большей степени характеризуют женскую часть популяции, акцентируя большую зависимость социальной жизни женщин от прочности их личностных границ. Юношам, видимо, проще сохранять социальную устойчивость и успешность независимо от опыта суверенности-депривированности, что может быть обусловлено спецификой их социализации, предполагающей готовность к вызовам извне и депривациям [14; 17]. Так или иначе, выдвигаемая гипотеза о связи суверенности и успешности межличностного взаимодействия подтвердилась, и суверенность действительно связана не только с личным благополучием, но также несет функцию социальной адаптации и успешности. Этот доказанный на репрезентативной выборке результат может быть положен в основу психоразвивающих программ, направленных на повышение межличностной компетентности и успешности в близких отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астанина Н.Б. Особенности феномена доверия у несовершеннолетних правонарушителей мужского пола: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010.
2. Бочавер К.А. Романтические отношения в юношеском возрасте (представления о преодолении трудностей): Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2012.
3. Буравцова Н.В. Взаимосвязь структурно-содержательных характеристик психологического пространства личности и эмпатии: Дисс. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2011.

4. *Кон И.С.* Дружба (психолого-этический очерк). М., 1987.
5. *Нартова-Бочавер С.К.* Психологическая суверенность в пространстве черт личности // Развитие личности в условиях цивилизационных перемен. Материалы Всероссийской научно-практической интернет-конференции с международным участием 25 апреля – 15 мая 2013 г. Курган. Курган, 2013.
6. *Нартова-Бочавер С.К.* Психологическая суверенность и общение человека // Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского). Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с иностранным участием) / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. М., Краснодар, 2013.
7. *Нартова-Бочавер С.К.* Современное состояние психологии суверенности как учения о личностных границах // У истоков развития. Сборник научных статей / Под ред. Л.Ф. Обуховой, И.А. Корепановой. М., 2013.
8. *Нартова-Бочавер С.К.* Человек суверенный. СПб., 2008.
9. *Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б.* «Униженность и оскорбленность» как черта личности: феноменологический анализ позиции жертвы // Социальная психология и общество. 2014. № 2.
10. *Нартова-Бочавер С.К., Бочавер К.А., Бочавер С.Ю.* Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. М., 2011.
11. *Нартова-Бочавер С.К.* Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства-2010» // Психологический журнал. 2014. Том 35. № 3.
12. *Тиводар А.Р.* Личность как субъект со-бытия в брачных отношениях: Дисс. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2008.
13. *Фоминых Е.С.* Виктимизация и девиктимизация студентов с ограниченными возможностями здоровья в современных образовательных условиях [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/n4/57313.shtml> (дата обращения: 30.05.2014).
14. *Харламенкова Н.Е.* Генез самоутверждения личности в процессе взросления: Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2004.
15. *Хромов А.Б.* Пятифакторный опросник личности. Курган, 2000.
16. *Шамшикова О.А., Шамшикова Е.О.* Нарциссические проявления личности как образующие континуума переходных форм существования «границ Я» // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7 (19).
17. *Шнейдер Л.Б.* Психология семейных отношений. М., 2000.
18. *Wei M., Russell D.W., Mallinckrodt B., Vogel D.L.* The experiences in Close Relationship Scale (ECR)-Short Form: Reliability, validity, and factor structure // Journal of Personality Assessment. 2007. № 88.

The Psychological Sovereignty and Interpersonal Interaction Specificity

S.K. NARTOVA-BOCHAVER

Doctor in Psychology, professor at the Moscow State University of Psychology and Education

The connection between psychological sovereignty and interpersonal interaction specificity is investigated. The hypothesis assumes that sovereignty is positively connected with harmonious interpersonal relationships. Our research proved that sovereignty is really positively connected with certain aspects of attachment (such as warmth, trustfulness, and respect for others) and negatively connected with anxiety and avoidance in close relationships. The discovered connections were found to be stronger in females.

Keywords: *sovereignty, interpersonal interaction, close relationships, attachment, warmth, trustfulness, respect for others, anxiety, avoidance.*

REFERENCES

1. *Astanina N.B.* Osobennosti fenomena doveriya u nesovershennoletnih pravonarushitelei muzhskogo pola: Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2010.
2. *Bochaver K.A.* Romanticheskie otnosheniya v yunosheskom vozraste (predstavleniya o preodolenii trudnosti): Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2012.
3. *Buravcova N.V.* Vzaimosvyaz' strukturno-soderzhatel'nyh harakteristik psihologicheskogo prostranstva lichnosti i empatii: Diss. ... kand. psihol. nauk. Novosibirsk, 2011.
4. *Kon I.S.* Druzhiba (psihologo-eticheskii ocherk). M., 1987.
5. *Nartova-Bochaver S.K.* Psihologicheskaya suverennost' v prostranstve chert lichnosti // Razvitie lichnosti v usloviyah civilizacionnyh peremen. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi internet-konferencii s mezhdunarodnym uchastiem 25 aprelya – 15 maya 2013 g. Kurgan. Kurgan, 2013.
6. *Nartova-Bochaver S.K.* Psihologicheskaya suverennost' i obshenie cheloveka // Lichnost' i bytie: sub'ektnyi podhod (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Brushlinskogo). Materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii (s inostrannym uchastiem) / Pod red. Z.I. Ryabikinoi, V.V. Znakova. M., Krasnodar, 2013.
7. *Nartova-Bochaver S.K.* Sovremennoe sostoyanie psihologii suverennosti kak ucheniya o lichnostnyh granicah // U istokov razvitiya. Sbornik nauchnyh statei / Pod red. L.F. Obuhovoi, I.A. Korepanovoi. M., 2013.
8. *Nartova-Bochaver S.K.* Chelovek suverennyi. SPb., 2008.
9. *Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B.* "Unizhennost' i oskorblennost'" kak cherta lichnosti: fenomenologicheskii analiz pozicii zhertvy // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2014. № 2.
10. *Nartova-Bochaver S.K., Bochaver K.A., Bochaver S.Yu.* Zhiznennoe prostranstvo sem'i: ob'edinenie i razdelenie. M., 2011.

11. *Nartova-Bochaver S.K.* Novaya versiya oprosnika "Suverennost' psichologicheskogo prostranstva-2010" // *Psichologicheskii zhurnal*. 2014. Tom 35. № 3.
12. *Tivodar A.R.* Lichnost' kak sub'ekt so-bytiya v brachnykh otnosheniyah: Diss. ... d-ra psichol. nauk. Krasnodar, 2008.
13. *Fominyh E.S.* Viktimizatsiya i deviktimizatsiya studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v sovremennykh obrazovatel'nykh usloviyakh [Elektronnyi resurs] // *Klinicheskaya i special'naya psichologiya*. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psy-clin/2012/n4/57313.shtml> (data obrasheniya: 30.05.2014).
14. *Harlamenkova N.E.* Genез samoutverzhdeniya lichnosti v processe vzrosleniya: Diss. ... d-ra psichol. nauk. M., 2004.
15. *Hromov A.B.* Pyatifaktornyi oprosnik lichnosti. Kurgan, 2000.
16. *Shamshikova O.A., Shamshikova E.O.* Narcissicheskie proyavleniya lichnosti kak obrazuyushie kontinuum perehodnykh form sushestvovaniya "granich Ya" // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2009. № 7 (19).
17. *Shneider L.B.* Psichologiya semeinykh otnoshenii. M., 2000.
18. *Wei M., Russell D.W., Mallinckrodt B., Vogel D.L.* The experiences in Close Relationship Scale (ECR)-Short Form: Reliability, validity, and factor structure // *Journal of Personality Assessment*. 2007. № 88.

Социальные условия развития разновозрастных учащихся в школьной среде и специфика их отношений к школе

И.В. СОСНОВА

кандидат психологических наук, заместитель директора по воспитательной работе НОУ ЦО «Новое образование»

В статье излагаются результаты эмпирического исследования, особенностей отношений учащихся разных возрастов к школе в зависимости от специфики социальных условий их развития в ней. Показано, что возрастные особенности социальных условий развития учащихся в школьной среде во многом определяют структурно-динамические характеристики их субъективного отношения к школе. Продемонстрировано, что отношение к социальному компоненту школьной среды обладает наибольшей интенсивностью по сравнению с другими компонентами среды. Помимо этого, выявлено, что характер оценок социального качества школьной среды обуславливает уровень интенсивности субъективного отношения учащихся к школе, а особенности социальных условий развития учащихся в школьной среде задают характер их отношения к педагогам и другим учащимся.

Ключевые слова: социальные условия, субъективное отношение к школе, школьная среда, социальное качество образовательной среды.

Введение

Социальное качество жизни индивида отражает качество общества, его специфические законы развития и функционирования, т. е. законы его социально-экономического бытия. Необходимость гуманизации общественной жизни (Ш. Бюлер, А. Маслоу, К. Роджерс и др.) обусловила проблему самореализации личности, проявления ее сущностных сил. Изменение социальных условий развития общества обуславливает изменение социальной сущности образования как специального вида деятельности по гармоничному развитию индивида и подготовке его к самостоятельному жизнеобеспечению. По сути дела, социальное качество образования — совокупность условий и возможностей для деятельности учащегося (С.Л. Брат-

ченко, Дж. Гибсон, Д.Ж. Маркович, В.И. Панов, В.В. Рубцов, Г.П. Щедровицкий, В.А. Ясвин и др.).

В настоящее время школа повернулась к личности учащегося, пытается создать условия для становления его как субъекта собственной жизни. Чем больше и полнее личность использует социальные условия школьной среды, тем более успешно происходит ее свободное и активное саморазвитие. Человек одновременно продукт и творец своей среды, которая дает ему физическую основу для жизни и делает возможным интеллектуальное, моральное, общественное и духовное развитие.

Практическая деятельность школ изобилует разнообразными попытками создания школьной среды, способствующей самореализации учащихся. Однако

изменения, происходящие в школе, касаются в основном учебного процесса, искусственно разделяя тем самым образовательный процесс на учебную и внеучебную деятельность с приоритетным совершенствованием учебной. На этом фоне обострились старые противоречия, связанные с несоответствием доминирования целевых установок на высокое качество знаний, умений, навыков над личностным развитием учащихся. Появились новые, обусловленные потребностью сделать школу для всех учащихся более гуманной и привлекательной, в то время как массовое образовательное учреждение остается в большей степени авторитарным, способствующим становлению инфантильной, конформистски ориентированной личности, что губительно для проявления субъектной позиции учащегося и учителя (Р. Абельсон, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, А. Маслоу, Ф. Хайдери и др.).

Одним из путей решения этих проблем может оказаться как повышение уровня социального качества школьной среды, так и формирование адекватной системы субъективных отношений учащихся, которые выступают фактором формирования личности (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Божович, А.Ф. Лазурский, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн и др.) и детерминантой деятельностной активности (В.Н. Мясищев, Д.П. Парыгин, Д.Н. Узнадзе, П.Н. Шихирев, В.А. Ядов и др.).

Таким образом, актуальным представляется изучение социального качества школьной среды и степени его влияния на формирование субъективного отношения учащихся к школе как одного из механизмов развития личности и ее социализации.

Состояние разработки проблематики в современной психологической науке

Прежде всего — о социальных условиях развития учащихся, т. е. об особенностях социальной ситуации развития как отношения между ребенком и его социальной средой, об особенностях социальных условий развития учащихся в подростковом возрасте и старшекласников.

Под социальной ситуацией развития понимается, во-первых, единственное и неповторимое для данного возраста отношение между ребёнком и окружающей его социальной средой. Социальная ситуация развития определяет объективное место социальных отношений и соответствующие ожидания и требования, предъявляемые ребёнку обществом. Во-вторых, социальная ситуация развития определяет особенности понимания ребёнком занимаемой им социальной позиции и взаимоотношений с окружающими людьми, причём ребёнок выражает отношение к своей позиции как принятие или непринятие (А.Г. Асмолов, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, Д.Б. Эльконин).

Среда человека понимается как естественное и социальное окружение, обладающее комплексом влияний, условий и возможностей (С.Л. Братченко, Д.Ж. Маркович, В.И. Панов, В.В. Рубцов, Г.П. Щедровицкий, В.А. Ясвин и др.). Школьная среда рассматривается как система влияний и условий формирования личности, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении [6]. Анализ школьной среды проводится с помощью следующих дескрипторов: модальность, широта, интенсивность, осознаваемость,

устойчивость, обобщенность, эмоциональность, доминантность, когерентность, социальная активность, мобильность.

Широта школьной среды — структурно-содержательная характеристика, показывающая, какие субъекты, объекты, процессы и явления включены в нее.

Интенсивность среды — структурно-динамическая характеристика, показывающая степень насыщенности образовательной среды условиями, влияниями и возможностями, а также концентрированность их проявления.

Модальность характеризует школьную среду с качественной, типологической точек зрения. В качестве эффективного инструмента психологической экспертизы среды выступает, в частности, *коэффициент модальности*, который отражает степень использования воспитанниками развивающих возможностей (ресурсов среды).

Степень *осознаваемости* школьной среды — показатель сознательной включенности в нее всех субъектов образовательного процесса.

Устойчивость школьной среды характеризует ее стабильность во времени. Если другие параметры дают синхроническое описание образовательной среды, то параметр устойчивости позволяет осуществить ее диахроническое описание.

Обобщенность среды характеризует степень координации деятельности всех ее субъектов.

Эмоциональность школьной среды иллюстрирует соотношение в ней эмоционального и рационального компонентов.

Доминантность среды характеризует значимость данной школьной среды в системе ценностей субъектов образовательного процесса. Доминантность пока-

зывает иерархическое положение школьной среды по отношению к другим источникам влияния на личность.

Когерентность (согласованность) среды показывает степень согласованности влияния на личность данной локальной среды с влияниями других факторов среды обитания этой личности.

Социальная активность школьной среды — показатель ее социально ориентированного созидательного потенциала и экспансии данной образовательной среды в среду обитания.

Мобильность школьной среды характеризует ее способности к органичным эволюционным изменениям в контексте взаимоотношений со средой обитания.

Социальная ситуация развития учащегося в школе может рассматриваться как совокупность возможностей, предоставляемых школьной средой, прежде всего, ее социальным компонентом. Чем шире спектр возможностей, предоставляемых школьной средой, тем в большей степени это стимулирует деятельностную активность учащегося и, как следствие, приводит к новой стадии личностного развития.

Таким образом, уровень насыщенности ресурсами различных компонентов школьной среды в их социальной составляющей является фактором проектирования социальной ситуации развития учащихся, а параметры школьной среды выступают как основные дескрипторы социальной ситуации развития.

Итак, под социальным качеством образовательной среды понимается степень насыщенности возможностями и условиями для личностного развития и социализации учащихся.

Основными критериями эффективности социального компонента образовательной среды учащихся разного возраста

выступают (Н.П. Аникеева, Л.И. Божович, Ю.Н. Емельянов, А.В. Запорожец, Е.С. Кузьмин, М.И. Лисина, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский и др.) взаимопонимание и удовлетворенность взаимоотношениями; преобладающее позитивное настроение; авторитетность руководителей; степень участия в формировании образовательного процесса; сплоченность и сознательность; продуктивность взаимодействий в обучающем компоненте образовательного процесса.

Результаты сопоставительного анализа возрастных особенностей социальной ситуации развития с критериями эффективности социальной школьной среды представлены в таблице. Как видно из таблицы, социальная ситуация развития ставит на каждом возрастном этапе специфические задачи, разрешение которых и составляет

содержание развития личности в данном возрасте. Достижения психического развития ребёнка приходят в противоречие со средой, что приводит к слому прежних и построению новых отношений с социальной средой. Вновь возникает противоречие между новыми, более высокими социальными ожиданиями, требованиями к ребёнку и его возможностями. Это противоречие разрешается путём создания таких возможностей и условий школьной среды, в которых развитие личности ребенка проходило бы с учетом становления его как субъекта собственной жизни.

Теперь об исследованиях отношений личности в психологической науке — рассмотрены теоретические основы психологического анализа отношений личности и, в частности, отношения учащихся к школе.

Таблица

Возрастные особенности социальной ситуации развития

Социальный компонент	Младший подросток	Подросток	Старшеклассник
Взаимопонимание и удовлетворенность взаимоотношениями	Со сверстниками интолерантно; с педагогами толерантно	Со сверстниками толерантно; с педагогами интолерантно	Со сверстниками толерантно; с педагогами толерантно
Позитивное настроение	Преобладание позитивного над негативным достигается за счет общения со взрослым	Преобладание позитивного над негативным достигается за счет взаимопонимания со сверстниками	Преобладание позитивного над негативным достигается за счет самоактуализации
Авторитет руководителя	Обусловлен ролевым положением руководителя	Роль руководителя недостаточно значима	Зависит от личных качеств руководителя
Степень участия в формировании образовательного процесса	В большей степени принадлежит педагогу	Практическая включенность в образовательный процесс находится на низком уровне	Высокая степень участия в планировании своего образовательного процесса
Сплоченность и сознательность	Формируется педагогом	Достигается только во взаимодействиях	Учащиеся сознательно включены только в

		внутри референтных групп	свой образовательный процесс
Продуктивность взаимодействий в обучающем компоненте образовательного процесса	Преобладает внешняя мотивация в обучающем компоненте	Достигается на основе сотрудничества	Построена на принципе самореализации

Субъективные отношения являются целостной системой индивидуальных, избирательных, сознательных связей человека со значимым для него объектом, системой, которая складывается в ходе истории развития человека, выражает его личный опыт и является потенциалом психической реакции личности в связи с социальной ситуацией развития (В.М. Мясищев). Важной характеристикой субъективного отношения является его динамичность (А.Ф. Лазурский, В.Н. Мясищев, Г. Олпорт).

Субъективное отношение личности не стабильно во времени, оно подвержено изменениям под воздействием изменений в жизни субъекта. Поведение личности обуславливается характером его субъективных отношений (Р. Абельсон, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, А. Маслоу, Ф. Хайдер, В.А. Ядов). Из этих двух положений вытекает простое логическое следствие — при изменении характера субъективного отношения меняется и поведение личности, т. е. меняются её деятельностная активность и направленность. Из этого следует, что субъективное отношение учащегося к школе является определяющим для его осознанной деятельностной включенности в собственный образовательный процесс.

Под субъективным отношением к школе понимается отношение к школе как эмоционально окрашенное отражение учащимися взаимосвязей своих различных потребностей с условиями и возмож-

ностями их социальной ситуации развития. Субъективное отношение к школе рассматривается в единстве его четырехкомпонентной структуры (В.А. Ясвин).

Эмоциональный компонент отношения характеризует это отношение, прежде всего, по шкале «нравится — не нравится». Он связан с оценочными суждениями, предпочтениями и чувствами человека. Этот компонент характеризует, в частности, степень устойчивости учащегося к влиянию различных негативных стереотипов, слухов и мифов о школе.

Познавательный компонент отношения характеризуется изменениями в мотивации и направленности познавательной активности учащихся. Эти изменения выражаются в готовности (более низкий уровень) и стремлении (более высокий) искать и перерабатывать информацию о данной школе. При низком уровне сформированности познавательного компонента ученик игнорирует поступающую к нему информацию, связанную с деятельностью данной школы. При среднем уровне он готов лишь перерабатывать информацию, его активность не выходит за рамки, задаваемые ситуацией, хотя он является к этой информации восприимчивым, «неравнодушным», в чем и проявляется его отношение. При высоком уровне — учащийся сам стремится искать информацию, связанную с данной школой, осознанно организует свою соответствующую познавательную деятельность.

Практический компонент отношения характеризуется готовностью и стремлением к практической деятельности, связанной с данной школой. Если учащийся в своей практической деятельности мало связан с данной школой или связан с ней формально, но психологически не включен в школьную жизнь, можно констатировать низкий уровень практического компонента отношения к школе. При среднем уровне он участвует в жизни школы пассивно, включается в деятельность только по необходимости, не проявляя собственной инициативы. Наконец, высокий уровень развития практического компонента отношения к школе характеризуется сверхнормативной активностью личности, связанной с образовательным процессом и неформальным общением с другими субъектами образовательной деятельности и т. п.

Поступочный компонент характеризуется активностью личности, направленной на изменение ее окружения в соответствии со своим отношением к данной школе. Эта активность всегда носит сверхнормативный характер и может быть направлена как на совершенствование образовательного процесса или школьного помещения и оборудования, так и на формирование у других людей соответствующего отношения к данной школе (позитивного или негативного в зависимости от собственного эмоционального вектора). Именно поступочный компонент является концентрированным выражением отношения, в нем в наибольшей степени оно проявляется.

По сути, субъективное отношение учащихся к школе является ничем иным, как его субъективным отношением к школьной среде, в частности, к своей социальной ситуации развития.

Анализ результатов различных исследований субъективных отношений к школе (О.И. Карпова, Л.И. Сутормина, Т.А. Хагуров) позволяет сделать ряд выводов.

Анализ субъективного отношения к школе как объекту теоретических психологических исследований позволил выявить взаимосвязь отношения к школе и качества образовательной среды как основы реализации личностно ориентированного подхода в образовании. Это дало возможность по-новому проанализировать понятие субъекта деятельности, дифференцировать стили педагогического общения (а шире — и любых взаимодействий в образовательном процессе) в зависимости от характера субъективного отношения.

Субъективное отношение к школе как объекту эмпирических и экспериментальных исследований как составляющая часть мониторинга школы позволяет не только констатировать характер такого отношения отдельной личности и различных категорий субъектов образовательного процесса, но и вскрывать проблемные зоны развития детско-взрослого коллектива. Эти проблемные зоны могут носить как локальный характер, быть свойственны только данной школе, так и определять характер психолого-педагогических проблем в современной школе в целом. Критериальная база исследования позволяет с высокой степенью точности выявить аспекты школьной жизни, вызывающие неудовлетворённость и препятствующие развитию отдельной личности и всего коллектива.

Характер субъективного отношения к школе выступает на первый план при развитии личности со сформированными

ми нравственными устоями и ценностными ориентациями, способной к саморазвитию и преобразованию окружающей действительности. Характер субъективного отношения к школе как детерминанта деятельностной активности способствует активному использованию всеми категориями субъектов образовательного процесса ресурсов образовательной среды для собственного развития и полноценному включению в деятельность по преобразованию школы и, в частности, по решению задач ее развития.

Таким образом, субъективное отношение к школе нашло своё отражение в психологических исследованиях школьной среды и как объект исследования при определении путей формирования устойчивого положительного отношения, и как средство, побуждающее к осознанной активности каждого учащегося на правах субъекта образовательного процесса.

Программа эмпирического исследования

Целью осуществленного нами исследования является изучение влияния возрастных особенностей социальных условий развития учащихся и социального качества образовательной среды на характер их субъективного отношения к школе.

В качестве основной гипотезы исследования было выдвинуто предположение, согласно которому структурно-динамические особенности субъективного отношения учащихся к школе обуславливаются спецификой социальных условий их развития в школьной среде.

В процессе исследования в качестве конкретизации был выдвинут ряд частных гипотез.

- Возрастные особенности социальных условий развития учащихся в школьной среде обуславливают специфические структурно-динамические характеристики их субъективного отношения к школе.

- Отношение к социальному компоненту школьной среды обладает наибольшей интенсивностью по сравнению с другими компонентами среды (пространственно-предметным и организационно-технологическим).

- Характер оценок социального качества школьной среды обуславливает уровень интенсивности субъективного отношения учащихся к школе.

- Особенности социальных условий развития учащихся в школьной среде обуславливают характер их отношения (толерантности-интолерантности) к педагогам и другим учащимся.

Эмпирическая часть исследования основана на применении метода экспертизы с использованием диагностических и экспертных методик: методики диагностики субъективного отношения к школе, методики психолого-педагогической экспертизы образовательной среды и векторного моделирования, методики «Индекс толерантности» [1; 2; 3; 5; 6 и др.]. При анализе и обобщении экспериментальных результатов использовались методы статистической обработки данных (метод Стьюдента, дисперсионный анализ, а также непараметрические методы — критерий χ^2 (хи-квадрат) для качественных данных и тест Манна-Уитни). Для обработки результатов использовалась компьютерная программа «Excel».

Исследование проводилось в государственных и негосударственных образовательных учреждениях Москвы. В качестве респондентов выступали учащиеся школы № 324 с углублённым изучением предметов музыкального цикла; школы № 1188 с углублённым изучением предметов художественного цикла; школы № 1277 с углублённым изучением немецкого языка; НОУ школы «Карьера»; НОУ школы «Личность»; НОУ школы «Планета», НОУ школы «Ступени». Общая выборка составила: учащихся 5-х и 6-х классов — 358 человек, учащихся 7—9-х классов — 664 человека и старшеклассников — 325 человек.

Таким образом, исследование проводилось на основе эмпирических данных, полученных от 1347 респондентов.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

Представим результаты исследования средовых условий социальной ситуации развития в школах; результаты исследования отношения к школе учащихся разного возраста; общие закономерности отношения учащихся к школе и их социальной обусловленности.

Анализ социальных условий развития учащихся в школьной среде позволил сделать ряд выводов.

1. Учащиеся 5—6-х классов интенсивно используют ресурсы школьной среды в силу значимости личности педагога, высокой внешней мотивации и направленности интересов на образовательный процесс. Отношение к школе у *этих учащихся* может быть обозначено как когерентное эмоционально-практическое с

ориентацией на педагогов и образовательный процесс.

2. Учащиеся 7—9-х классов с наименьшей активностью используют возможности школьной среды, так как эти возможности не комплиментарны их потребностям, ориентированным на межличностные отношения, часто реализующимся вне школьной среды. Отношение к школе у *этих учащихся* характеризуется как когерентное эмоционально-практическое с ориентацией на других учащихся.

3. Старшеклассники воспринимают школьную среду более интенсивно, чем учащиеся 7—9-х классов, в силу высокой внутренней мотивации, ориентированной на личностное развитие. Отношение к школе у *старшеклассников* может быть обозначено как высококогерентное эмоционально-практическое с ориентацией на образовательный процесс и педагогов.

Таким образом, анализ социальной ситуации развития показал, что возрастные особенности социальных условий развития учащихся в школьной среде обуславливают специфические структурно-динамические характеристики их субъективного отношения к школе.

Интенсивность отношения к школе напрямую связана с социальной ситуацией развития: младшие подростки наибольшую интенсивность проявляют к педагогам, подростки — к учащимся школы, старшеклассники — к педагогам и образовательному процессу (см. рис. 1).

Анализ характера субъективного отношения к школе позволил выявить, что учащиеся в меньшей степени интересуются проблемами методической организации учебного процесса, а отдают предпочтение социальному компоненту, т. е. их больше волнует отношение с педагогами и с другими учащимися (рис. 2).

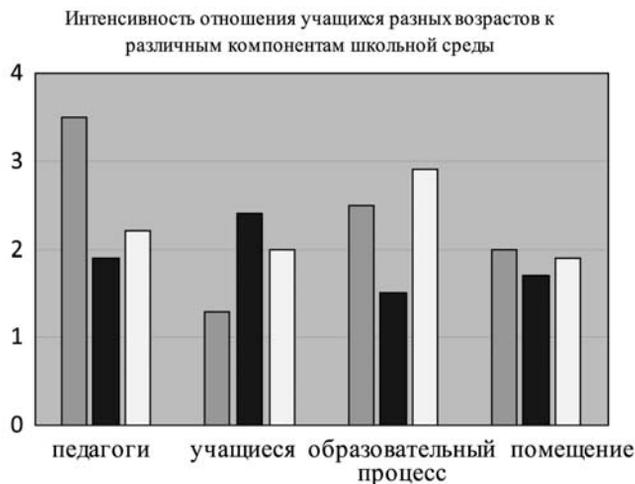
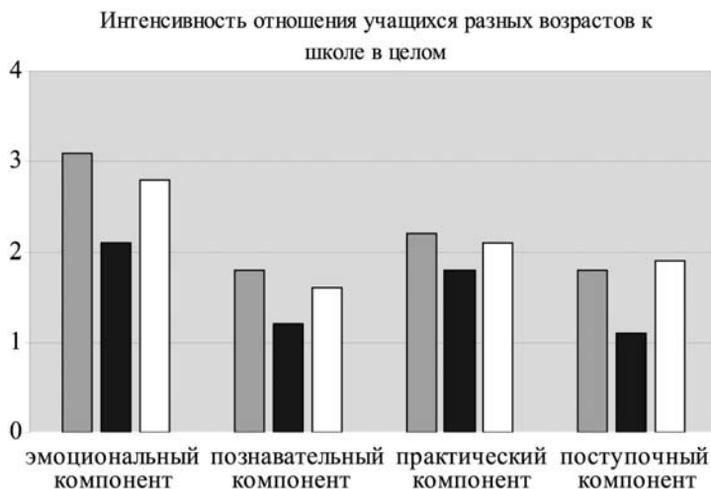

Рис. 1. Сравнительный анализ отношения учащихся разных возрастов к школе:

- — учащиеся 5–6 классов;
- — учащиеся 7–9 классов; □ — учащиеся 10–11 классов.

Таким образом, отношение к социальному компоненту школьной среды характеризуется наибольшей интенсивностью по сравнению с другими компонентами среды (пространственно-предметным и организационно-технологическим).

Учащиеся (в зависимости от возрастных особенностей) проявляют более высо-

кую степень интенсивности отношения к педагогам или к учащимся. Самые высокие показатели интенсивности проявляются у учащихся 5 и 6 классов, самые низкие — у учащихся 7–9-х классов, средние показатели интенсивности — у старшекласников.

Учащиеся 5–6-х классов проявляют толерантное, эмоциональное отношение

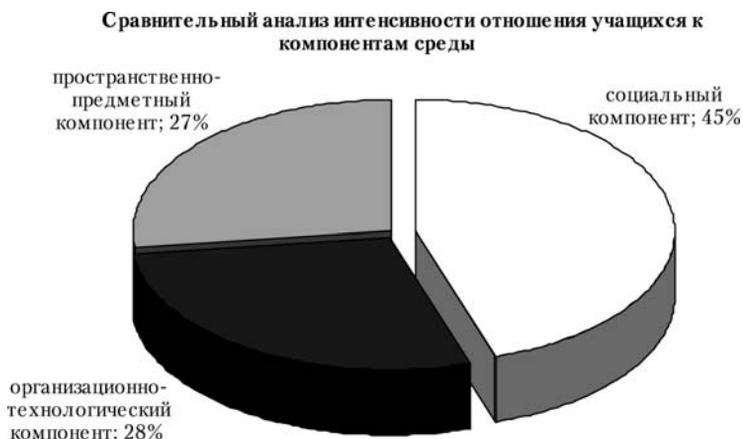

Рис. 2. Интенсивность отношения учащихся к школьной среде

с ориентацией на педагогов, которое связано с активным принятием их внешнего облика и поведения. Отношение *учащихся 7–9-х классов* к другим учащимся толерантно, с эмоционально-практической ориентацией на сверстников. Отношение *старшекласников* к педагогам практически ориентировано, толерантно, связано с принятием поведения учителей по отношению к старшекласникам, а также их уровня культуры.

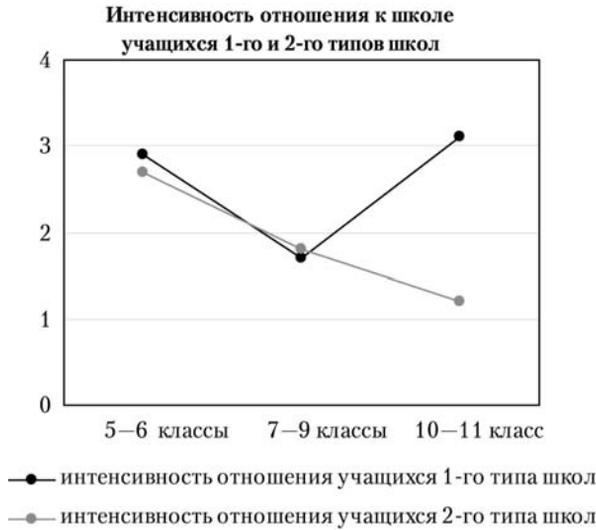
Таким образом, отношение к социальному компоненту школьной среды обладает наибольшей интенсивностью по сравнению с другими компонентами среды (пространственно-предметным и организационно-технологическим).

При анализе социального качества школьной среды и степени его влияния на отношение учащихся к школе рассматривались две достаточно гомогенные генеральные совокупности. Образовательные среды в двух генеральных подвыборках качественно отличаются друг от друга. Школьная среда в школах первого типа имеет низкий уровень социального качества, т. е. среда «обеднена» возможностями

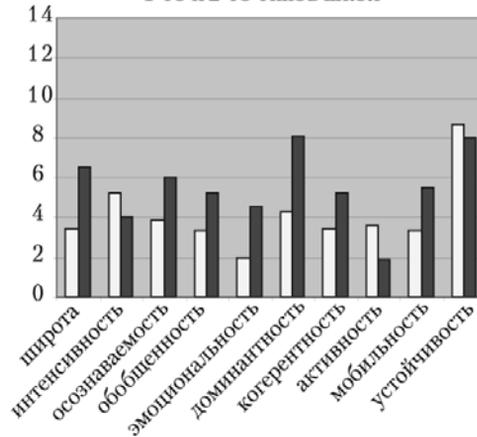
для развития личности учащегося согласно его потребностям и интересам. Отношение учащихся этих школ к школьной среде характеризуется как когерентное, с низкой степенью интенсивности отношения. Школьную среду второго типа школ можно охарактеризовать как среду с высоким уровнем социального качества, т. е. насыщенную условиями для личностного развития школьников. Отношение учащихся таких школ можно охарактеризовать как когерентное с высокой степенью интенсивности отношения к школьной среде.

Анализ компонентов субъективного отношения к школе и параметров образовательной среды (рис. 3) позволил сделать следующие выводы.

- В наибольшей степени взаимосвязь компонентов отношения и параметров среды проявляется у старшекласников, а в наименьшей — у учеников 5–6-х классов;
- эмоциональный компонент отношения в наибольшей степени обусловлен такими параметрами среды, как широта, интенсивность, эмоциональность;
- у учащихся 7–9-х классов осознанность школьной среды взаимосвязана с

**Восприятие школьной среды учащимися
1-го и 2-го типов школ**

□ образовательная микросреда учащихся 1-го типа школ
■ образовательная микросреда учащихся 2-го типа школ

Рис. 3, а) интенсивность отношения к школе у учащихся 1-го и 2-го типов школ; б) восприятие учащимися 1-го и 2-го типов школ локальной образовательной среды

познавательным компонентом отношения к школе;

- мобильность школьной среды взаимосвязана с познавательным и практическим компонентами отношения, доминантность влияет на практический и поступочный компоненты отношения к школе;

- уровень поступочного компонента отношения значимо коррелирует с уровнем доминантности этого отношения.

Чем богаче школьная среда возможностями и условиями для развития личности ребенка, тем выше уровень интенсивности отношения учащихся к школе.

К старшей школе у учеников 2-го типа школ (с высоким уровнем социального качества школьной среды) показатели эмоционального, практического и поступочного компонентов повышаются.

Спад эмоциональной, практической и сверхнормативной активности приходится на 7–9-е классы (рис. 4).

Таким образом, данные исследования показывают, что выявлены особен-

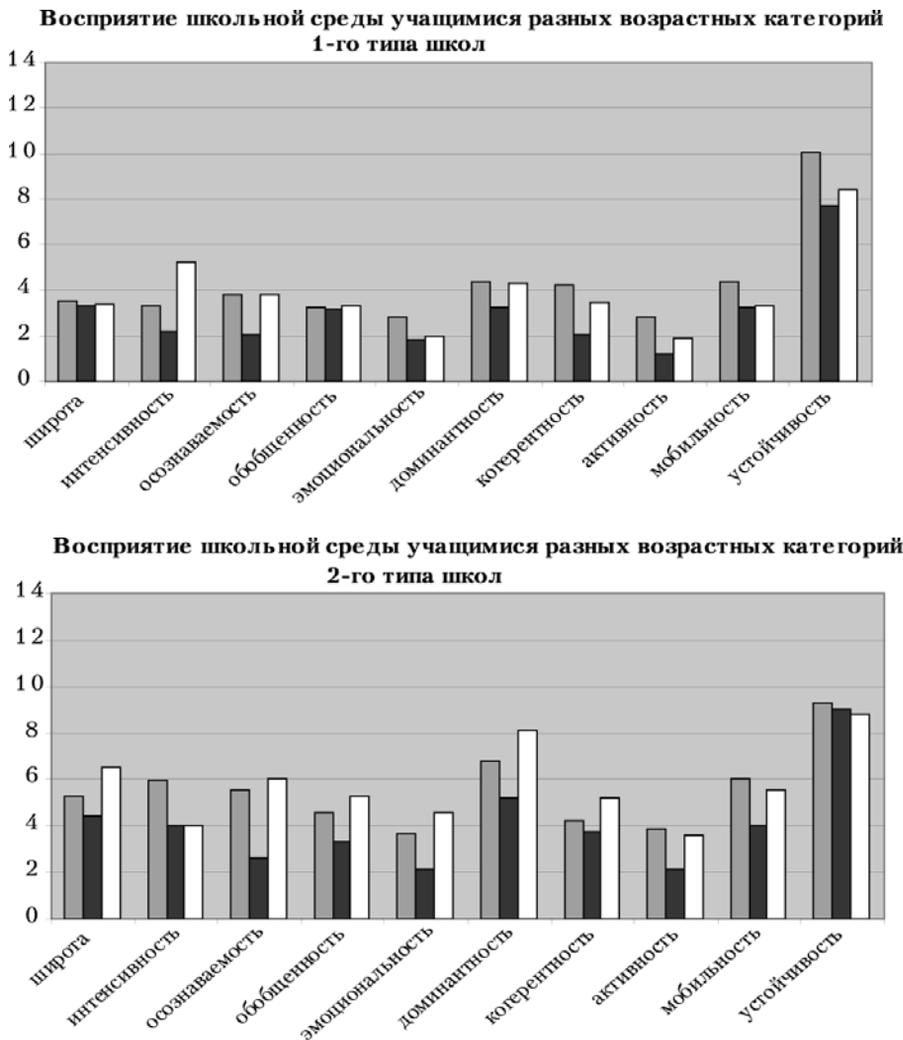

Рис. 4. Сравнительный анализ восприятия школьной среды учащимися школ разных типов

- – образовательная микросреда учащихся 5–6 классов
- – образовательная микросреда учащихся 7–9 классов
- – образовательная микросреда учащихся 10–11 классов

поведения учителей по отношению к старшекласникам, а также их уровня культуры. Отношение старшекласников к другим учащимся толерантно, что проявляется в их пассивном принятии их внешнего облика.

В школах с низким уровнем социального качества школьной среды у учащихся преобладает отношение интолерантности к педагогам и учащимся (рис. 6):

отношение учащихся 5–6-х классов к педагогам толерантно, связано с *пассивным принятием* их внешнего облика и культуры; отношение учащихся 5–6-х классов к другим учащимся интолерантно, связано *активным неприятием* их образа жизни, а также культуры поведения;

отношение учащихся 7–9-х классов к педагогам интолерантно, связано с поступками педагогов, направленных на подростков, а отношение к другим учащимся — толерантно, связано с *принятием* действий, направленных на подростков;

отношение старшекласников к педагогам интолерантно, что связано с *активным неприятием* их идей, действий и поступков. Отношение старшекласников к другим учащимся интолерантно, что проявляется в их *пассивном неприятии* их культуры поведения.

Таким образом, особенности социальных условий развития учащихся в школьной среде обуславливают характер их отношения (толерантности-интолерантности) к педагогам и другим учащимся.

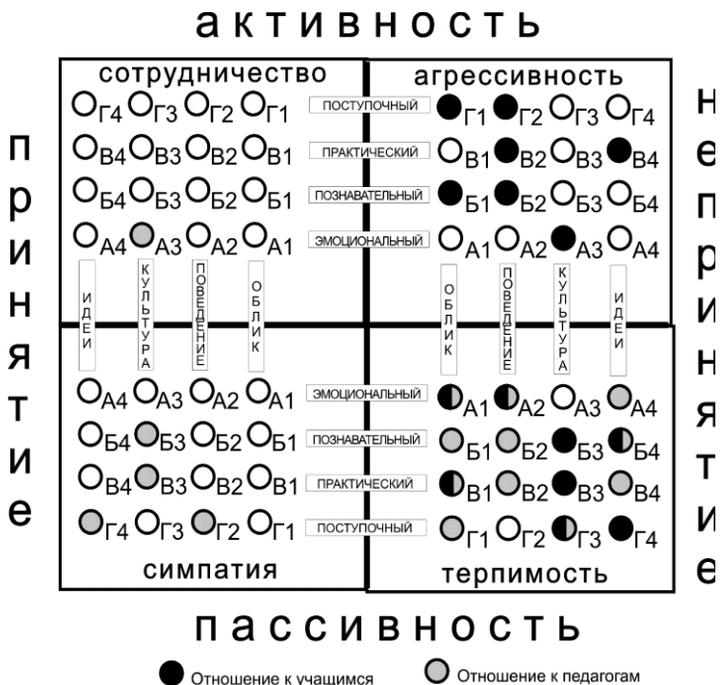

Рис. 6. Графическое изображение результатов экспертного анализа отношения учащихся школ с низким уровнем социального качества среды к педагогам и учащимся

Данные проведенного исследования показывают, что характер субъективного отношения учащихся к школе обуславливается особенностями социальных условий их развития в школьной среде.

Заключение

1. Особенности отношения к школе учащихся разных возрастов обусловлены их социальными ситуациями развития. У всех учащихся доминирующую роль играет эмоциональный компонент отношения к школе. Анализ эмпирических данных свидетельствует, что учащиеся 5–6-х классов проявляют эмоциональное отношение к школе с ориентацией на педагогов высокой степени интенсивности, что обусловлено спецификой возраста. Учителя являются для младших подростков высшим авторитетом. В формировании возникающих у младших подростков межличностных отношений с взрослыми решающая роль принадлежит взрослому. Спад эмоциональной, практической и сверхнормативной активности приходится на 7–9-е классы. В этом возрасте социальная ситуация развития порождает в сознании подростка новые ориентации — лично значимое общение со сверстниками, а учебная деятельность отходит на второй план. Полученные данные позволяют охарактеризовать отношение к школе учащихся 7–9-х классов как когерентное эмоциональное с ориентацией на других учащихся, степень интенсивности ниже среднего, что говорит о недостаточной осознанности школьниками этой возрастной группы развивающих ресурсов школьной среды. К старшей школе показатели эмоционального, практического и

поступочного компонентов отношения к школе повышаются. Отношение к школе старшеклассников отличается высокой когерентностью, доминированием эмоционального и практического компонентов и ориентированностью преимущественно на педагогов и образовательный процесс при высокой степени интенсивности, что обусловлено социальной ситуацией развития этого возраста — поиском своего места в мире взрослых и ориентацией на выбор профессии. Таким образом, получила подтверждение гипотеза о специфических структурно-динамических характеристиках субъективного отношения учащихся к школе в зависимости от социальной ситуации развития каждого возраста.

2. Учащиеся в зависимости от возрастных особенностей социальных условий развития проявляют наиболее высокую степень интенсивности отношения к педагогам и к другим учащимся, т. е. к социальному компоненту отношения. Учащиеся 5–6-х классов проявляют самую высокую степень интенсивности отношения к педагогам, которое характеризуется толерантностью, эмоционально связано с активным принятием внешнего облика и поведения педагогов. Отношение учащихся 7–9-х классов к другим учащимся толерантно, с эмоционально-практической ориентацией на сверстников. Отношение старшеклассников к педагогам практически ориентировано, толерантно, связано с принятием поведения учителей по отношению к старшеклассникам, а также их уровня культуры. Таким образом, подтверждается частная гипотеза, что учащиеся проявляют более высокую степень интенсивности отношения к социальному компоненту по сравнению с другими компонентами

среды (пространственно-предметным и организационно-технологическим).

3. Интенсивность отношения к школе всех субъектов образовательного процесса имеет высокую степень корреляции с социальным качеством школьной среды. Чем богаче школьная среда возможностями и условиями для развития личности ребенка, тем выше уровень интенсивности отношения учащихся к школе. В школьной среде, менее насыщенной возможностями и условиями развития, ниже и уровень интенсивности отношения к школе. Социальное качество школьной среды в наибольшей степени влияет на уровень сформированности эмоционального и практического компонентов отношения к школе, в наименьшей — поступочного. Таким образом, получила подтверждение гипотеза, что интенсивность субъективного отношения учащихся к школе обусловлена социальным качеством школьной среды и особенностями ее организации.

4. Насыщенность школьной среды условиями для развития личности учащихся обуславливает степень их толерантности по отношению к педагогам и другим учащимся. Отношение учащихся более толерантно в тех школах, в которых школьная среда предоставляет больше возможностей для развития личности учащихся, и менее толерантно и интолерантно в тех школах, в которых среда характеризуется обедненными возможностями такого рода. Таким образом, подтвердилась гипотеза, что социальное качество школьной среды влияет на характер толерантности учащихся по отношению к педагогам и другим учащимся школы.

5. Подтверждение каждой из частных гипотез позволяет сделать вывод о под-

тверждении общей гипотезы исследования, согласно которой структурно-динамические особенности субъективного отношения учащихся к школе обуславливаются спецификой социальных условий их развития в школьной среде.

6. Анализ теоретических работ и эмпирических исследований в области субъективного отношения личности к школе позволил позиционировать категории «субъективное отношение к школе» и «социальное качество школьной среды» в методологическом аппарате управления школой:

- субъективное отношение к школе как объект теоретических психологических исследований позволяет выявить взаимосвязь отношения к школе и социального качества школьной среды, основы реализации личностно ориентированного подхода в образовании, по-новому проанализировать понятие «школьная среда»;

- субъективное отношение к школе и социальное качество школьной среды как объекты эмпирических исследований как составляющая часть мониторинга школы позволяют вскрывать проблемные зоны развития детско-взрослого коллектива;

- педагогическое проектирование социального качества школьной среды способствует активному использованию всеми категориями субъектов образовательного процесса ресурсов образовательной среды для собственного развития и активному включению в деятельность по преобразованию школы;

- формирование субъективного отношения к школе как объекта психологического воздействия становится одной из приоритетных педагогических задач.

Проведенный теоретический анализ и анализ полученных эмпирических данных

не только подтверждают основную гипотезу исследования, но и позволяют сделать вывод, что формирование условий и возможностей, которые предоставляет школьная среда для развития личности (в соответствии с социальной ситуацией развития на каждом возрастном этапе) приводит к качественным изменениям харак-

тера субъективного отношения к школе. Это способствует формированию высокоинтенсивного когерентного отношения учащихся к школе, что, в свою очередь, детерминирует деятельностную активность учащихся по использованию условий и возможностей школьной образовательной среды для собственного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Братченко С.Л.* Введение в гуманитарную экспертизу образования (психологические аспекты). М., 1999.
2. В поисках выхода из школьных лабиринтов. Развитие школьных образовательных систем: инновационный сетевой проект / Под ред. В.А. Карпова, В.А. Ясвина. М., 2003.
3. *Дерябо С.Д., Ясвин В.А.* Экологическая психодиагностика. Даугавпилс, 1994.
4. *Кондратьев М.Ю., Мешков И.А.* Социально-психологические особенности субъективного отношения представителей различных категорий современной отечественной молодежи к российской армии / Социальная психология и общество. 2012. № 2.
5. Образовательная система школы: проектирование, организация, развитие / Под ред. В.А. Ясвина, В.А. Карпова. М., 2002.
6. *Ясвин В.А.* Экспертиза школьной образовательной среды. М., 2000.

Social Conditions of Development of Students in School Settings and Features of Their Attitudes to School

I. V. SOSNOVA

PhD in Psychology, vice-principal of the "New Education" school

The paper presents results of an empirical research on attitudes to school in students of different ages depending on the specifics of their social conditions of development in school settings. The structural and dynamic characteristics of the students' subjective attitudes towards their school are largely shaped by the age-specific features of these social conditions of development. At the same time, the subjects' attitude towards the social component of the school settings is by far the most intense as compared to other components. It was also revealed that the character of evaluations of the social quality of the school settings affects the intensity of the students' attitudes towards their school, whereas features of social conditions of development in the school settings define their attitudes towards their teachers and peers.

Keywords: *social conditions, subjective attitude to school, school settings, social quality of learning environment.*

REFERENCES

1. Bratchenko S.L. Vvedenie v gumanitarnuyu ekspertizu obrazovaniya (psihologicheskie aspekty). M., 1999.
2. V poiskah vyhoda iz shkol'nyh labirintov. Razvitie shkol'nyh obrazovatel'nyh sistem: innovacionnyi setevoi proekt / Pod red. V.A. Karpova, V.A. Yasvina. M., 2003.
3. Deryabo S.D., Yasvin V.A. Ekologicheskaya psihodiagnostika. Daugavpils, 1994.
4. Kondrat'ev M.Yu., Meshkov I.A. Social'no-psihologicheskie osobennosti sub'ektivnogo otnosheniya predstavitelei razlichnyh kategorii sovremennoi otechestvennoi molodezhi k rossiiskoi armii / Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2012. № 2.
5. Obrazovatel'naya sistema shkol'y: proektirovanie, organizaciya, razvitie / Pod red. V.A. Yasvina, V.A. Karpova. M., 2002.
6. Yasvin V.A. Ekspertiza shkol'noi obrazovatel'noi sredy. M., 2000.

Личностные особенности и отношение к возрастным стереотипам пожилых людей, пострадавших от психологического насилия

Я.Ю. ГОРФАН

аспирант Московского городского психолого-педагогического университета

С.Н. ЕНИКОЛОПОВ

кандидат психологических наук, заведующий кафедрой криминальной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета

В статье рассмотрены и соотнесены между собой социально-демографические и индивидуально-психологические характеристики пожилых людей, а также их отношение к стереотипам молодости и старости. Выделены три группы — одна контрольная (пожилые люди, не имеющие опыта виктимизации) и две экспериментальные (жертвы психологического насилия в чистом виде и жертвы психологического насилия в сочетании с другими злоупотреблениями). Сделанные авторами выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении психологического насилия в отношении пожилых людей.

Ключевые слова: *пожилые люди, психологическое насилие, стереотипы, индивидуально-психологические особенности, виктимность.*

Введение

В отечественной научной литературе проблема психологического (эмоционального) насилия над пожилыми людьми освещается достаточно редко. Большинство существующих определений и критериев данного явления описывает домашнее насилие в отношении женщин и детей, в то время как старшее поколение подвергается психологическому насилию не только в семье, но и в социуме, и жертвами его становятся как женщины, так и мужчины. Наиболее широко термин «психологическое насилие» раскрывает Е.Н. Волков, описывая данное явление как «социально-психологическое воздействие, преднамеренно принуждающее другого человека или группу людей к поступкам или поведению,

которые не входили в их намерения; нарушающее психологические границы личности или социальной группы, осуществляемое без информированного согласия и без обеспечения социальной и психологической безопасности индивида или группы людей, а также всех их законных прав; приводящее к социальному, психологическому, физическому или материальному вреду (ущербу)» [1, с. 192]. В работе, посвященной геронтологическому эбьюзингу, П.В. Пучков называет ряд признаков эмоционально-психологического насилия, причисляя к ним такие действия, как отказ в помощи, запираение внутри помещения и препятствование в обращении за медицинской помощью, что следует относить к пренебрежительному отношению и физическому насилию соответственно [4]. Осно-

вываясь на вышеназванных работах и результатах собственного исследования, в настоящей статье мы рассматриваем психологическое насилие как прямое или косвенное воздействие, причиняющее индивиду эмоциональный ущерб: оскорбление, унижение, запугивание, ограничение социальных контактов, утаивание важной информации и т. п.

В рамках эмпирического изучения психологических аспектов виктимности пожилых людей нами было выявлено значительное число лиц, подвергающихся психологическому насилию. Анализ социально-психологических особенностей данной группы испытуемых позволит продвигнуться в понимании факторов, способствующих становлению психологического насилия над пожилыми людьми в семье и социуме, а также выработать наиболее эффективные технологии виктимологической профилактики данного явления.

Методическое обеспечение эмпирического исследования

В проведенном нами комплексном исследовании приняли участие неработающие мужчины и женщины в возрасте 60 лет и старше, постоянно проживающие в Москве (N = 443). В ходе исследования были использованы методики: краткая шкала оценки психического статуса (Mini-Mental State Examination); методика Дембо-Рубинштейн (авторская модификация); тест М. Куна «Кто я?» (модификация Т.В. Румянцевой); пятифакторный опросник личности (адаптация А.Б. Хромова); авторский опросник для исследования социально-демографических данных и наличия опыта виктимизации от психологичес-

кого и физического насилия, мошенничества, имущественных преступлений, финансовой эксплуатации и пренебрежения; авторская анкета, исследующая отношение пожилых людей к молодежи; анкета, исследующая отношение к стереотипам старости [2].

В настоящей статье представлены данные трёх подгрупп испытуемых — пожилые люди, не имеющие опыта виктимизации, а также жертвы психологического насилия в чистом виде и в сочетании с другими формами виктимизации.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

Согласно полученным данным, лишь 34,8 % (N = 154) от общего числа опрошенных не имеют опыта виктимизации, в то время как 65,2 % (N = 289) считают себя пострадавшими от одной или сразу нескольких форм виктимизации. При этом самой многочисленной группой стали жертвы психологического насилия — ему подвергаются 43,3 % (N = 192) испытуемых. Стоит отметить, что из них 56,8 % (N = 109) подвергаются психологическому насилию в сочетании с другими злоупотреблениями, в то время как 43,2 % (N = 83) считают себя пострадавшими только от психологического насилия. Таким образом, для дальнейшей статистической обработки результатов исследования нами были сформированы три группы испытуемых: контрольная группа — пожилые люди, не имеющие опыта виктимизации, экспериментальная группа 1 — пожилые люди, пострадавшие только от психологического насилия, и экспериментальная группа 2 — пожилые люди, пострадавшие от психологического насилия в

сочетании с иными злоупотреблениями. Социально-демографические характеристики испытуемых перечисленных выше групп приведены в табл. 1.

Сопоставление индивидуально-психологических характеристик респондентов контрольной и двух экспериментальных групп производилось при помощи программного пакета Statistica 10 с использованием критерия Манна-Уитни (табл. 2). С помощью Пятифакторного опросника личности мы наблюдаем в обеих экспериментальных группах более

низкие показатели по шкалам «экстраверсия-интроверсия» и «привязанность-отдаленность», что говорит об определенной замкнутости и отстраненности респондентов. В то же время отмечаются более высокие показатели обеих экспериментальных групп по шкале «эмоциональная неустойчивость-устойчивость», что указывает на наличие определенных эмоциональных проблем у испытуемых, подвергающихся психологическому насилию. Более низкие, чем в контрольной группе, показатели по шкале «мечтатель-

Таблица 1

Индивидуально-психологические характеристики испытуемых

Социально-демографические характеристики	Контрольная группа (N = 154)	Экспериментальная группа 1 (N = 83)	Экспериментальная группа 2 (N = 109)
Возраст, лет:			
60...74	55,8 %	81,9 %	65,1 %
75...89	42,9 %	18,1 %	34,9 %
90...	1,3 %	0	0
Пол:			
женский	57,8 %	85,5 %	89 %
мужской	42,2 %	14,5 %	11 %
Семейное положение:			
женаты/замужем	48,1 %	45,8 %	16,5 %
вдовы/вдовцы	37,7 %	37,3 %	68,8 %
разведены	5,8 %	4,8 %	11 %
холостые	8,4 %	12,1 %	3,7 %
Образование:			
неполное среднее	0	0	0
среднее	7,1 %	2,4 %	0
среднее-специальное	49,4 %	67,5 %	82,6 %
неполное высшее	1,9 %	0	0
высшее	38,3 %	30,1 %	17,4 %
≥ 2 высших, ученая степень	2,4 %	0	0
С кем проживают:			
с супругом(ой)	38,3 %	42,2 %	11,9 %
с супругом и детьми	8,4 %	3,6 %	4,6 %
с детьми	29,9 %	36,1 %	57,8 %
одни	23,4 %	18,1 %	17,4 %
иное	0	0	8,3 %

ность-практичность» свидетельствуют об отсутствии или недостаточности у жертв психологического насилия компенсаторных механизмов, позволяющих эффективно преодолевать негативную ситуацию. Также стоит отметить, что по шкале «контролирование-беспечность» значимые различия с контрольной группой выявлены только у пожилых людей, пострадавших от психологического насилия в сочетании с иными злоупотреблениями, в то время как у жертв только психологического насилия показатели по данной шка-

ле не отличаются от показателей представителей контрольной группы.

С помощью опросника Куна «Кто я?» значимые различия выявлены в соотношении положительно и отрицательно оцениваемых самоописаний респондентов контрольной и экспериментальных групп. Данные различия свидетельствуют о более высокой самооценке респондентов контрольной группы по сравнению с обеими экспериментальными. По методике Дембо-Рубинштейн выявлена значительно большая разница между ак-

Таблица 2

Сравнение средних значений трёх групп (в скобках указан уровень статистической значимости отличий между контрольной и экспериментальной группами)

Методика/Шкала		Контрольная группа (N = 154)	Экспериментальная группа 1 (N = 83)	Экспериментальная группа 2 (N = 109)
Пятифакторный опросник личности	Экстраверсия-интроверсия	49,71	45,37 (p = 0,01)	33,49 (p = 0,01)
	Привязанность-отдаленность	54,18	40,24 (p = 0,01)	46,79 (p = 0,01)
	Контролирование-беспечность	49,65	49,95	43 (p = 0,01)
	Эмоциональная неустойчивость-эмоциональная устойчивость	37,35	48,96 (p = 0,01)	57,96 (p = 0,01)
	Мечтательность-практичность	39,38	23,53 (p = 0,01)	23,59 (p = 0,01)
«Кто я?» (Опросник Куна)	Положительные	80,96	75,6 (p = 0,01)	65,54 (p = 0,01)
	Отрицательные	18,10	23,2 (p = 0,01)	33,01 (p = 0,01)
	Неопределенные	0,25	0,12	0,36
	Амбивалентные	0,69	1,07	1,09
Методика Дембо-Рубинштейн (разница между актуальной и идеальной самооценкой)	Здоровье	11,71	14,75 (p = 0,01)	19,19 (p = 0,01)
	Способности	14,30	14,33	15,56
	Характер	15,28	13,8	18,85 (p = 0,01)
	Счастье	14,84	14,54	20,62 (p = 0,01)
	Уверенность в себе	14,29	13,7	19,92 (p = 0,01)

туальной и реальной самооценкой у пожилых людей, подвергшихся психологическому насилию в сочетании с иными злоупотреблениями, по всем шкалам, в то время как у жертв только психологического насилия значимая разница вы-

явлена лишь по шкале «здоровье». Таким образом, мы наблюдаем ряд значимых различий в индивидуально-психологических характеристиках пожилых людей, составивших контрольную и две экспериментальные группы.

Таблица 3

Число испытуемых, согласных с предложенными утверждениями

Стереотипы старости	Контрольная группа (N = 154)	Экспериментальная группа 1 (N = 83)	Экспериментальная группа 2 (N = 109)
Пожилый человек не может учиться, ему не нужно повышать свою квалификацию, образование	70 (45,45 %)	47 (56,63 %)	65 (59,63 %)
Пожилый человек должен обязательно уйти на пенсию	62 (40,26 %)	49 (59,03 %)	61 (55,96 %)
Пожилые люди обязаны заниматься внуками	62 (40,26 %)	57 (68,67 %)	39 (35,78 %)
Все пожилые люди — консерваторы, не воспринимают ничего нового, никаких изменений в жизни	21 (13,64 %)	31 (37,35 %)	29 (26,61 %)
У пожилого человека нарушается психика	30 (19,48 %)	29 (34,94 %)	40 (36,7 %)
Пожилый человек уже не авторитет в семье, должен переходить на вторые роли, во всём слушаться своих родных	9 (5,84 %)	17 (20,48 %)	32 (29,36 %)
Пожилый человек неаккуратен, неопрятен, не заботится о своём внешнем виде	0	0	5 (4,59 %)
Общественная работа для пожилого человека тяжела	16 (10,39 %)	22 (26,51 %)	66 (60,55 %)
Пожилые люди не в состоянии выполнять сложную работу, нести ответственность	48 (31,17 %)	21 (25,3 %)	46 (42,2 %)
Пожилый человек, живущий с родственниками, должен взять на себя обязанности по дому	19 (12,38 %)	34 (40,96 %)	25 (22,94 %)
У пожилого человека снижается требовательность к питанию	39 (25,32 %)	20 (24,1 %)	63 (57,8 %)

Пожилому человеку много не нужно, у него понижены запросы и потребности, в т. ч. в материальном достатке	29 (18,83 %)	23 (27,71 %)	47 (43,12 %)
Пожилой человек не способен вести интимную жизнь	85 (55,19 %)	51 (61,45 %)	56 (51,38 %)
Пожилые люди не могут понять молодежь	45 (29,22 %)	40 (48,19 %)	70 (64,22 %)

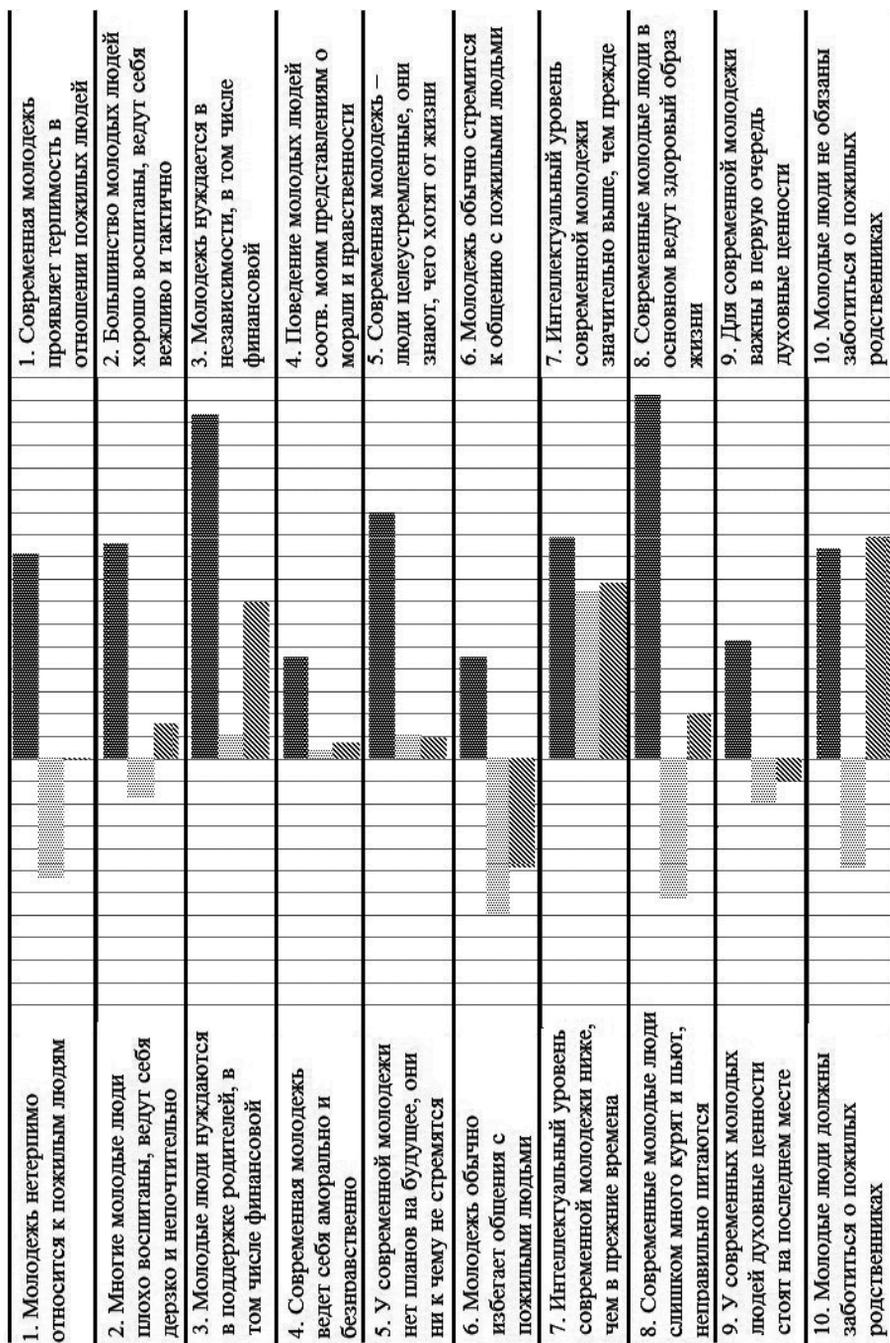
Отношение пожилых людей к возрастным стереотипам изучалось при помощи двух анкет, в которых респондентам предлагалось выразить своё согласие или несогласие с рядом утверждений. В первой анкете представлены 14 утверждений, описывающих наиболее распространённые в обществе стереотипы старости [2]. Мы можем видеть, что испытуемые контрольной группы в меньшей степени согласны с рядом предложенных утверждений, нежели испытуемые двух экспериментальных групп (см. табл. 3). Вторая анкета была направлена на изучение отношения пожилых людей к молодому поколению — в неё вошли 10 парных утверждений, выделенных авторами при интервьюировании респондентов в ходе пилотажного исследования.

Полученные данные указывают на то, что испытуемые, вошедшие в контрольную группу, в целом более позитивно воспринимают молодое поколение, чем испытуемые обеих контрольных групп (рисунок). Наибольшие различия наблюдаются в представлениях респондентов касательно образа жизни современных молодых людей и их отношения к старшему поколению. По нашему мнению, имеющиеся у респондентов экспериментальных групп негативные установки по отношению к молодёжи могут выступать в качестве одного из факторов риска психологического насилия, поскольку в ряде ситуаций пожилые люди могли спровоцировать нападение определенными

высказываниями. В то же время такого рода представления могли сформироваться уже как ответная реакция на агрессию со стороны молодых людей. Стоит отметить, что нами также были опрошены молодые люди с применением анкеты в отношении стереотипов старости, результаты данного опроса и их соотношение с ответами пожилых людей планируется представить в последующих публикациях.

Выводы

Полученные в ходе исследования результаты позволяют соотнести различающиеся характеристики испытуемых контрольной и экспериментальных групп друг с другом. Так, среди жертв психологического насилия как в чистом виде, так и в сочетании с другими формами виктимизации встречается намного меньше мужчин, чем в контрольной группе. В то же время респонденты экспериментальных групп в целом несколько моложе, чем респонденты контрольной группы, и уровень их образования более низок. Стоит отметить, что больше половины пожилых людей, подвергающихся психологическому насилию в сочетании с другими злоупотреблениями, проживают совместно со своими детьми и являются вдовами/вдовцами. Эти данные соотносятся с личностными особенностями респондентов — в экспериментальных группах более

■ Контрольная группа
 ■ Экспериментальная группа 1
 ▨ Экспериментальная группа 2

Рисунок. Отношение респондентов трёх групп к молодым людям

высокий уровень интроверсии и отчуждения, а самооценка значительно ниже, чем в контрольной группе.

Одним из важнейших открытий, сделанных в ходе исследования, является то, что респонденты экспериментальных групп более склонны соглашаться как с негативными стереотипами старости, так и с отрицательными утверждениями касательно молодых людей. По мнению Н.В. Мешковой и С.Н. Ениколопова, предубежденность индивида по отношению к какой-либо группе тесно связана с его враждебностью в целом [3]. Следовательно, мы можем предположить, что отношения жертв психологического насилия с окружающими носят достаточно напряженный характер и вполне могут выступать в качестве отягчающего фактора, влияющего на процесс виктимизации пожилых людей.

Таким образом, представленные в настоящей статье результаты исследования определенно свидетельствуют о существенных социально-демографических и индивидуально-психологических различиях между пожилыми людьми, являющимися жертвами психологического насилия, и теми из них, кто не подвержен данному явлению. Наибольший

интерес представляет вопрос принятия или непринятия возрастных стереотипов, описывающих как пожилых, так и молодых людей. С одной стороны, принятие и следование стереотипам старости может выступать в качестве существенного фактора риска психологического насилия. С другой стороны, негативное отношение к молодым людям так же способно спровоцировать различного рода нападения со стороны последних.

В то же время выявлены и существенные различия в личностных особенностях пожилых людей, что указывает на необходимость дальнейшего проведения множественного корреляционного анализа. Не менее важным является изучение характера взаимоотношений потерпевших пожилых людей с теми, кто совершает по отношению к ним различные злоупотребления. Мы полагаем, что данная работа позволяет выявить ряд психологических закономерностей, сопутствующих процессу виктимизации пожилых людей, что, в свою очередь, имеет практическую значимость для разработки методов профилактики жестокого обращения с пожилыми людьми в целом и психологического насилия в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Е.Н. Критерии, признаки, определения и классификации вредящего психологического воздействия: психологическое травмирование, психологическая агрессия и психологическое насилие // Журнал практического психолога. 2002. № 6.
2. Ковалева Н.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. 2001. № 7.
3. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Предубежденность в контексте свойств личности // Психологический журнал. 2010. № 4.
4. Пучков П.В. Геронтологический эбьюзинг как предмет социологического исследования // Социология: методология, методы, математические модели. 2006. № 23.
5. Русина В.В., Повалюхина Е.В. Сравнительная оценка влияния социальных и психологических факторов на реализацию агрессивных криминальных действий против жизни и здоровья психически здоровыми женщинами и женщинами с психическими расстройствами // Социальная психология и общество. 2012. № 3.

Personality Traits and Attitudes to Age Stereotypes in Elderly People Suffering from Psychological Abuse

Y. YU. GORFAN

PhD student, Moscow State University of Psychology and Education

S.N. ENIKOLOPOV

PhD in Psychology, head of the Chair of Criminal Psychology, Department of Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

The paper reviews and compares socio-demographic and individual psychological characteristics of elderly persons and their attitudes towards the stereotypes of youth and old age. The following three groups of subjects participated in the study: one control group (elderly people with no experience of victimization) and two experimental ones (victims of psychological abuse per se and victims of psychological abuse combined with other types of maltreatment). The conclusions drawn by the authors can be employed in further research on psychological abuse against elderly people.

Keywords: *elderly people, psychological abuse, stereotypes, individual psychological features, victimity.*

REFERENCES

1. Volkov E.N. Kriterii, priznaki, opredeleniya i klassifikatsii vredyashogo psihologicheskogo vozdeistviya: psihologicheskoe travmirovaniye, psihologicheskaya agressiya i psihologicheskoe nasilie // Zhurnal prakticheskogo psihologa. 2002. № 6.
2. Kovaleva N.G. Pozhilye lyudi: social'noe samochuvstvie // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. № 7.
3. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Predubezhdenost' v kontekste svoistv lichnosti // Psihologicheskii zhurnal. 2010. № 4.
4. Puchkov P.V. Gerontologicheskii eb'yuzing kak predmet sociologicheskogo issledovaniya // Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli. 2006. № 23.
5. Rusina V.V., Povalyuhina E.V. Sravnitel'naya ocenka vliyaniya social'nyh i psihologicheskikh faktorov na realizatsiyu agressivnyh kriminal'nyh deistvii protiv zhizni i zdorov'ya psihicheski zdorovymi zhenshinami i zhenshinami s psihicheskimi rasstroistvami // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2012. № 3.

Исследование удовлетворенности жизнью и смысложизненных ориентаций в пожилом и старческом возрасте

Т.Ф. СУСЛОВА

*кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии
Российского государственного социального университета*

С.В. ЖУЧКОВА

*аспирант кафедры социальной психологии Российского государственного
социального университета*

В статье представлены результаты анализа исследования изменений в структуре удовлетворенности жизнью и смысложизненных ориентаций на разных стадиях старения личности. Результаты исследования показывают, что структура смысложизненных ориентаций остается практически неизменной на протяжении позднего этапа онтогенеза, однако с возрастом у людей повышается вера в собственные силы, позволяющая контролировать события собственной жизни, а также убежденность в возможности контроля и управляемости жизнью. Результаты исследования, изложенные в статье, представляют определенный интерес для специалистов в области социальной психологии старения — социальных психологов, геронтопсихологов и социальных работников.

Ключевые слова: *пожилой возраст, старческий возраст, удовлетворенность жизнью, смысложизненные ориентации, эмоциональный комфорт, эмоциональный дискомфорт.*

Изменение возрастного состава населения в направлении его старения ставит перед социальной наукой ряд вопросов демографического характера [4]. В этой связи перед учеными и практиками неизбежно возникает необходимость решения комплекса психологических проблем, в том числе повышения качества жизни людей пожилого и старческого возраста как полноправных членов общества в аспекте субъективной составляющей удовлетворенности жизнью.

В этом аспекте проблема приобретает актуальность ввиду необходимости исследования пути решения задач, позво-

ляющих оптимизировать активность пожилого человека в различных сферах жизнедеятельности, представляя ему возможность ощутить свою социальную значимость посредством формирования осмысленности жизни в рамках новых социальных ролей.

Современными авторами рассматриваются различные показатели счастья и субъективного благополучия людей позднего возраста в связи с социальными условиями и обстоятельствами, находящимися под непосредственным контролем и вне непосредственного контроля человека [8], а также со свойствами тем-

перамента и ценностной сферой личности [2].

Большинство зарубежных авторов обращают внимание на социально-психологические факторы удовлетворенности жизнью пожилых людей, связанные с различными видами взаимоотношений, такими как семейная жизнь и брак, наличие друзей и референтной группы и др. [1].

Так, исследования, проведенные А. Степное, П. Демакакос и С. Оливейра на выборке пожилых людей Англии в 2012 году, показали, что удовлетворенность жизнью зависит от социально-экономических факторов (уровня дохода и благосостояния), от семейного статуса, уровня физической активности и здоровья [14].

Глобальная оценка качества и смысла жизни в старости, отражающаяся в эмоциональном переживании удовлетворенности жизнью, по мнению М.В. Ермолаевой, является сложной и недостаточно изученной областью [3]. Следует также отметить, что в доступных русскоязычных источниках практически не рассматривался вопрос связи смысловых ориентаций и удовлетворенности жизнью в позднем возрасте.

Программа эмпирического исследования

В статье представлены результаты исследования удовлетворенности жизнью людей пожилого и старческого возраста в связи с возрастными и связанными с полом особенностями данного явления, наличием и характером связей между компонентами удовлетворенности жизнью и смысловыми ориентациями, а также выраженностью уровня

дизинтеграции в ценностно-смысловой сфере.

В исследовании проверялось несколько гипотез:

- существуют различия в показателях удовлетворенности жизни в пожилом и старческом возрасте;
- структура смысловых ориентаций в пожилом и старческом возрасте различается у лиц с высоким и низким уровнем удовлетворенности жизнью;
- существуют факторы, способствующие формированию и поддержанию у людей пожилого и старческого возраста состояния удовлетворенности жизнью;
- в позднем возрасте снижаются различия в структуре удовлетворенности жизнью у мужчин и женщин.

В исследовании приняли участие 162 респондента — клиенты центра социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов «Забота»: женщины в возрасте от 55 до 90 лет и мужчины в возрасте от 60 до 90 лет. Первую группу составили 100 испытуемых пожилого возраста, вторую — 62 испытуемых старческого возраста.

В работе использовались психодиагностические методики: «Индекс жизненной удовлетворенности» (в адаптации Н.В. Панина) [7]; шкала субъективного благополучия (М.В. Соколова) [10]; шкала удовлетворенности условиями жизни и шкала удовлетворенности основными жизненными потребностями (О.С. Копина) [5]; методика смысловых ориентаций Д. Крамбо и Л. Махолика (в адаптации Д.А. Леонтьева) [6]; методика «Уровень соотношения «ценности» и доступности» Е.Б. Фанталовой [11].

Компоновка исходных данных респондентов осуществлялась в составе предварительно разработанной анкеты,

учитывающей возраст, пол, уровень образования, наличие работы и семьи. Опрос проводился в форме персональной беседы и последующего заполнения бланков.

Для обработки эмпирических результатов и проверки гипотез использовался критерий достоверности различий U -критерий Манна-Уитни. Статистическая обработка полученного материала и последующие расчеты производились в рамках программы «SPSS (версия 19.0)».

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

В ходе исследования смысложизненных ориентаций (опросник Д. Крамбо и Л. Махолика в адаптации Д.А. Леонтьева) были выявлены достоверные различия в группах пожилого и старческого возраста по субшкалам «ЛК-Я», т. е. «Я – хозяин жизни» ($U = 2476, p \leq 0,03$) и «ЛК-жизнь», т. е. «Жизнь управляема мной» ($U = 2119, p \leq 0,001$). Таким образом, результаты исследования локуса-контроля показали, что с возрастом повышается вера в собственные силы, позволяющая контролировать жизненные события, а также убежденность в возможности контроля. Такой оптимистичный взгляд можно объяснить тем, что в выборку вошли люди пожилого и старческого возрастов, являющиеся клиентами центра социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов «Забота», т. е. люди позднего возраста, по собственной инициативе посещающие центр дневного пребывания, вовлеченные в активные виды деятельности, посещающие кружки, групповые занятия, выезжающие на экскурсии, имею-

щие разносторонний круг общения и взаимодействия друг с другом. Это подтверждает мнение многих российских и зарубежных психологов, что активность в позднем возрасте способствует как удовлетворенности жизнью, так и наличию осмысленного видения своего прошлого, настоящего и будущего, ощущению, что они способны быть «хозяевами жизни» и «управлять ею».

Активная включенность в социальные виды деятельности в процессе посещений центра усиливает чувство ответственности за свое поведение перед собой и другими людьми, помогая человеку поверить в собственные силы, контролировать жизненные события и ситуации. Важность «вовлеченности людей позднего возраста в жизнь» в своих работах отмечали Э. Эриксон и М.В. Ермолаева. Так, Э. Эриксон, анализирувавший историю жизни людей старческого возраста и как они справлялись с трудностями и проблемами, пришел к выводу, что активный образ жизни и участие в различных видах деятельности (семейной, общественной, оздоровительной) сохраняет жизнеспособность в старости при снижении физических и психических способностей [13]. М.В. Ермолаева также утверждает, что люди с высоким уровнем активности, ведущие поиск новых путей включения в общественную жизнь, планирующие свою жизнь на пенсии, реализующие себя в увлекательных занятиях, могут переживать чувство свободы, выявлять для себя новые способности и возможности. По ее мнению, занятие интересным делом, установление новых дружеских связей, сохранение способности контролировать свое окружение порождают удовлетворенность жизнью и увеличивают ее продолжительность [3].

Результаты исследования по методике «Индекс жизненной удовлетворенности» (в адаптации Н.В. Панина), шкалы субъективного благополучия (М.В. Соколова), шкалы удовлетворенности условиями жизни и шкалы удовлетворенности основных жизненных потребностей (О.С. Копина) показали значимые различия в группах респондентов пожилого и старческого возрастов по таким показателям удовлетворенности жизни, как «напряженность и чувствительность» и «удовлетворенность условиями жизни» (табл. 1). Снижение уровня напряженности и чувствительности в группе респондентов старческого возраста, на наш взгляд, может быть связано с постепенной утратой значимых глубоких социальных связей в старости, эмоциональным уходом во внутренний мир, в переживания, связанные с оценкой и осмыслением прожитой жизни, что явно не всегда способствует формированию чувства удовлетворенности жизнью и удовлетворению основных жизненных потребностей.

Таким образом, можно констатировать, что для людей пожилого и старчес-

кого возраста существуют единые нормативные критерии и стандарты, в соответствии с которыми человек ощущает удовлетворенность собственной жизнью. Люди старческого возраста в равной мере с пожилыми могут формировать систему отношений к различным сферам жизнедеятельности, испытывать связанную с этим психоэмоциональную симптоматику, изменения настроения, способны оценивать значимость социального окружения, здоровья, степень удовлетворенности повседневной деятельностью, степень удовлетворенности основных жизненных потребностей. Однако для этого нужна определенная работа специалистов помогающих профессий, цель которой — поддержание и развитие социальных и личностных ресурсов пожилых людей и стариков.

Кроме того, результаты исследования показали повышение уровня удовлетворенности условиями жизни в старческом возрасте. Это может говорить о том, что с возрастом растет тенденция к пересмотру установок, ценностей и взглядов на окружающую действительность в сторону их

Таблица 1

Возрастные различия показателей удовлетворенности жизнью

Показатели удовлетворенности жизнью	Средние значения	
	пожилой возраст	старческий возраст
Индекс ЖУ	19,67	20,80
Напряженность и чувствительность	11,40 *	10,56 *
Психоэмоциональная симптоматика	11,65	11,49
Изменения настроения	7,63	7,36
Значимость социального окружения	9,13	8,60
Самооценка здоровья	8,77	8,64
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	11,49	11,08
Стены по шкале субъективного благополучия	6,77	6,47
Удовлетворенность условиями жизни	42,93 **	44,68 **
Удовлетворенность основных жизненных потребностей	37,28	37,86

Условные обозначения: * — $p = 0,032$; ** — $p = 0,020$.

снижения и достаточности в аспекте имеющихся в распоряжении человека корректирующих возможностей. Быт и основные жизненные условия проживания воспринимаются как удовлетворительные и вполне пригодные. Данные результаты согласуются с выводами, сделанными известным российским геронтологом Н.В. Шахматовым о сформированной и самодостаточной жизненной позиции в старости. Ученый описывает опыт работы с пожилыми людьми в домашних условиях и домах-интернатах, положительно оценивающих свое старческое бытие и довольных своей старостью. Окружающая жизнь и быт, отмечает Н.В. Шахматов, воспринимается ими терпимо, такими, какие есть, зато на первый план выходят новые интересы и приоритеты (обращение к природе, укрепление морально-нравственных установок, желание быт полезными окружающим) [12].

Для определения влияния пола на удовлетворенность жизнью в нашем исследовании производились сравнения

основных показателей у групп мужчин и женщин пожилого и старческого возраста. Было установлено, что существует связанная с полом специфика ощущения людьми пожилого и старческого возраста удовлетворенности жизнью.

Вначале были проанализированы результаты значимых различий между женщинами и мужчинами в группе респондентов пожилого возраста. Результаты, представленные в табл. 2, показали, что в группе пожилого возраста у представителей мужского пола по сравнению с представителями женского пола статистически достоверно выше значения показателей индекса жизненной удовлетворенности ($U = 736, p = 0,02$) и ниже значения таких показателей как «признаки психоэмоциональной симптоматики» ($U = 678, p = 0,000$), «самооценка здоровья» ($U = 774, p = 0,004$), «степень удовлетворенности повседневной деятельностью» ($U = 902, p = 0,048$) и «стены по шкале субъективного благополучия» ($U = 811, p = 0,01$) (см. табл. 2). Таким обра-

Таблица 2

Половые различия показателей удовлетворенности жизнью в пожилой группе респондентов

Показатели удовлетворенности жизнью	Средние значения в пожилой группе респондентов	
	женского пола	мужского пола
Индекс ЖУ	18,73 **	20,65 **
Напряженность и чувствительность	11,80	10,98
Психоэмоциональная симптоматика	12,68 *****	10,57 *****
Изменения настроения	7,76	7,49
Значимость социального окружения	9,42	8,83
Самооценка здоровья	9,29 ****	8,23 ****
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	11,94 *	11,01 *
Стены по шкале субъективного благополучия	7,38 ***	6,13 ***
Удовлетворенность условиями жизни	42,96	42,90
Удовлетворенность основных жизненных потребностей	36,66	37,88

Условные обозначения: * – $p = 0,048$; ** – $p = 0,02$; *** – $p = 0,01$; **** – $p = 0,004$; ***** – $p = 0,000$.

зом, результаты проверки значимости различий показали, что пожилые мужчины в отличие от пожилых женщин могут в значительной мере выше оценивать уровень удовлетворенности своей жизнью, ощущать более низкую степень проявлений психоэмоциональных состояний, ставить выше самооценку здоровья, испытывать низкую степень эмоционального дискомфорта.

Далее были проанализированы значимые различия между женщинами и мужчинами в группе респондентов старческого возраста. Результаты, изложенные в табл. 3, показали, что в группе старческого возраста у мужчин по сравнению с женщинами статистически достоверно выше значения показателя «удовлетворенность основных жизненных потребностей» ($U = 887, p = 0,038$) и ниже значения показателей «признаки психоэмоциональной симптоматики» ($U = 902, p = 0,048$), «самооценка здоровья» ($U = 775, p = 0,004$). Это позволяет предположить, что мужчины в

старческом возрасте бывают более, чем женщины, удовлетворены отношениями в семье, питанием, отдыхом, положением в обществе, общением с друзьями и людьми, близкими по интересам. Женщины же по сравнению с мужчинами чаще отмечают признаки психоэмоциональных проявлений и неудовлетворенность своим здоровьем. Н.Ф. Шахматов подтверждает мнение, что отношение к ненужности и болезненности в старости, аффективная окраска этого чувства находятся в прямой зависимости от пола. По его мнению, пожилые и старые женщины уделяют больше внимания своему здоровью, чаще посещают врача, чаще жалуются на свои старческие недуги [12].

Отсутствие половых различий в старческой группе респондентов по другим показателям удовлетворенности жизнью («индекс жизненной удовлетворенности», «степень удовлетворенности повседневной деятельностью», «стены по шкале субъективного благополучия»)

Таблица 3

Половые различия показателей удовлетворенности жизнью в старческой группе респондентов

Показатели удовлетворенности жизнью	Средние значения в старческой группе респондентов	
	женского пола	мужского пола
Индекс ЖУ	20,07	21,61
Напряженность и чувствительность	10,96	10,13
Психоэмоциональная симптоматика	12,28 *	10,61 *
Изменения настроения	7,37	7,34
Значимость социального окружения	8,66	8,53
Самооценка здоровья	9,37 ***	7,84 ***
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	11,11	11,05
Стены по шкале субъективного благополучия	6,93	5,95
Удовлетворенность условиями жизни	44,35	45,05
Удовлетворенность основных жизненных потребностей	36,44 **	39,44 **

Условные обозначения: * – $p = 0,048$; ** – $p = 0,038$; *** – $p = 0,004$.

можно объяснить тем, что в результате процесса старения прекращается воздействие многих биологических и социальных факторов, контролирующих половые психические особенности, вследствие чего происходит возрастное «стирание» различий.

Таким образом, было установлено, что значимые различия в зависимости от фактора половой принадлежности присутствуют по большинству значимых компонентов удовлетворенности жизнью применительно к выборке пожилых респондентов. Однако следует отметить, что половая специфика удовлетворенности жизни в старческом возрасте тоже существует, но становится менее выраженной по мере старения. Предположительно уменьшение различий, обусловленных полом респондентов старческого возраста, объясняется тем, что по мере старения происходит изменение биологических и социальных оснований различий.

Для определения факторов, способствующих формированию высокого уровня удовлетворенности жизнью, сравнивались группы с высоким и низким показателями индекса жизненной удовлетворенности, а также две крайние группы, контрастные по показателям шкалы субъективного комфорта. Крайние группы, контрастные по показателям шкалы субъективного благополучия, включали в себя: первая группа — респондентов с крайне высокими и высокими оценками по данной шкале, вторая группа — респондентов с крайне низкими и низкими оценками по данной шкале (т. е. респонденты со средними оценками не учитывались).

Проведенное исследование позволило выявить ряд закономерностей.

В группе респондентов пожилого и старческого возраста все основные показатели по субшкалам смысложизненных ориентаций («цели», «процесс», «результат», «локус контроля-Я», «локус контроля-жизнь», «общий показатель осмысленности жизни») на 0,01 % уровне статистической значимости выше у респондентов с высоким показателем индекса жизненной удовлетворенности по сравнению с респондентами с низким показателем индекса жизненной удовлетворенности. При этом основные показатели конфликтности в ценностно-смысловой сфере («индекс расхождения ценности-доступности», «внутриличностные конфликты», «внутриличностные вакуумы») на 0,01 % уровне статистической значимости ниже у респондентов с высоким показателем индекса жизненной удовлетворенности по сравнению с респондентами с низким показателем индекса жизненной удовлетворенности.

В группе респондентов пожилого и старческого возраста все основные показатели по субшкалам смысложизненных ориентаций («цели», «процесс», «результат», «локус контроля-Я», «локус контроля-жизнь», «общий показатель осмысленности жизни») на 0,01 % уровне статистической значимости выше у респондентов с высоким уровнем эмоционального комфорта (низкие оценки по шкале субъективного благополучия), по сравнению с респондентами с низким уровнем эмоционального комфорта (высокие оценки по шкале субъективного благополучия). Вместе с тем основные показатели конфликтности в ценностно-смысловой сфере («индекс расхождения ценности-доступности», «внутриличностные конфликты», «внутриличностные вакуумы») на 0,01 % уровне статистиче-

ской значимости ниже у респондентов с высоким уровнем эмоционального комфорта (низкие оценки по шкале субъективного благополучия) по сравнению с респондентами с низким уровнем эмоционального комфорта (высокие оценки по шкале субъективного благополучия).

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют, что в позднем возрасте люди с высоким уровнем удовлетворенности жизнью имеют более высокие уровни осмысленности жизни и сформированности смысложизненных ориентаций по сравнению с людьми с низким уровнем удовлетворенности жизнью. Таких людей характеризует наличие целей в жизни (направленность на будущее), интерес и эмоциональная насыщенность жизни (направленность на процесс, настоящее), удовлетворенность самореализацией, высокий локус контроля-Я (вера в свои силы строить и контролировать жизненные события) и высокий локус контроля — жизнь (убежденность в свободе принятия решений и управляемости жизнью). Одновременно с этим у людей позднего возраста с высоким уровнем удовлетворенности жизнью ниже значения показателей «внутриличностные конфликты», «внутриличностные вакуумы» и ниже степень расхождения (уровень дезинтеграции) между ценностями и их доступностью в ценностно-смысловой сфере.

Выводы

По результатам исследования можно сделать выводы.

1. Структура смысложизненных ориентаций не претерпевает существенных изменений с возрастом.

2. У людей, вовлеченных в активную деятельность, с возрастом повышается локус контроля (вера в собственные силы, позволяющая контролировать события собственной жизни, а также убежденность в возможности контроля и управляемости жизнью).

3. На протяжении позднего возраста человек может обладать достаточно стабильным уровнем удовлетворенности жизнью. Респонденты старческого возраста в равной степени с пожилыми могут формировать собственную систему отношений к жизни, испытывать чувство эмоционального комфорта и состояние, связанное с удовлетворением основных жизненных потребностей.

4. С возрастом происходит снижение уровня удовлетворенности жизнью по субшкале «напряженность и чувствительность». В старческом возрасте люди в большей степени испытывают снижение психической напряженности и «истощение» чувствительности вследствие постепенной утраты глубоких социальных связей, замкнутости интересов старого человека на своем внутреннем мире. С возрастом происходит повышение уровня по шкале «удовлетворенность условиями жизни». Испытуемые в старческом возрасте пересматривают отношение к окружающей действительности, проявляют неприхотливость к быту и терпимость к условиям проживания, формируют самодостаточную жизненную позицию.

5. Пожилые мужчины в отличие от пожилых женщин могут в значительной мере выше оценивать уровень удовлетворенности своей жизнью, ощущать более низкую степень проявлений психоэмоциональных состояний, ставить выше самооценку здоровью, испытывать

низкую степень эмоционального дискомфорта. Женщины старческого возраста по сравнению со старыми мужчинами чаще отмечают признаки психоэмоциональных проявлений и неудовлетворенность своим здоровьем.

6. С возрастом происходит «стирание» различий в структурах удовлетворенности жизнью мужчин и женщин. Вероятно, значимость подобных характеристик с возрастом уменьшается и ослабляет свое влияние на состояние удовлетворенности жизнью.

7. Люди пожилого и старческого возраста с высоким уровнем удовлетворенности жизнью по сравнению с людьми с низким уровнем удовлетворенности жизнью имеют более высокий уровень осмысленности жизни и выше уровень сформированности смысловых ориентаций. Они отличаются сформированностью целей и направленностью на будущее, заинтересованностью процессом жизни, удовлетворенностью своим прошлым и самореализацией, верой в собственные силы контроля событий и убежденностью в свободе принятия решений и управляемости жизнью.

8. Люди пожилого и старческого возраста с высоким уровнем удовлетворенности жизнью по сравнению с людьми с низким уровнем удовлетворенности жизнью обладают меньшей степенью рассогласования между ценностями и их доступностью и меньшими показателями «внутриличностных конфликтов» и «вакуумов» в ценностно-смысловой сфере.

На основании вышеизложенного установлено, что структура смысловых

ориентаций остается практически неизменной на протяжении позднего этапа онтогенеза. Однако отмечено, что с возрастом у людей позднего возраста, ведущих активную деятельность, повышается вера в собственные силы, позволяющая контролировать события собственной жизни, а также убежденность в возможности контроля и управляемости жизнью, чему, несомненно, способствует пребывание в привычных для человека социальных средах. Уровень удовлетворенности жизнью в позднем возрасте по большинству показателей не претерпевает существенных изменений, что свидетельствует о том, что люди старческого возраста в равной степени с пожилыми людьми переосмысливают важные жизненные события и ставят им итоговую оценку, испытывают схожие уровни эмоционального комфорта или эмоционального дискомфорта, схожее состояние удовлетворенности основных жизненных потребностей. Интересным выявленным фактом является то, что с возрастом происходит «стирание» различий в структурах удовлетворенности жизнью мужчин и женщин.

Таким образом, анализ межгрупповых различий респондентов с высоким и низким уровнем удовлетворенности жизни позволяет предположить, что удовлетворенность жизнью в пожилом и старческом возрасте обладает зависимостью от уровня осмысленности жизни и сформированности смысловых ориентаций личности, а также степени внутриличностной конфликтности и дезинтеграции в ценностно-смысловой сфере личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аргайл М.* Психология счастья. СПб., 2003.
2. *Дубовик Ю.Б.* Исследование психологического благополучия в пожилом и старческом возрасте // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 1 (15). [Электронный ресурс] URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n1-15/433-dubovik15.html> (дата обращения: 19.01.2014).
3. *Ермолаева М.В.* Психолого-педагогическое сопровождение пожилого человека: Учебное пособие. М., 2011.
4. *Жуков В.И.* Демографический потенциал России и стран мира // Ученые записки Российского государственного социального университета. № 1(112). М., 2013.
5. *Копина О.С.* Экспресс-диагностика уровня психоэмоционального напряжения и его источников // Вопросы психологии. 1995. № 3.
6. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 1992.
7. *Панина Н.В.* Индекс жизненной удовлетворенности // Lifeline и другие новые методы психологии жизненного пути. М., 1993.
8. *Селигман М.* Новая позитивная психология. М., 2006.
9. *Скрипкина Т.П., Нехорошева И.В.* Отличия в основных показателях субъективного качества жизни между людьми с разной нравственной направленностью // Социальная психология и общество. 2013. № 2.
10. *Соколова М.В.* Шкала субъективного благополучия: Руководство. Ярославль, 1996.
11. *Фанталова Е.Б.* Психометрическое исследование показателей методики «Уровень соотношения "ценности" и "доступности"» // Журнал практикующего психолога. 2010. Вып. 17.
12. *Шахматов Н.Ф.* Старение. Норма и патология // Психология старости. Самара, 2009.
13. *Erikson E.H., Erikson J.M., Kivnick H.Q.* Vital Involvement in Old Age. N.Y., L., 1995.
14. *Steptoe A., Demakakos P., Oliveira C.* The Psychological Well-Being, Health and Functioning of Older People in England / The Dynamics of Ageing. 2012.

Research on Life Satisfaction and Life Orientations in Late Adulthood

T.F. SUSLOVA

*PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Social Psychology,
Russian State Social University*

S.M. ZHUCHKOVA

*PhD student at the Chair of Social Psychology,
Russian State Social University*

The paper presents results of a study on variations in the structure of life satisfaction and life-purpose orientations in individuals at various stages of aging. These results show that the structure of life-purpose orientations remains virtually unchanged during the late ontogenetic stage. However, people's belief in their own capacities that allows them to control events in their life increases with age, and so does their confidence in the very ability of one to control his/her life. The outcomes of this analysis can be of interest to specialists in the field of social psychology of aging (social psychologists, gerontopsychologists, and social workers).

Keywords: *late adulthood, old age, life satisfaction, life-purpose orientations, emotional comfort, emotional discomfort.*

REFERENCES

1. Argail M. Psihologiya schast'ya. SPb., 2003.
2. Dubovik Yu.B. Issledovanie psihologicheskogo blagopoluchiya v pozhilom i starcheskom vozraste // Psihologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn. 2011. № 1 (15). [Elektronnyi resurs] URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n1-15/433-dubovik15.html> (data obrasheniya: 19.01.2014).
3. Ermolaeva M.V. Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie pozhilogo cheloveka: uchebnoe posobie. M., 2011.
4. Zhukov V.I. Demograficheskii potencial Rossii i stran mira // Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. № 1 (112). M., 2013.
5. Kopina O.S. Ekspres-diagnostika urovnya psihoemocional'nogo napryazheniya i ego istochnikov // Voprosy psihologii. 1995. № 3.
6. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennykh orientacii (SZhO). M., 1992.
7. Panina N.V. Indeks zhiznennoi udovletvorennosti // Lifeline i drugie novye metody psihologii zhiznennogo puti. M., 1993.
8. Seligman M. Novaya pozitivnaya psihologiya. M., 2006.
9. Skripkina T.P., Nehorosheva I.V. Otlichiya v osnovnykh pokazatelyah sub'ektivnogo kachestva zhizni mezhdru lyud'mi s raznoi npravstvennoi napravlennost'yu // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2013. № 2.

10. *Cokolova M.V.* Shkala sub'ektivnogo blagopoluchiya: Rukovodstvo. Yaroslavl', 1996.
11. *Fantalova E.B.* Psihometricheskoe issledovanie pokazatelei metodiki "Uroven' sootnosheniya "cennosti" i "dostupnosti"" // Zhurnal praktikuyushogo psihologa. 2010. Vyp. 17.
12. *Shahmatov N.F.* Starenie. Norma i patologiya // Psihologiya starosti. Samara, 2009.
13. *Erikson E.H., Erikson J.M., Kivnick H.Q.* Vital Involvement in Old Age. N.Y., L., 1995.
14. *Steptoe A., Demakakos P., Oliveira C.* The Psychological Well-Being, Health and Functioning of Older People in England / The Dynamics of Ageing. 2012.

Трудовая мотивация специалистов сферы информационных технологий в условиях доминирующего типа организационной культуры

М.Е. ОПАРИНА

соискатель кафедры организационной психологии

Российского государственного педагогического университета

им. А.И. Герцена, ведущий менеджер по персоналу Группы компаний GS Group

В статье излагаются результаты исследования, направленного на изучение связи трудовой мотивации и организационной культуры организаций сферы информационных технологий на основе типологии К. Камерона и Р. Куинна. На примере организаций, связанных с разработкой и внедрением программного обеспечения, выявлено, что для них характерна организационная культура смешанного типа с доминированием кланового и иерархического типов. Продемонстрировано, что тип организационной культуры, характеризующийся набором определенных ценностей, способствует проявлению и реализации мотивов трудовой деятельности специалистов организаций сферы информационных технологий: интерес к процессу разработки программного обеспечения, стремление к профессиональному росту и достойному материальному вознаграждению. Показано, что доминирующий тип организационной культуры организаций сферы информационных технологий обусловлен принадлежностью к государственной или коммерческой форме собственности. Зафиксировано, что внутренняя мотивация (интерес к процессу трудовой деятельности и ответственность за результаты работы) и мотивация к достижению успеха проявляются у сотрудников государственных организаций сферы информационных технологий, имеющих организационную культуру преимущественно иерархического и адхократического типов, а внешняя положительная трудовая мотивация (уровень заработной платы и уважение со стороны коллег) и мотивация избегания неудач характерны для сотрудников коммерческих организаций, имеющих организационную культуру преимущественно кланового типа.

Ключевые слова: *трудовая мотивация, мотивы специалистов сферы информационных технологий, типы организационной культуры, государственные и коммерческие организации.*

Создание глобального информационного пространства, стремление к оптимизации бизнеса и высокая конкуренция во всех его областях обусловили появление большого количества компаний, удовлетворяющих потребности в инфор-

мационных продуктах и услугах. Несмотря на то что компьютеризация захватила общество несколько десятков лет назад, актуальность разработки информационных систем, обеспечивающих колоссальную экономию труда многих ты-

сяч специалистов, привела к образованию проектных организаций. С одной стороны, разработка программного обеспечения подчинена строгой математической логике, а с другой — она невозможна без включения творческой составляющей.

Человеческий фактор в компаниях, занятых в сфере информационных технологий, является основным ресурсом создания продукта. Руководство этих организаций постоянно должно заботиться о благоприятных условиях для работы специалистов, участвующих в разработке программного обеспечения, и способствовать их заинтересованности в работе, то есть стимулировать трудовую мотивацию и создавать благоприятную организационную культуру.

Несмотря на накопленные теоретические и практические знания в области исследования трудовой мотивации персонала и организационной культуры, существует необходимость дальнейшего углубленного изучения этих двух феноменов в организациях в современных условиях и нахождения связи между ними.

В данной статье представлены: 1) обзор основных современных направлений исследования трудовой мотивации и организационной культуры; 2) описание психологических особенностей специалистов сферы информационных технологий; 3) проверка гипотезы о связи трудовой мотивации с типом организационной культуры.

Связь трудовой мотивации и организационной культуры

В последние десятилетия ученым, занимающимся теорией и практикой уп-

равления [2; 3; 8; 9 и др.], стало очевидно, что высокая мотивация персонала — это важнейшее условие успеха любой организации. Организации окажутся более успешными, если будут уверены в приверженности персонала, заинтересованности членов организации в конечных результатах и их стремлении внести свой вклад в достижение поставленных целей. Анализ теоретических концепций механизма мотивации позволил автору сформулировать собственное определение трудовой мотивации. *Трудовая мотивация* — это сознательный процесс выбора работником трудового поведения, обусловленный воздействием потребностей, удовлетворяющий собственные цели и приводящий к достижению целей организации.

Таким образом, трудовая мотивация связана с личными интересами работника и получает оценку в системе индивидуальных ценностей. Работа для человека в организации — средство достижения индивидуальных целей. Дж. Хакман и Г. Олдхэм [1989] определили, что мотивация работой является результатом воздействия содержания работы на работника, то есть поведение работника определяется его личностными качествами и ситуацией.

Зарубежные исследователи подчеркивают взаимосвязь внутренней мотивации с креативностью, которая определяется как способность генерировать новые и полезные идеи [15]. Внутренняя мотивация подразумевает, что работник проявляет интерес непосредственно к работе независимо от внешнего вознаграждения или стимулирующего воздействия, а выполнение работы, в свою очередь, приводит к удовлетворению внутренних потребностей.

В противоположность внутренней мотивации существует внешняя — это мотивация, при которой действия человека осуществляются под воздействием факторов, находящихся вне его поведения. Проведенные многочисленные исследования [4; 18; 19 и др.] показали, что предпочтительным является мотивационный комплекс труда, в котором внутренние и внешние мотивы находятся в пропорции

$$ВМ > ВПМ > ВОМ,$$

где ВМ — внутренняя мотивация, ВПМ — внешняя положительная (мотивы, вызывающие положительную реакцию и побуждающие к труду), ВОМ — внешняя отрицательная (мотивы, вызывающие отрицательную реакцию и принуждающие к труду).

В последнее время в российских компаниях очень актуальны исследования, проводимые с целью определения видов мотивации в зависимости от типа организационной культуры [12; 14].

Классификация организационной культуры необходима для определения и анализа ее основных типов с целью выявления специфических черт культуры каждой конкретной организации, а также разработки подходящих методов ее совершенствования. Под типом организационной культуры понимается определенная группа культур, объединенных по общему, наиболее существенному признаку, отличающему данный тип от других.

Наиболее часто используемой методикой является вопросник, предложенный К. Камероном и Р. Куинном. К числу немногих опубликованных и наиболее крупных исследований, использующих данную методику, следует отнести научно-практическое исследование

М.А. Макаrenchенко [7], а среди значимых пилотных проектов — исследование А.Д. Чанько [14]. Эти исследователи считают опросник К. Камерона и Р. Куинна при анализе организационной культуры наиболее подходящим для российских условий в силу компактности использования методики, а также простоты и наглядности форм обработки полученных результатов по сравнению с другими опросниками.

Программа эмпирического исследования

Задача настоящего исследования заключалась в выявлении связи между трудовой мотивацией и доминирующим типом организационной культуры в организациях сферы информационных технологий, при этом организаций с государственной и коммерческой формой собственности. Мы предположили, что для каждого типа организационной культуры характерны определенные мотивы трудовой деятельности специалистов сферы информационных технологий. В процессе исследования определились две группы организаций по принадлежности к выявленному доминирующему типу организационной культуры: государственные и коммерческие.

В пилотажном исследовании участие приняли 357 респондентов в 16 организациях, связанных с разработкой и внедрением программного обеспечения, одиннадцать из которых имели коммерческую форму собственности, а пять являлись государственными.

Исследование проходило в организациях параллельно в период с 2008 по

2009 годы и включало в себя: 1) беседу с руководителем или его заместителем для получения объективной информации об организации труда; 2) заполнение опросников и разработанной автором анкеты для получения субъективной информации о корпоративной культуре и удовлетворенности трудовой деятельностью работающих в организации сотрудников.

Исследование трудовой мотивации сотрудников организаций проводилось с помощью методики профессиональной мотивации К. Замфир [4] и опросников Т. Элерса на достижение успеха и избегание неудач.

Для диагностики организационной культуры и выявления типа основным инструментом стал опросник К. Камерона и Р. Куинна OCAI (Organizational Culture's Analyze Instrument) [6], позволяющий оценить восприятие сотрудников организации по шести ключевым характеристикам: общие характеристики организации, стиль лидерства, управление наемными работниками, связующая сущность организации, стратегические цели, критерии успеха. В результате авторами выведены различные четыре типа культуры: клановый тип — культура, фокусирующая внимание на качестве отношений, или культура отношений; адхократический тип — культура, ориентированная на предпринимательство и творчество, или культура процесса; рыночный тип — культура, ориентированная на результат и выполнение задач любой ценой, или культура результата; иерархический тип — культура, ориентированная на системность, порядок, или культура власти.

Составленная автором анкета позволила определить существующую ситуа-

цию в исследуемых организациях через субъективное восприятие испытуемых. Для обработки данных и статистического анализа применялись следующие методы: различия средних оценок по критерию Стьюдента, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона) и регрессионный анализ.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

На основе диагностики степени доминирования тех или иных осознаваемых ценностей сотрудников организации в отношении различных аспектов рабочей среды определился профиль организационной культуры каждой исследуемой организации. Все организации имеют организационную культуру смешанного типа. Исходя из средних значений, согласно методике OCAI К. Камерона и Р. Куинна, стало ясно, что организационная культура одних организаций имеет выраженные элементы кланового типа, а других — иерархического.

Анализ доминирующего типа организационной культуры по принадлежности к форме собственности показал, что стремление к организационной культуре кланового типа обнаружено у респондентов коммерческих организаций. Сотрудники, оценивающие существующую организационную культуру с большим количеством элементов культуры иерархического типа, относятся к государственным организациям.

Обобщенные профили типов организационной культуры исследуемых государственных и коммерческих организаций отражены на рис. 1 и 2.

Рис. 1. Общий профиль существующего типа организационной культуры всей выборки

Испытуемые коммерческих организаций считают, что внешние стимулы, такие как увеличение материального поощрения за работу, потребность в признании коллег, не соотносятся с элементами кланового типа культуры, о чем говорит отрицательная взаимосвязь ($\chi^2 = -0,28$). Однако они вполне способны быть мотивирующими факторами в условиях адхократического типа культуры ($\chi^2 = 0,29$).

Для испытуемых государственных организаций характерны стремление к интересной работе, увлеченность поисками новых решений в условиях адхократического типа культуры ($\chi^2 = 0,48$). Респонденты считают также, что в условиях данного типа организационной культуры они могут рассчитывать на оценку результатов своего труда в виде повышения заработной платы и в статусе ($\chi^2 = 0,31$). Отрицательная корреляционная связь между показателями в стремлении избежать ответственность и критику при выполнении работы в условиях рыночного типа культуры ($\chi^2 = -0,31$) говорит о том, что респонден-

Рис. 2. Общий профиль предпочтительного типа организационной культуры всей выборки

ты осознают важность добросовестного труда в ситуации конкуренции на рынке.

Данные о корреляционных связях типа организационной культуры с видом мотивации респондентов государственных организаций отражены в табл. 1 и 2.

В результате корреляционного анализа была обнаружена положительная взаимосвязь между внутренними мотивами деятельности респондентов всей выборки в ситуациях, описывающих адхократический тип культуры ($\chi^2 = 0,20$). Можно сделать вывод, что испытуемые в большей степени мотивированы самой деятельностью, сложностью своих задач, при выполнении которых у них возникает желание найти уникальный способ их решения или усовершенствовать значительную часть работы. Испытуемые коммерческих организаций считают, что в ситуациях жесткой конкурентной борьбы, ведущей к лидерству на рынке, невозможно руководствоваться внутренней мотивацией. Это наблюдается в отрицательной взаимосвязи между показателями внутренней мотивации и ситуациями, свойственными рыночному типу

Таблица 1

Результаты корреляционной связи типа организационной культуры с видом мотивации сотрудников государственных организаций (по методике К. Замфир)

Тип организационной культуры/ Вид мотивации	Внутренняя мотивация	Внешняя положительная мотивация	Внешняя отрицательная мотивация
Клановая	Отрицательная $\chi^2 = -,35^*$	-	-
Адхократическая	Положительная $\chi^2 = ,48^*$	Положительная $\chi^2 = ,31^*$	-
Рыночная	-	-	Отрицательная $\chi^2 = -,31^*$
Иерархическая	-	-	-

Условное обозначение: * – $p \leq 0,05$.

Таблица 2

Результаты корреляционных связей типа организационной культуры с видом мотивации респондентов коммерческих организаций (по методике К. Замфир)

Тип организационной культуры/ Вид мотивации	Внутренняя мотивация	Внешняя положительная мотивация	Внешняя отрицательная мотивация
Клановая	-	-	Отрицательная $\chi^2 = -,28^*$
Адхократическая	-	-	Положительная $\chi^2 = ,29^*$
Рыночная	Отрицательная $\chi^2 = -,32^*$	-	-
Иерархическая	-	-	-

Условное обозначение: * – $p \leq 0,05$.

организационной культуры ($\chi^2 = -0,32$). Внешние стимулы, такие как увеличение материального поощрения за работу, потребность в приобретении авторитета среди коллег за счет продвижения по службе, с точки зрения специалистов в области информационных технологий коммерческих организаций, не соотносятся с элементами кланового типа культуры, о чем говорит отрицательная взаимосвязь ($\chi^2 = -0,28$). Однако они вполне способны быть мотивирующими факто-

рами в условиях адхократического типа ($\chi^2 = 0,29$).

Корреляционный анализ с помощью коэффициента Пирсона показал отрицательную связь при выборе испытуемыми группы коммерческих организаций показателя мотивации к достижению успеха как в существующих условиях в присутствии элементов адхократической организационной культуры ($\chi^2 = -0,27$), так и в будущем ($\chi^2 = -0,43$). Сотрудники считают, что в данных условиях легче

избегать неудач, о чем говорит положительная корреляционная связь с фактором мотивации избегания неудач ($\chi^2 = 0,25$). Прямо противоположные взгляды имеют респонденты государственных организаций, которые предполагают, что элементы адхократической культуры будут способствовать достижению успеха ($\chi^2 = 0,31$), а ситуации стресса подействуют отрицательно, что выражает корреляционная связь ($\chi^2 = -0,35$).

Обнаружены различия на уровне статистической тенденции между группами персонала государственных и коммерческих организаций в распределении отве-

тов на вопросы анкеты, касающиеся мотивирующих факторов.

Распределение мотивов сотрудников государственных организаций и коммерческих по результатам анкеты отражено на рис. 3 и 4.

Из диаграмм, изображенных на рис. 3 и 4, видны наиболее значимые мотивы трудовой деятельности, выбранные сотрудниками обеих групп (по 3 из наиболее важных мотивов). Полученные результаты отображены в пропорциональном соотношении друг относительно друга. Примерно одинаковое число сотрудников из обеих групп выбрали мо-

Таблица 3

Корреляционные связи типа организационной культуры с видом мотивации респондентов коммерческих организаций (по методике Т. Элерса)

Тип организационной культуры/ Вид мотивации	Мотивация достижения успеха	Мотивация избегания неудач
Клановая		-
Адхократическая	Отрицательная $\chi^2 = -,27^*$	Положительная $\chi^2 = ,25^*$
Рыночная	-	-
Иерархическая	-	-

Условное обозначение: * – $p \leq 0,05$.

Таблица 4

Корреляционные связи типа организационной культуры с видом мотивации респондентов государственных организаций (по методике Т. Элерса)

Тип организационной культуры/ Вид мотивации	Мотивация достижения успеха	Мотивация избегания неудач
Клановая		-
Адхократическая	Положительная $\chi^2 = ,31^*$	Отрицательная $\chi^2 = -,35^*$
Рыночная	-	-
Иерархическая	-	-

Условное обозначение: * – $p \leq 0,05$.

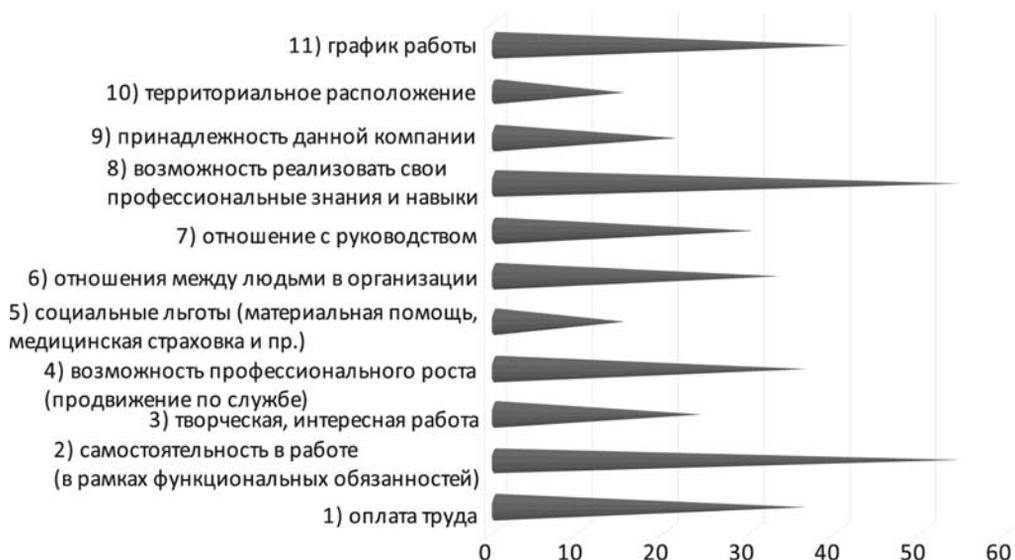

Рис. 3. Мотивы сотрудников государственных организаций

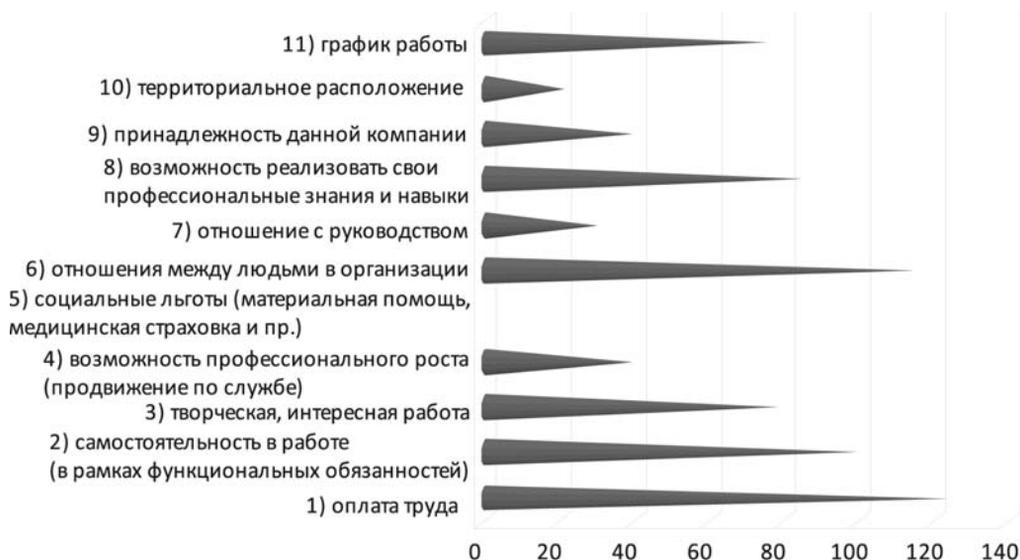

Рис. 4. Мотивы сотрудников коммерческих организаций

тив «самостоятельность в работе» как наиболее приоритетный (15 % и 14 %). Вторым мотивом для большинства сотрудников государственных организа-

ций является «профессиональное развитие» (13 %). Третьим мотивом, наиболее часто выбираемым сотрудниками этой группы, обозначен «график работы»

(12 %). Примерно тот же процент респондентов группы коммерческих организаций (11 %) выбрал этот мотив как важный. Однако наиболее приоритетными мотивами сотрудники данной группы считают мотив оплаты труда и отношения между людьми в организации (17 % и 16 % соответственно). Мотив оплаты труда (10 %), так же как и мотив возможности профессионального роста (10 %), отмечен почти половиной сотрудников государственных организаций. Мотив творческой и интересной работы важен для 7 % сотрудников государственных организаций и 11 % сотрудников коммерческих организаций.

Обобщенные данные отображены в табл. 5.

В результате корреляционного анализа с помощью χ^2 -критерия Пирсона установлены взаимосвязи между ответами о мотивах, которые респонденты давали в анкете, и типами организационной культуры.

Для сотрудников государственных организаций самостоятельность в работе возможна в присутствии элементов существующего кланового типа ($\chi^2 = 0,24$),

а в существующем преобладающем иерархическом типе культуры важным мотивом является удобное территориальное расположение места работы ($\chi^2 = 0,32$). Оплата труда значима при адхократическом типе культуры, о чем говорит положительная корреляция ($\chi^2 = 0,25$). В этом типе организации респонденты не находят возможности самостоятельной работы, о чем свидетельствует отрицательная корреляционная связь ($\chi^2 = -0,23$).

Сотрудники коммерческих организаций считают, что наиболее действующим мотивом работы в существующих условиях преобладающей клановой организационной культуры является самостоятельность в работе (положительная корреляция $\chi^2 = 0,24$ при $p \leq 0,05$).

Связь мотивации и организационной культуры можно обнаружить в определении последней. Под организационной культурой мы понимаем социальное пространство организации, в котором работники осуществляют трудовую деятельность для удовлетворения значимых трудовых мотивов на основе общих норм, идей и ценностей, обуславливаю-

Таблица 5

Распределение мотивов сотрудников государственных и коммерческих организаций

Тип принадлежности	Тип организационной культуры			
	клановая	адхократическая	рыночная	иерархическая
	Мотивы			
Государственные	– Удобное территориальное расположение – Самостоятельность в работе	Оплата труда		Возможность профессионального роста
Коммерческие	– Самостоятельность в работе – График работы			

щих своеобразие системы управления человеческими ресурсами. Обращение к категории ценностей позволяет установить наличие связи концепций организационной культуры и трудовой мотивации.

Сформулированные организацией ценности и ориентации в соответствии со стратегией развития способны оказывать существенное воздействие на персонал. Влияние организационной культуры на трудовую мотивацию работников организации является очень существенным фактором. Культурные ценности организации способны изменять ценности отдельных сотрудников, тем самым направляя их поведение в нужном направлении.

Согласно исследованиям авторов методики OSAI К. Камерона и У. Куинна [5] и американского исследователя организаций Л. Константина [4; 16], сформировавшего свою типологию корпоративной культуры и назвавшего ее концепцией организационных парадигм, в одной организации возможно совмещение элементов нескольких типов культуры. Это может быть связано с определением респондентами разных подразделений организации элементов всех типов организационной культуры, а также со стадиями развития организации, обуславливающими существование бизнеса в условиях внешней среды.

По результатам данного исследования организационная культура каждой обследуемой организации имеет смешанный, «нечистый» тип культуры.

Вопреки теории К. Камерона и Р. Куинна, утверждающей, что для организаций, связанных с разработкой программного обеспечения, характерны элементы культуры адхократического типа, в нашем случае испытуемые находят органи-

зационную культуру своих организаций в большей степени кланового типа, что, однако, не исключает присутствия характерных особенностей адхократического типа культуры. Поскольку в рассматриваемых организациях разработка программного обеспечения ведется в команде, стремление к новаторству зависит от понимания общей идеи коллектива специалистов.

В соответствии с ценностями каждого типа организационной культуры по К. Камерону и Р. Куинну можно предположить характерные для каждого из этих типов трудовые мотивы.

Иерархическая культура опирается на мотивы удовлетворения работников принципами оплаты труда и информированностью о делах организации. Для кланового типа культуры определяющими являются мотивы социального взаимодействия и материальное стимулирование, зависящее от коллективной успешности, а уже потом от индивидуального вклада каждого сотрудника. Для адхократической культуры крайне важны мотивы жизненного самоопределения, связанные с призванием, творчеством, новаторством, самовыражением. Мотивами сотрудников рыночной организационной культуры оказываются соперничество при достижении цели, рыночная и профессиональная мобильность, участие в прибылях организации.

Полученные результаты исследования трудовой мотивации специалистов организаций сферы информационных технологий хорошо согласуются с результатами исследователей (И.И. Родионов, Р.С. Гиляревский, В.А. Цветкова, Г.З. Залаев, 2002), изучающих психологические особенности данной категории специалистов. Они выделили мотивы,

способствующие успешной работе программистов, тестировщиков, инженеров по внедрению и т. п.: мотив творчества; мотив признания; мотив роста и обучения; мотив получения достойного заработка; мотив избегания неудач.

Выводы

Проведенное исследование в целом подтвердило выдвинутое предположение, что каждому типу организационной культуры характерны определенные проявления трудовой мотивации.

1. В процессе определения типа организационной культуры обнаружилось разделение исследуемых организаций на две группы: государственные и коммерческие. В организациях первой группы преобладают элементы иерархического типа организационной культуры. В организациях второй группы организационную культуру можно отнести к клановому типу.

2. Выявлены характерные трудовые мотивы у специалистов сферы информа-

ционных технологий: самостоятельность в работе в процессе разработки программного обеспечения, обусловленная интересом к этому виду деятельности; стремление к профессиональному росту и достижению результатов; достойное материальное вознаграждение.

3. Определены различия в трудовой мотивации специалистов сферы информационных технологий государственных и коммерческих организаций.

Для сотрудников государственных организаций сферы информационных технологий, имеющих организационную культуру преимущественно иерархического и адхократического типов, свойственны внутренняя мотивация (интерес к процессу трудовой деятельности и ответственность за результаты работы) и мотивация к достижению успеха.

Сотрудникам коммерческих организаций, имеющих организационную культуру преимущественно кланового типа, свойственны внешняя положительная трудовая мотивация (уровень заработной платы и уважение со стороны коллег) и мотивация избегания неудач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алдашева А.А., Мельникова Н.Г. Особенности профессионального отношения сотрудников к деятельности и организации (на материале специалистов в банковской сфере) // Социальная психология и общество. 2014. № 2.
2. Грачев А.А. Психологическое проектирование производственных организаций. СПб., 2008.
3. Занковский А.Н. Организационная психология: Учебное пособие для вузов по специальности «Организационная психология». М., 2002.
4. Замфир К. Удовлетворенность трудом: Мнение социолога. М., 1983.
5. Константин Л. Человеческий фактор в программировании. СПб., 2004.
6. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб., 2001.
7. Макаренченко М.А. Исследование организационной культуры Санкт-петербургских предприятий // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Сер. 8. Вып. 3 (№ 24).

8. *Машков В.Н.* Практика психологического обеспечения руководства, управления, менеджмента. СПб., 2005.
9. *Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М., 1992.
10. *Озерникова Т.Г.* Методика диагностики трудовой мотивации персонала организации // Мотивация и оплата труда. 2007.
11. *Родионов И.И., Гиляревский Р.С., Цветкова В.А., Залаев Г.З.* Рынок информационных услуг и продуктов. М., 2002.
12. *Соломанидина Т.О.* Организационная культура компании. М., 2003.
13. *Хахалин А.В.* Мотивация персонала компьютерных проектных организаций: Дисс. ... канд. социол. наук. М., 2005.
14. *Чанько А.Д.* Опыт диагностики организационной культуры российских компаний // Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3. № 4.
15. *Amabile T., Steve J. Kramer.* «What Really Motivates Workers» Harvard Business Review. 2010. № 1.
16. *Brooks F.P.* The mythical man-month (Essays on software engineering). Addison – Wesley Publishing Company Reading Inc. Philippines, 1975.
17. *Constantin L.L.* Fitting intervention to organizational Paradigm // Organization Development Journal. 1991. Vol. 9 (2).
18. *Deci E.L., Ryan R.M.* Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. N.Y., 1985.
19. *Hackman J.R., Oldham G.R.* Motivation through the design of work. 1976. Vol.16.
20. *Weinberg G.M.* The psychology of computer programming: Silver Anniverary Edition, Dorser House, 1998.

Employee Motivation in IT Specialists in the Context of a Dominating Type of Organizational Structure

M.E. OPARINA

degree seeking applicant at the Department of Organizational Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia; senior HR manager at GS Group

This paper studies the connection between employee motivation and organizational structure within IT organisations based on Cameron and Quinn's typology. The example of 16 organizations operating in the field of software development and deployment has revealed that they share in common a mixed type of organizational structure, with clan and hierarchical types dominating over others. The type of organizational structure that is characterised by a number of specific values promotes demonstration and implementation of motives in the work activities of IT specialists (n=357): their interest in the process of software development, aspiration for professional growth and decent remuneration. The dominant type of organizational structure in an IT organisation depends on whether it is a state-owned or a commercial entity. Internal employee motivation (interest in the process of work activities and responsibility for the outputs of the work) and motivation to achieve success are observed in those employed with state-owned IT organizations, where the culture is predominantly hierarchical and adhocratic. External positive employee motivation (salary level and peer respect) and motivation to avoid failures are characteristic of those employed in commercial organizations, most of which are of the clan type.

Keywords: *motives for IT specialists, internal and external employee motivation, organizational structure types, state-owned and commercial organizations.*

REFERENCES

1. Aldasheva A.A., Mel'nikova N.G. Osobennosti professional'nogo otnosheniya sotrudnikov k deyatel'nosti i organizacii (na materiale specialistov v bankovskoi sfere) // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2014. № 2.
2. Grachev A.A. Psihologicheskoe proektirovanie proizvodstvennyh organizacii. SPb., 2008.
3. Zankovskii A.N. Organizacionnaya psihologiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov po special'nosti "Organizacionnaya psihologiya". M., 2002.
4. Zamfir K. Udovletvorennost' trudom: Mnenie sociologa. M., 1983.
5. Konstantin L. Chelovecheskii faktor v programmirovanii. SPb., 2004.
6. Kameron K., Kuinn R. Diagnostika i izmenenie organizacionnoi kul'tury. SPb., 2001.
7. Makarchenko M.A. Issledovanie organizacionnoi kul'tury sankt-peterburgskih pred-priyatiy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2004. Ser. 8. Vyp. 3 (№ 24).
8. Mashkov V.N. Praktika psihologicheskogo obespecheniya rukovodstva, upravleniya, menedzhmenta. SPb., 2005.

9. Meskon M., Al'bert M., Hedouri F. Osnovy menedzhmenta. M., 1992.
10. Ozernikova T.G. Metodika diagnostiki trudovoi motivacii personala organizacii // Motivaciya i oplata truda. 2007.
11. Rodionov I.I., Gilyarevskii R.S., Cvetkova V.A., Zalaev G.Z. Rynok informacionnyh uslug i produktov. M., 2002.
12. Solomanidina T.O. Organizacionnaya kul'tura kompanii. M., 2003.
13. Hahalin A.V. Motivaciya personala komp'yuternyh proektnyh organizacii: Diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2005.
14. Chan'ko A.D. Opyt diagnostiki organizacionnoi kul'tury rossiiskih kompanii // Rossiiskii zhurnal menedzhmenta. 2005. T. 3. № 4.
15. Amabile T., Steve J. Kramer. "What Really Motivates Workers" Harvard Business Review. 2010. № 1.
16. Brooks F.P. The mythical man-month (Essays on software engineering). Addison – Wesley Publishing Company Reading Inc. Philippines, 1975.
17. Constantin L.L. Fitting intervention to organizational Paradigm // Organization Development Journal. 1991. Vol. 9 (2).
18. Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. N.Y., 1985.
19. Hackman J.R., Oldham G.R. Motivation through the design of work. 1976. Vol. 16.
20. Weinberg G.M. The psychology of computer programming: Silver Anniverary Edition, Dorser House, 1998.

Психологические особенности межэтнических отношений в Сербии

Е. ЖИВКОВИЧ

*аспирантка кафедры социальной педагогики и психологии
Московского педагогического государственного университета*

В статье на основе анализа как российской, так и зарубежной психологической литературы рассматривается проблема формирования и развития межэтнических отношений в Сербии. Исследовательский интерес обусловлен противоречивостью взаимодействий различных этносов бывшей Югославии, проживающих на территории Сербии. Анализ исследований по данной проблематике в сербской науке позволил выделить два основных фактора, определяющих межэтнические отношения в Сербии, — этнорелигиозная идентичность и межэтнические установки. Показано, что данные факторы значимо влияют на межэтнические отношения людей как на групповом, так и на индивидуальном уровнях, а их внутреннее содержание находится под влиянием множественных этнических, религиозных и культурных феноменов.

Ключевые слова: *межэтнические отношения, этнорелигиозная идентичность, межэтнические установки, толерантность, культура, Сербия.*

В настоящее время проблема межэтнических отношений в современном обществе является одной из самых противоречивых и самых актуальных. Повышенный интерес к этой области человеческих отношений обусловлен, прежде всего, резким ростом роли этничности и национальности в самосознании людей.

В конце XIX века в рамках некоторых философских концепций, в частности марксизма, существовала идея, согласно которой роль этничности в обществе постепенно снизится и со временем различия между этносами и конкретными представителями этнических общностей постепенно исчезнут [6]. Но исторические и политические процессы, которые произошли во всем мире, не подтвердили эти предположения. Политические и экономические события последних лет в Сер-

бии и на всей территории Балкан показали противоречивый характер межэтнических отношений и всевозможные его варианты: от отношений близости, дружбы, сотрудничества и принятия до напряженного конфликта, дискриминации, этнической неприязни и общей интолерантности.

Такие противоположные тенденции в развитии межэтнических отношений отмечал, в частности, Д.М. Фельдман [13]. Первая — это глобализация как процесс становления единственного целостного мироздания на основе идеи интернационализма, а вторая — фрагментация общества в новые формы независимых государств, национальных общностей, движений.

Данные тенденции наблюдаются на современном этапе развития межэтнических отношений в Сербии. С одной стороны, Сербия как современное общество

движется в сторону нового мирового порядка — к глобализации, модернизации, расширению толерантности. С другой стороны, под действием политической элиты Сербия настаивает на этнокультурном различии между народами, на сохранении традиции, религии и исторических корней. Такое положение наблюдается и в истории, когда различные тенденции в развитии межэтнических отношений периодически сменяются. После длительного периода совместного проживания южных славян создаются первые балканские государства, затем формируется единое Югославское государство, а в дальнейшем заново происходит разделение на независимые республики. На сегодняшний день продолжается дробление на все более мелкие области и регионы со специфическими этнокультурными особенностями и языковыми отличиями.

В данном контексте уместно вспомнить слова Л. Росса и Р. Нисбетта, которые говорили, что к концу XX века мы можем наблюдать два явления. Первое демонстрирует сближение политических и экономических систем многих развитых стран, в то время как второе отражает все большее укрепление межэтнических границ между странами и внутри них [9].

Описанные выше тенденции можно было наблюдать на переходе из XX в XXI век, когда произошло усиление этнического самосознания у многих этносов, что обусловило множество повторяемых конфликтов и военных действий на этнонациональной основе. Данные факты отмечены во многих современных исследованиях как российских [1; 4; 7; 10; 11; 16], так и зарубежных авторов [19; 25; 34; 35; 38].

Эти события отразились и в многонациональной Сербии, для которой данный период характеризуется бурным ростом

этнического сознания у большинства этносов, проживающих на ее территории. Вместе с резкой трансформацией общества в политической, экономической и социальной сферах возникли изменения и в межэтнических отношениях как в Сербии, так и во всех других регионах бывшей Югославии. Последствиями таких резких изменений стали межэтнические конфликты, военные столкновения, массовая миграция населения, что в целом обусловило появление новых проблем межэтнического характера.

Современная Сербия является мультиэтнической страной, в которой проживает больше 27 национальных меньшинств преимущественно из соседних республик [33]. Проблемы, связанные с процессом формирования гармоничных межнациональных отношений, чрезвычайно актуальны в современной Сербии. Но прежде чем выявить их специфику, следует определить, что мы понимаем под понятием «межэтнические отношения».

Проблема межэтнических отношений в российской психологии обозначалась разными терминами: «межгрупповые отношения» [11; 16], «межгрупповое взаимодействие» [1], «межнациональные отношения» [4], «межэтническое восприятие» [8], «межгрупповое общение» [7] и т. д. В зарубежной психологии использовались термины «межэтнические отношения» [38] и «межэтническое поведение» [34].

В процессе дальнейшего обсуждения будем пользоваться термином «межэтнические отношения», подразумевая под этим субъективно переживаемые отношения, т. е. осознанные, эмоционально окрашенные оценки и представления по поводу определенной этнической группы или отдельных ее представителей

[11]. Таким образом, этническая группа — это коллективный субъект [16], имеющий согласованные представления по отношению к другим представителям межэтнического взаимодействия.

Межгрупповые отношения отражают не только отношение между группами, но и отношение к группам как особое представление о «других» [11]. Межэтнические отношения включены в понятие межгрупповых отношений, сохраняя при этом специфические особенности, свойственные только им. Межэтнические отношения предшествуют конкретному межгрупповому взаимодействию, которое отражает наблюдаемую сторону межгрупповых отношений. Но, с другой стороны, оно не включает множество внутренних психологических процессов и явлений, непосредственно не наблюдаемых, но играющих ключевую роль в межгрупповых (межэтнических) отношениях [11].

В сербском научном сообществе проблемой межэтнических отношений и конкретными взаимодействиями между балканскими народами занимались многие авторы [20; 25; 26; 27; 29; 31; 33; 37]. Преимущественно проводились исследования таких этнических феноменов, как этническая идентичность, национализм, социальная дистанция, этнические стереотипы и установки, религиозность, межэтническая толерантность и т. д. Через призму этих явлений рассматривались межэтнические отношения и возможные последствия дальнейшего взаимодействия этносов как внутри сербского общества, так и на территории всего Балканского полуострова. Исследования проводились и на территории остальных республик [39].

Сербские ученые не раз повторяли, что формирование и развитие межэтнических

отношений представляет собой чрезвычайно сложный процесс, который зависит от множества различных причин как индивидуального порядка (характеристики личности, особенности воспитания, стиль общения, уровень толерантности), так и группового (особенности этнической идентичности, степень религиозности этноса, групповые нормы и ценности, традиции и культура взаимодействия).

В российских и зарубежных исследованиях [4; 11; 19; 21] также было показано, что характер межэтнических отношений находится под влиянием множественных факторов социальной среды, таких как длительность взаимодействия этносов, особенности взаимодействия на данный момент, степень близости, частота контактов, территориальное положение, историческое прошлое, экономическая и политическая обстановка в стране, соотношение социальных статусов этносов, социально-культурные условия жизни, толерантность в общении и взаимодействии.

Различное соотношение данных факторов порождает совершенно разные виды межэтнических отношений: дружба, нейтралитет, конфликт [11]; воздействие, содействие, противодействие [1]; симпатия, безразличие, антипатия, по Л.Н. Гумилеву (см. по: [2]); адаптация и конфликт, по Дж. Де Вос (см. по: [2]). По схожему принципу строили свою классификацию С. Бочнер [21], а потом Дж. Берри [19], которые выделили стратегии межкультурного взаимодействия: интеграция, ассимиляция, маргинализация, сегрегация, геноцид. Данная классификация применима для анализа межэтнических отношений в Сербии, так как отражает ту сложную картину межэтнических связей и представлений, которые сегодня мы можем наблюдать

в сербском обществе и во всех бывших республиках Югославии.

Эмпирические исследования неоднократно показали, что отношения между различными группами, в том числе и этническими, могут появиться и без непосредственного реального взаимодействия между ними. Большую роль в формировании такого рода отношений играют средства массовой информации, через которые у индивида формируется особое, порой бессознательное представление о других народах, на основе которого развиваются различные виды отношений.

На базе проведенного анализа многочисленных источников по проблеме межэтнических отношений в Сербии мы обнаружили, что в основе все еще присущих противоречий в этих отношениях лежат два основных фактора. **Первый** — это своеобразный характер этнического самосознания, который выражается в специфической для сербов этнорелигиозной идентичности. В процессе межгруппового взаимодействия поведение индивидов направляется их социальными (этническими) идентичностями [38]. Под социальной идентичностью, вслед за Г. Тэджфелом, мы понимаем такую часть самосознания индивида, которая формируется на основе осознания его собственной принадлежности к определенной социальной группе и которая содержит определенное оценочное и эмоциональное отношение к своему членству в этой группе [38].

С этим определением согласны многие российские авторы, рассматривающие этническую идентичность как подвид социальной идентичности, т. е. как результат когнитивного и эмоционального процесса осознания индивидом себя как представителя определенной эт-

нической группы [4; 11; 15; 17], а также как реальное проживание индивида в качестве члена этой этнической группы, которое направляет его поведение в соответствии с принятым в данной группе образом жизни [8; 12; 15].

Вслед за Г.У. Солдатовой мы рассматриваем этническую идентичность и вместе с ней феномен этничности как ядро этнического самосознания народа, которое является одной из важнейших основ взаимодействий внутри и между группами (этносомами), а также является сферой, через которую человек воспринимает и переживает весь окружающий его мир [10].

Особенность этнической идентичности в Сербии заключается в том, что этническое самосознание сербов определялось и определяется православием как его сущностью. Основа сербской идентичности заложена в ходе формирования первого сербского государства, которое за всю свою историю развивало идею, что единственная вера между сербами может быть только православная, что в дальнейшем привело к тому, что вера и этничность слились в одно понятие. Об этой специфике этнической идентичности сербов и других балканских народов указывали многие сербские и зарубежные авторы [3; 14; 20; 23; 24; 25; 27; 36; 37].

Данное теоретическое положение подтверждено многочисленными исследованиями на территории всей бывшей Югославии [23; 29; 30; 32; 33]. Во всех исследованиях четко прослеживается влияние религиозности и традиционных ценностей на формирование и сохранение этнической идентичности сербов. Как известно, принадлежность человека к этносу не определяется его биологической наследственностью, а осознанным

приобщением к ценностям культуры и святыням этого народа [5; 9].

Такой вид идентичности этноса, который в дальнейшем будем называть «этнорелигиозной» идентичностью, сыграл огромную роль в межэтнических отношениях сербов и соседних народов. Он обусловил деление народов, усугубление этнических различий и привел к этнорелигиозной нетерпимости, несмотря на большую культурную и традиционную схожесть балканских этносов.

Истоки этих запутанных отношений лежат в исторических и политических событиях последних лет, в напряженных политических событиях при распаде единого государства, массовых миграциях населения, последствиях националистической политики. Эти события, однако, являются только фоном, на котором происходили глубокие изменения в сознании сербов и окружающих его народов. В основе острых военных конфликтов лежали реальные политические и социально-экономические проблемы. Политические манипуляции и давление со стороны СМИ привели к тому, что у людей возникло представление, что причиной конфликта является межэтническая нетерпимость со стороны «другого», в основе которой лежит угроза этнической идентичности и свободы вероисповедания [20; 23; 25; 26; 33; 39].

В данной критической ситуации произошёл резкий рост этничности, религиозности и вместе с ними национализма и дискриминации, что объясняется общим кризисом идентичности. Этот кризис начался после краха коммунистической системы ценностей, которая долгое время обеспечивала единство и сплоченность людей в мультиэтнической и мультиконфессиональной Югославии [30; 33]. Идея

формирования единого югославского народа в рамках теории об интегральном «югославстве» не позволяла какое-либо этническое или религиозное самоопределение, что привело к нивелированию существенных этнических особенностей народов бывшей Югославии [20; 23].

Зарубежные и российские авторы предупреждали [7; 15], что в случае утраты определенности своей групповой идентичности любая этническая группа будет ощущать значимые последствия этого в современном сложном мире: утрата себя, своей самобытности, утрата собственного способа организации мира, уникального способа жизни и деятельности. В таком случае индивиды начнут стремиться к тому, чтобы заново обрести ясность, определенность, осознанность своей групповой (этнической) идентичности.

В случае Сербии новая идентичность должна была обеспечить интеграцию каждого балканского народа на своей исторической территории при сохранении уникальности в культуре и языке. Предполагается, важен не просто сам факт собственной уникальности, а чувство безопасности [38] и, соответственно, отсутствие какой-либо угрозы [35]. Если у этноса существует беспокойство по поводу собственной безопасности, он, возможно, будет стремиться к восстановлению своей уникальности в межгрупповой борьбе.

Приобретение новой или восстановление старой этнической идентичности имеет свои последствия на осуществление межличностного контакта с представителями различных этносов. В теории контакта показано, что при благоприятных условиях межэтнические контакты личностного уровня ведут к снижению дискриминации и враждебности между этносами [35]. С другой стороны, если данные

межличностные контакты происходят в то время, когда этнические группы находятся в конфликте, это выражается в крайне негативном межличностном взаимоотношении, особенно — у молодого поколения, бурно реагирующего на общественные изменения и подверженного влиянию националистических движений.

В данном контексте встает вопрос об определении целей воспитания этнорелигиозных ценностей у подрастающего поколения как в семье, так и в образовательных учреждениях. Неопределенность семейного воспитания традиционных и общечеловеческих ценностей является одной из самых проблемных вопросов в процессе развития толерантной личности, так как его сложно контролировать и направлять в желаемое русло. Несмотря на сложность задачи, развитие этнически толерантной личности [7] особо актуально в сербском обществе.

Согласно российским авторам, этническая толерантность характеризуется наличием позитивного образа представителей другой культуры, но при этом обязательно с сохранением позитивного образа собственной культуры [7; 8; 19]. Оптимальному уровню толерантности в межэтнических отношениях соответствует не только позитивная, но и сформированная идентичность индивидов по отношению к своей этнической группе, т. е. она должна обладать высоким уровнем определенности [8; 12]. Ее усиление может привести к повторным конфликтам между взаимодействующими этносами, что мы и увидели на примере Сербии, а с другой стороны, ее отсутствие «задает» негативные последствия развития целостности личности.

В рамках изучения межгруппового поведения [34] показано, что ситуация

может управлять процессом идентификации индивида с группой и что наиболее сильное действие оказывают такие ситуации взаимодействия, как межгрупповые конфликты и соревнования между группами.

Предупредить либо снизить уже возникший межгрупповой конфликт возможно путем уменьшения дифференцирующих признаков между группами или формированием «надгрупповой» идентичности [38]. В контексте Сербии это означает, что представители рассматриваемых нами этносов должны либо акцентировать внимание на схожих характеристиках (этнических, культурных), либо стремиться к отождествлению себя, прежде всего, как члена мирового сообщества («Я как человек мира»), а только потом как представителя определенного этноса.

Сербские исследователи предупреждают, что на данный момент в Сербии стоит открытый вопрос интолерантных межэтнических отношений и их профилактики [20; 23; 27]. Относительно спокойная политическая ситуация не привела к снижению дискриминации и урегулированию межэтнических отношений внутри государства, так как ряд этносов не могут простить друг друга за трагедии прошлого. В памяти балканских народов заложены различные виды взаимодействий: сотрудничество, аккультурация и ассимиляция во время единого государства; сегрегация, дискриминация и даже геноцид, который, к сожалению, произошел во время войны. У людей осталось понимание, что один народ должен иметь одну религию [23; 26; 33; 37], на основе чего создаются новые этнорелигиозные группы и всеобщая путаница в этнической идентичности на Балканах.

Выявленные особенности этнорелигиозной идентичности отражаются на межэтнических отношениях через религиозно окрашенные этнические установки по отношению к соседним этносам. Они приобрели скрытые формы выражения, что осложняет их исследование и профилактику.

Вторым фактором в формировании особенностей межэтнических отношений в Сербии являются межэтнические установки как особый вид социальных установок, вырабатываемых этносом в ходе исторического развития и обусловленных индивидуальным опытом и воспитанием. Вслед за Г. Олпортом [18], под социальной установкой (аттitudом) мы понимаем определенное состояние сознания, выраженное в готовности к реакции, организованное на основе прошлого опыта и направленное на урегулирование поведения индивида в социальной среде.

Проблема социальной установки (аттitudа) достаточно хорошо разработана зарубежными (А. Бандура, М. Кун, К. Лоренц, Дж. Миллер, Т. Ньюком, З. Фрейд, Т. Шибутани) и российскими учеными (А.Г. Асмолов, Н.М. Лебедева, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, В.Н. Павленко, Д.Н. Узнадзе, В.А. Ядов) [2].

Так как основная функция социальной установки лежит в регуляции поведения индивида, можно считать, что совокупность различных межэтнических установок индивидуального порядка является психологическим ядром межэтнических отношений. Это ядро содержит этноустановочные феномены с аффективной и регуляторной функцией, которые выступают как своеобразная predisposition, т. е. могут реализоваться в реальных межэтнических взаимодействиях. Они выражают позитивное или

негативное отношение к представителям определенных этнических групп в разных сферах жизнедеятельности и на всех уровнях отношений — от отношений на уровне этнической группы до личного общения с отдельными носителями этнокультурного самосознания определенного этноса.

Многие авторы включили систему межэтнических установок в основу межэтнических отношений и взаимодействий представителей различных этносов [7; 19; 22; 28]. В этом смысле этнические установки представляют собой готовность индивида или группы воспринимать феномены этнической жизни и межэтнических отношений и действовать на основе этого в ситуации конкретного межэтнического взаимодействия. Эта специфическая готовность к определенным отношениям с представителями другой национальности рассматривается нами как внутренняя позиция индивида по отношению не только к другому этносу как одному из объектов социальной среды, но и к социальному окружению в целом.

Практически все авторы согласны с тем, что в случаях когда этносы находились в отношениях сотрудничества и взаимопомощи, они вырабатывали более или менее позитивную установку друг к другу, которая подразумевала толерантное и терпимое отношение ко всем существующим различиям. С другой стороны, когда между этносами наблюдались отношения дистанции, они не выражали сильную враждебность, но и не демонстрировали особую симпатию. Различные виды неприязни, отчуждения или вражды, несомненно, приводят к предрасудочному отношению и восприятию другого этноса как негативного и даже угро-

жающего, особенно если данные этносы тесно взаимодействуют.

Для возникновения интолерантных установок и предубеждений не всегда обязательно наличие реального конфликта. Межэтническая напряженность и негативное отношение к представителям другого этноса могут быть обусловлены наличием конфликтов в прошлом, неопределенной и негативной этнической идентичностью, соотношением их социальных статусов, низким уровнем знаний о представителях другой группы, субъективно воспринимаемой угрозой со стороны этого этноса [35]. Восприятие угрозы или дискриминации со стороны другого этноса может привести к негативным этническим установкам, стереотипам, предубеждениям и негативной этнической идентичности [7; 17].

Самые большие трудности возникают на основе исторически сложившихся противоречий различного характера — этнорелигиозного, социокультурного, политического и др. Если к этим обстоятельствам прибавить ситуацию государственной нестабильности, жестокой войны, кризиса идентичности и потери смысла жизни, становится очевидным, насколько сильны межэтнические установки в разрывании реальных межэтнических конфликтов.

Таким образом, мы выделили две сферы явлений, через которую следует рассматривать этнические отношения в Сербии. Несмотря на накопленные знания по поводу формирования толерантных межэтнических отношений, до сих пор остается открытым вопрос о решении «старого конфликта» в «новой истории» Сербии.

Мультиэтническое сербское общество остается с нерешенными проблемами

территориальных претензий, вопросов сохранения своей этнической идентичности и уникальной культуры, с противоречивостью в понимании феноменов этнического и религиозного и их переоценкой в повседневной жизни людей. Несмотря на то что в литературе достаточно хорошо описано влияние этнорелигиозной идентичности на различные проявления межэтнических отношений, еще не выявлена внутренняя специфика религиозной составляющей этнической идентичности и ее связь с культурными феноменами.

Данные проблемы особенно ярко отражаются в межэтнических установках, так как они являются основой этнической идентичности и межэтнических отношений. Роль, влияние и значение межэтнической установки в этнокультурных контактах остаются одной из малоизученных проблем в Сербии. Авторы, занимающиеся социально-психологическими исследованиями в русле межэтнических отношений, зачастую склоняются к изучению этнических стереотипов и предубеждений как негативных проявлений межэтнических установок. В научной литературе полагается, что негативно окрашенные межэтнические установки сильнее влияют на поведение людей, находящихся в межэтнических контактах, и что их изменение является достаточно сложным. Несмотря на это положение, мы считаем, что нельзя упускать из виду влияние положительных установок на развитие личности и ее взаимоотношений.

Раз установлено, что установки формируются путем социализации и воспитания, то на них возможно повлиять. Поэтому в процессе социализации подрастающего поколения следует принять

особые меры для формирования адекватных межэтнических установок или по возможности заменить существующие негативные установки новыми, более толерантными. Под этнической толерантностью мы понимаем установку на межкультурное (межэтническое) равенство идентичностей «мы» — «они», терпимость к иной культуре, ценностям, способам мировосприятия.

Для мультиэтнической среды, примером которой является сербское общество,

развитие толерантных межэтнических отношений, основанных на позитивной этнорелигиозной идентичности и толерантных межэтнических установках, является средством снижения межэтнической напряженности и предотвращения возможных конфликтов в будущем. Только работа всех структур современного сербского общества может обеспечить решение столь сложной задачи и способствовать взаимному приближению раньше откровенно близких этносов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.
2. *Гуриева С.Д.* Установка и формирование системы межэтнических отношений // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (1).
3. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. М., 1996.
4. *Дробижева Л.М.* Социально-культурная дистанция как фактор межэтнических отношений // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкотта, В.А. Тишкова, М.А. Малашенко. М., 1997.
5. *Звонова Е.В., Звонов И.Н.* Исследование религиозности и мистицизма в культурно-исторической концепции // Философия и методология истории. Сборник научных статей III Всероссийской научной конференции. Коломна, 2009.
6. *Зенченко О.В., Савва М.В.* Межнациональные отношения и становление гражданского общества на Юге России. Краснодар, 2002.
7. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
8. *Павленко В.Н., Таглин С.А.* Общая и прикладная этнопсихология. М., 2004.
9. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М., 1999.
10. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
11. *Стефаненко Т.М.* Этнопсихология. М., 1999.
12. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Психология межэтнических отношений: этническая идентичность и стратегии межкультурного взаимодействия. Saarbrücken, 2010.
13. *Фельдман Д.М.* Закономерности и тенденции в развитии международных отношений // Введение в социологию международных отношений: Учебное пособие. М., 1992.
14. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
15. *Хотиниц В.Ю.* Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург, 2002.
16. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология. М., 2000.
17. *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию. СПб., 1996.
18. *Allport G.W.* Attitudes // Murchison C. Handbook of social psychology. Worcester, 1935.

19. *Berry J.W.* Acculturative Stress // *Psychology and Culture* / Ed. by. W.J. Lonner, R.S. Malpass. Boston, 1994.
20. *Biro M., Milin P.* Traumatic experience and the process of reconciliation. *Psihologija*, 2005. Vol. 38. № 2. doi:10.2298/PSI0502133B
21. *Bochner S.* The social psychology of cross-cultural relations // *Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction*. Oxford, 1982.
22. *Bogardus E.S.* Measurement of Personal-Group Relations. *Sociometry*, 1947. Vol. 10. № 4.
23. *Dordevic D.* Religije i veroispovesti nacionalnih manjina u Srbiji. *Sociologija*, 2005. Vol. 47. №. 3. doi:10.2298/SOC0503193D
24. *Hobsbawm E.* Nations and Nationalism Since 1780: programme, myth, reality. Cambridge University Press, 1990.
25. *Kuzmanovic B.* Socijalna distanca prema pojedinim nacijama (etnička distanca) // u: *Lazic M.: Razaranje drustva: jugoslovensko drustvo u krizis 90-tih*. Beograd, 1994.
26. *Mihailovic S.* Predstave o nacionalnim manjinama u javnom mnjenju Srbije. // *Polozaj manjina u Saveznoj Republici Jugoslaviji*. Beograd, 1996.
27. *Milosevic Dordevic J.* Primordialistic concept of national identity in Serbia. *Psihologija*, 2007. Vol. 40. № 3. doi:10.2298/PSI0703385M
28. *Moghaddam F.M.* Individualistic and collective integration strategies among immigrations: Toward a mobility model of cultural integration // *Ethnic Psychology: Research and Practice with Immigrants, Refugees, Native Peoples, Ethnic groups and Sojourners*. Amsterdam, 1988.
29. *Pantic D.* Nacionalna distanca gradana Jugoslavije // u: *Bacevic Lj. i dr., Jugoslavija na kriznoj prekretnici*. Beograd, 1991.
30. *Pantic D.* Promene religioznosti gradana Srbije. *Socioloski pregled*, 1993. № 1–4.
31. *Petrovic N.* Medusobni stereotipi Hrvata, Bosnjaka i Srba u svetlu dvofaktorske teorije predrasuda. Beograd, 2003. Vol. 45. № 1. doi:10.2298/SOC0301015P
32. *Radisavljevic-Ciparizovic D.* Vezanost ljudi za religiju i crkvu u Srbiji krajem devedesetih: Vere manjina i manjinske vere. Nis: JUNIR godisnjak VIII, 2001. Vol. 25. № 1–4.
33. *Raduski N.* Znacaj manjinskog pitanja u visenacionalnoj Srbiji. // u: *Lj. Mitrovic (pri.) Savremeni Balkan u kontekstu geokulture razvoja, kulture, mira i evrointegracijskih procesa*. Nis, 2005.
34. *Sherif M.* Group conflict and cooperation: their social psychology. London, 1966.
35. *Stephan W.G.* The contact hypotheses in intergroup relations // *Group processes and intergroup relations* / Ed. by. C. Hendrick. Review of personality and social psychology. Vol. 9. Newbury Park CA, 1987.
36. *Stojkovic B.* Sukob identiteta: Religijsko i nacionalno kao izvor i povod ratnih konflikata. Zbornik radova Religija-rat-mir. Nis, 1994.
37. *Subotic M.* Srpski nacionalni identitet: istorijski i savremeni izazovi. Beograd, 2011. Vol. 10. Br. 3.
38. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations* / Ed. by. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago, 1986.
39. *Turjacinin V.* Etnicke distance i etnicki stereotipi studenata psihologije u Banjaluci i Sarajevu // *Empirijska istrazivanja u psihologiji (VIII)*. Beograd, 2002. № 2.

Psychological Characteristics of Interethnic Relations in Serbia

J. ZIVKOVIC

PhD student at the Social Pedagogy and Psychology Chair, Faculty of Pedagogy and Psychology, Moscow State Pedagogical University

In this article we analyze the problem of interethnic relations in Serbia. The research interest stems from the contradictory interactions of various ethnic groups living on the territory of Serbia, most of whom are members of the former Yugoslav republics. Analysis of Serbian studies on this subject allowed us to identify the following two main factors that determine interethnic relations in Serbia: ethno-religious identity and interethnic attitudes. These factors affect interethnic relations both at group and individual levels, and their inner contents are shaped by multiple ethnic, culture and religious phenomena.

Keywords: *interethnic relations, ethno-religious identity, social attitudes, tolerance, culture, Serbia.*

REFERENCES

1. Ageev B.C. Mezhruppovoe vzaimodeistvie: social'no-psihologicheskie problemy. M., 1990.
2. Gurieva S.D. Ustanovka i formirovanie sistemy mezhetnicheskikh otnoshenii // Vestnik nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2009. № 6 (1).
3. Diligenskii G.G. Social'no-politicheskaya psihologiya. M., 1996.
4. Drobizheva L.M. Social'no-kul'turnaya distantsiya kak faktor mezhetnicheskikh otnoshenii // Identichnost' i konflikt v postsovetских gosudarstvakh / Pod red. M.B. Olkotta, V.A. Tishkova, M.A. Malashenko. M., 1997.
5. Zvonova E.V., Zvonov I.N. Issledovanie religioznosti i misticizma v kul'turno-istoricheskoi koncepcii // Filosofiya i metodologiya istorii. Sbornik nauchnykh statei III Vserossiiskoi nauchnoi konferencii. Kolomna, 2009.
6. Zenchenko O.V., Savva M.V. Mezhnacional'nye otnosheniya i stanovlenie grazhdanskogo obshestva na Yuge Rossii. Krasnodar, 2002.
7. Lebedeva N.M. Vvedenie v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psihologiyu. M., 1999.
8. Pavlenko V.N., Taglin S.A. Obshaya i prikladnaya etnopsihologiya. M., 2004.
9. Ross L., Nisbett R. Chelovek i situatsiya. Perspektivy social'noi psihologii. M., 1999.
10. Soldatova G.U. Psihologiya mezhetnicheskoi napryazhennosti. M., 1998.
11. Stefanenko T.M. Etnopsihologiya. M., 1999.
12. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Psihologiya mezhetnicheskikh otnoshenii: etnicheskaya identichnost' i strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya. Saarbrucken, 2010.
13. Fel'dman D.M. Zakonomernosti i tendencii v razvitii mezhdunarodnykh otnoshenii // Vvedenie v sociologiyu mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie. M., 1992.
14. Hantington S. Stolknovenie civilizatsii. M., 2003.
15. Hotinec V.Yu. Etnicheskaya identichnost' i tolerantnost'. Ekaterinburg, 2002.
16. Shihirev P.N. Sovremennaya social'naya psihologiya. M., 2000.
17. Shpet G.G. Vvedenie v etnicheskuyu psihologiyu. SPb., 1996.

18. *Alport G.W.* Attitudes // Murchison C. Handbook of social psychology. Worcester, 1935.
19. *Berry J.W.* Acculturative Stress // Psychology and Culture / Ed. by. W.J. Lonner, R.S. Malpass. Boston, 1994.
20. *Biro M., Milin P.* Traumatic experience and the process of reconciliation. Psihologija, 2005. Vol. 38. № 2. doi:10.2298/PSI0502133B
21. *Bochner S.* The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction. Oxford, 1982.
22. *Bogardus E.S.* Measurement of Personal-Group Relations. Sociometry, 1947. Vol. 10. № 4.
23. *Dordevic D.* Religije i veroispovesti nacionalnih manjina u Srbiji. Sociologija, 2005. Vol. 47. №. 3. doi:10.2298/SOC0503193D
24. *Hobsbawm E.* Nations and Nationalism Since 1780: programme, myth, reality. Cambridge University Press, 1990.
25. *Kuzmanovic B.* Socijalna distanca prema pojedinim nacijama (etnicka distanca) // u: Lazic M.: Razaranje drustva: jugoslovensko drustvo u krizis 90-tih. Beograd, 1994.
26. *Mihailovic S.* Predstave o nacionalnim manjinama u javnom mnjenju Srbije. // Polozaj manjina u Saveznoj Republici Jugoslaviji. Beograd, 1996.
27. *Milosevic Dordevic J.* Primordialistic concept of national identity in Serbia. Psihologija, 2007. Vol. 40. № 3. doi:10.2298/PSI0703385M
28. *Moghaddam F.M.* Individualistic and collective integration strategies among immigrations: Toward a mobility model of cultural integration // Ethnic Psychology: Research and Practice with Immigrants, Refugees, Native Peoples, Ethnic groups and Sojourners. Amsterdam, 1988.
29. *Pantic D.* Nacionalna distanca gradana Jugoslavije // u: Bacevic Lj. i dr., Jugoslavija na kriznoj prekretnici. Beograd, 1991.
30. *Pantic D.* Promene religioznosti gradana Srbije. Socioloski pregled, 1993. № 1–4.
31. *Petrovic N.* Medusobni stereotipi Hrvata, Bosnjaka i Srba u svetlu dvofaktorske teorije predrasuda. Beograd, 2003. Vol. 45. №. 1. doi:10.2298/SOC0301015P
32. *Radisavljevic-Ciparizovic D.* Vezanost ljudi za religiju i crkvu u Srbiji krajem devedesetih: Vere manjina i manjinske vere. Nis: JUNIR godisnjak VIII, 2001. Vol. 25. № 1–4.
33. *Raduski N.* Znacaj manjinskog pitanja u visenacionalnoj Srbiji. // u: Lj. Mitrovic (pri.) Savremeni Balkan u kontekstu geokulture razvoja, kulture, mira i evrointegracijskih procesa. Nis, 2005.
34. *Sherif M.* Group conflict and cooperation: their social psychology. London, 1966.
35. *Stephan W.G.* The contact hypotheses in intergroup relations // Group processes and intergroup relations / Ed. by. C. Hendrick. Review of personality and social psychology. Vol. 9. Newbury Park CA, 1987.
36. *Stojkovic B.* Sukob identiteta: Religijsko i nacionalno kao izvor i povod ratnih konflikata. Zbornik radova Religija-rat-mir. Nis, 1994.
37. *Subotic M.* Srpski nacionalni identitet: istorijski i savremeni izazovi. Beograd, 2011. Vol. 10. Br. 3.
38. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / Ed. by. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago, 1986.
39. *Turjacanin V.* Etnicke distance i etnicki stereotipi studenata psihologije u Banjaluci i Sarajevu // Empirijska istrazivanja u psihologiji (VIII). Beograd, 2002. № 2.

Частная школа: социальная и социально-психологическая специфика в условиях современного российского образовательного пространства

М.Ю. КОНДРАТЬЕВ

доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор Московского городского психолого-педагогического университета

И.В. СОСНОВА

кандидат психологических наук, заместитель директора по воспитательной работе НОУ ЦО «Новое образование»

В статье рассматривается как организационная, так и психологическая специфика такой категории негосударственных образовательных учреждений, как частная школа. Излагаются результаты анкетного опроса родителей учащихся частных школ, раскрывающие основную мотивацию выбора именно этой категории образовательных организаций для обучения своих детей. Описываются социально-психологические особенности социальной и межличностной ситуаций развития, характеризующих социально-психологическую обстановку личностного становления учащихся частных школ, а также в достаточной общей форме намечаются дальнейшие пути развития этого направления реализации образовательных задач в условиях современного образовательного пространства России.

Ключевые слова: государственная образовательная организация, негосударственная образовательная организация, частная школа, социальная и межличностная ситуации развития, безопасность, престижность, индивидуально-личностный подход, контроль за образовательным процессом.

Сегодня в современной России вряд ли можно представить себе по-настоящему общественно значимую проблему, как проблема образования подрастающего поколения. Речь идет не только о настоящем, но и о будущем и страны, и народа. Не вызывает сомнений и тот факт, что наиболее острой, злободневной и, главное, болезненной проблемой в рамках этого вопроса является реальность, которая связана с учреждениями среднего общеобразовательного уровня. При этом не случайно еще несколько лет

назад наиболее жестко стояли вопросы «устройства» будущих школьников в общеобразовательные учреждения. К счастью, на сегодня эта задача если не полностью решена, то, во всяком случае, социально микширована, «обезболена». Другое дело, что снятие «судорожного» состояния — далеко не всегда подлинное и при этом действительно содержательное решение остростоящей общественно-глобальной проблемы.

Как правило, принятие быстроедействующих разряжающих обстановку пре-

имущественно организационных мер приводит лишь к тому, что ситуация перестает быть ситуацией чрезвычайной, экстремальной, грозящей попросту социальным взрывом. Что же касается содержательного решения проблемы, подобное «облегчение» текущего момента — лишь возможность осознать действительные причины социальных сложностей и разработать содержательные применительно к школе психолого-педагогические пути и конкретные технологические и организационные способы выстраивания эффективной системы управления процессом. Применительно к проблемам среднего образования, на наш взгляд, решающим тормозом его развития является бюрократически обусловленная недостаточность дифференциации форм и содержания общеобразовательного процесса. В определяющей степени помимо не просто консервативных, а наиболее архаичных форм чиновничье-государственного контроля причиной сложившегося положения дел является излишне унифицированная, закостеневшая форма организации образовательных учреждений, максимально сужающая вариативность их организационного существования и функционирования.

И все же нельзя не расценивать как безусловное социальное достижение тот факт, что кроме государственных образовательных учреждений уже в течение достаточно достойного для анализа времени в Российской Федерации существуют негосударственные образовательные организации-школы, пока, к сожалению, так и не занявшие конкурентно-способного места в системе общего среднего образования, но все же существующие и порой развивающиеся, а не просто выживающие.

В рамках данной статьи мы осознанно не будем останавливаться на анализе специфики ведомственных негосударственных школ уже хотя бы по двум причинам. Во-первых, потому что их крайне мало (если, конечно, говорить об образовательных организациях, которые в принципе заслуживают какого-то внимания), а во-вторых, потому что каких-либо универсальных закономерностей, раскрывающих специфику их выживания и развития, практически не существует, так как специфика эта в подавляющем большинстве случаев определяется не статусом образовательной организации, а особенностями взаимоотношений их фирмы-хозяина с государством.

Понятно, что такие негосударственные образовательные организации, как частные школы, в этом плане существенно более многочисленны, многообразны по своему профилю, но, как ни парадоксально, специфика их развития и выживания в современных российских условиях оказывается куда более подчиненной целому ряду вполне универсальных, характеризующих именно организационно-социальные особенности этой категории образовательных учреждений закономерностей. Качественный характер этих закономерностей практически напрямую связан с психологической и, в том числе, социально психологической спецификой частной школы как определенного типа образовательной организации.

Если говорить о профильной направленности частных школ, то их дифференциация в этом плане многократно, если не на порядок превышает дифференцированность школ государственных. Это во многом понятно, потому что достаточно странно выглядело бы желание родителей отдать своего ребенка в шко-

лу общеобразовательную, но частную, а значит, платную. Отметим, что в последние годы государственные школы представлены относительно широким спектром различных учебно-воспитательных направленностей: от школ для одаренных до коррекционных образовательных учреждений на фоне подавляюще главенствующего числа обычных общеобразовательных средних школ. В том случае если именно с этой точки зрения сравнивать частные и государственные средние школы, картина оказывается прямо противоположной. Подавляющее большинство частных школ — это как раз образовательные учреждения, содержательно направленные на решение образовательных задач, касающихся широкого контингента учащихся: от тех, кто презентирован в качестве одаренных, и до тех развивающихся личностей, которые по стандартам официальной педагогики относятся к категории требующих различного коррекционного воздействия и влияния.

На этом фоне скорее как исключение выглядят частные школы в традиционном плане общеобразовательного профиля. Здесь следует отметить, что подобные образовательные организации, как правило, имеют, по меньшей мере, следующую специфику. Во-первых, будучи в целом общеобразовательными учреждениями, они отличаются достаточно жесткой и ярко выраженной специализацией, что называется, «по классам». При этом подобная дифференциация выстроена чаще всего не по принципу наиболее простого грубого противопоставления — гуманитарные, естественнонаучные и физико-математические, а в логике конкретных учебных дисциплин, как правило, откровенно связанных с

учебной факультетской направленностью одного из немногих в России общепризнанных ведущих вузов. Во-вторых, такие частные школы по преимуществу в той или иной степени юридически выверенно связаны с этими вузами и совместными программами, и исторически, что обеспечивает им полноценный имиджево-конкурентный вес на современном рынке образовательных услуг.

Немаловажным фактором, привлекающим внимание потенциальных клиентов частных школ, является то, что они занимают своеобразное промежуточное место между домашним или экстернатным обучением ребенка и его обучением в государственном среднем образовательном учреждении. Здесь следует специально отметить, что и субъективное представление родителей о «нормальном» образовании, и общественное мнение по этому поводу вполне совпадают: для нормального психического, умственного и социального развития ребенок и подросток должны обучаться в среде сверстников, вместе с ними, среди них, получая не только необходимые знания, но и опыт социального общения и взаимодействия, обеспечивающий в дальнейшей, а в конечном счете, и во взрослой жизни навыки и умения конструктивных партнерства и конкуренции. Родители учащихся частных школ (а это, как правило, люди, в достаточной степени в социальном и, в первую очередь, в материальном плане состоявшиеся) чаще всего не готовы отправить своих детей в свободное плавание по государственному среднему образованию при условиях отсутствия контроля за тем, с кем учится ребенок, кем и как он обучается. В то же время далеко не все эти родители готовы лишить ребенка общения со сверстника-

ми, жертвовать своим собственным временем и удобствами в ситуации домашнего обучения. Совершенно очевидно, что при подобных обстоятельствах частная школа оказывается наиболее безболезненным компромиссным выбором, к которому они и прибегают. Особенно отчетливо подобная ситуация просматривается, когда речь идет о состоятельных семьях, постоянно живущих в пригородах крупных мегаполисов и, прежде всего, Москвы.

Так, например, в Подмосковье существует достаточно разветвленная (и при этом территориально привязанная к наиболее известным коттеджным поселкам) сеть частных школ, колледжей и лицеев, которые ориентированы именно на местное «коттеджное население». По сути дела, речь идет об организации «придомашнего» образования, позволяющего, с одной стороны, обеспечивать хоть в какой-то степени систему взаимоотношений детей со сверстниками, а с другой — в необходимой степени жестко и последовательно (конечно, при желании) контролировать и эту систему взаимоотношений в частности, и весь процесс «школьной жизни» в целом.

Чтобы иметь адекватное представление, какое место занимают, могут и должны занимать частные школы в современном российском образовательном пространстве, необходимо располагать реальной картиной мотивации, которая руководит родителями учащихся этих школ, когда они принимают решение платить за обучение своего ребенка в ситуации предоставленной им возможности его бесплатного государственного образования. В данном случае исключительно умозрительные заключения вряд ли были бы уместны и поэтому мы про-

вели упрощенное анкетное обследование среди родителей, дети которых уже учатся в частных школах, и родителей, которые планируют отправить своих детей на обучение в подобного рода образовательные учреждения. Оказалось, что решающими осознаваемыми (или во всяком случае озвучиваемыми как таковые) причинами выбора именно частных школ для обучения своих детей эти две категории родителей называют следующие: безопасность, престижность, индивидуальный подход, контроль за образовательным процессом. Попробуем хотя бы кратко проанализировать каждый из этих факторов.

1. Безопасность. Не будем забывать, что говоря о категории семей, которые сегодня делают выбор в пользу именно негосударственного и, в том числе, частного среднего образования, мы ведем речь никак не о семьях олигархов, но все же о семьях «высокого среднего класса», семьях состоятельных, чаще всего более чем обеспеченных. Оценивая результаты анкетирования, мы изначально восприняли полученные данные как отражение ситуации, при которой родители обеспокоены вопросом, что называется, внешней, внешкольной безопасности ребенка. Но, как оказалось, ведя речь о безопасности, эти родители имеют в виду, прежде всего, безопасность внутришкольную, то есть гарантии того, что их ребенок не будет подвержен буллингу, то есть откровенной агрессии со стороны сверстников-соучеников. В этом контексте даже педагогическая агрессия, которая нередко рассматривается родителями учащихся общеобразовательных государственных школ в качестве одной из серьезных опасностей, интересующей нас категорией родителей не ставится ни

в какое сравнение с потенциально возможной агрессивностью среды сверстников, которые могут (и, по мнению родителей, обязательно будут) завидовать их детям. В данном случае интересным является тот факт, что родители совершенно физически здоровых детей пытаются оградить последних от буллинга с не меньшей интенсивностью, чем родители детей с ограниченными возможностями здоровья.

2. Вторым по значимости фактором, обеспечивающим набор в частные школы, оказывается фактор, связанный не столько с собственно их образовательным потенциалом и вообще не столько с учащимися — детьми и подростками, сколько с позицией самих родителей в социуме и с чувством родительской самодостаточности — престижность обучения именно в частном платном образовательном учреждении. Подобная позиция, как правило, обусловлена не столько стремлением продемонстрировать всему миру свою социальную состоятельность, сколько необходимостью поддерживать определенный уровень своего репутации в ближайшем референтном окружении. Особенно отчетливо именно этот мотив срабатывает в частных школах, претендующих на статус элитных и находящихся в территориальной близости от коттеджных поселков, расположенных рядом с крупными мегаполисами. Ни в коей мере не считая, что подобная позиция фатально обрекает ребенка на статус не столько субъекта, сколько объекта, все же отметим, что подобный мотив устройства в частную школу в качестве мотива, безоговорочно ведущего, в результате сложившихся неблагоприятных обстоятельств может привести к качественным и порой необратимым лич-

ностным деформациям развивающегося человека.

3. Пожалуй, практически единственным в содержательном смысле собственным образовательным фактором, определяющим выбор именно частной школы для обучения ребенка, выглядит то, что в условиях подобного типа образовательных учреждений наиболее полноценно может быть реализован индивидуально-личностный подход к образованию. Принципиальным здесь является то, что несмотря на порой неоправданно жестко осуществляемый территориальными образовательными департаментами контроль за содержанием учебных программ в частных школах, во всяком случае, по сравнению с государственными, и у администрации, и у педколлектива остается существенно больше возможностей учитывать личностную специфику каждого учащегося. Безусловно, подобный люфт психолого-педагогической свободы оказывается порой решающим, когда речь идет о частных школах, специализирующихся на образовании детей с теми или иными ограничениями возможностей здоровья. Но и в ситуации, когда речь идет о физически здоровых учащихся, подобные свободные педагогические валентности позволяют стимулировать наиболее личностно-развивающее становление ребенка.

Здесь следует отметить, что, как показывает опыт работы частных школ, при наборе в них новых учащихся практически неэффективной оказывается традиционная реклама, а решающим выступает то, что называется «сарафанным радио», стержнем информации в рамках которого выступает информация об индивидуальных, а потому уникальных возможностях для развития личности

каждого ребенка, предоставляемых данным образовательным учреждением.

Отметим также, что когда речь идет о детях с достаточно выраженными ограничениями возможностей здоровья, этот указанный нами третий фактор выбора частного образовательного учреждения, а не государственной школы нередко выходит на второе место, отодвигая на третье вышеуказанный фактор родительской престижности.

4. Наконец, четвертым из наиболее существенных факторов выбора частной школы в качестве образовательного учреждения для ребенка выступает не столько образовательный фактор, сколько фактор, касающийся родительской позиции в деле образования, — контроль за образовательным процессом. Думается, что здесь совмещаются, как минимум, две родительские позиции. Одна касается того, что подавляющее большинство родителей считают себя понимающими в образовании никак не меньше тех, кто его реализует в отношении их детей, а вторая (вообще еще более жизненно глобальная), связана с представлением, что тот, кто платит, и «музыку заказывает».

Здесь, по-видимому, следует отметить, что четвертое место данного фактора во многом определено не столько тем, что его и вправду считают не самым значимым, сколько нежеланием ряда родителей продемонстрировать свою позицию, так как она вряд ли может, по их мнению, рассматриваться в качестве социально одобряемой.

Качественно отличительной особенностью частных школ является то, что в условиях достаточно широкой вариативности реализации образовательного процесса его эффективность в значительной степени зависит от научно выверенного

психологического сопровождения. Следует отметить, что психолого-педагогическое, общепсихологическое и клинико-психологическое направления этой работы в определяющей степени в содержательном плане обусловлены спецификой образовательного профиля, который имеет та или иная частная школа. В значительной степени по-иному дело обстоит относительно социально-психологических поддержки и сопровождения образовательного процесса в подобного рода негосударственных учреждениях. Связано это с тем, что в социально-психологическом плане специфика профессионального функционирования частных школ практически любой профильной направленности детерминируется практически универсальными закономерностями, характеризующими социальные и межличностные ситуации развития личности учащихся всего массива частных школ.

Социально-психологический контекст образовательного процесса (вне зависимости от того, об образовательном учреждении какого типа идет речь) выступает всегда как одно из обстоятельств, определяющих степень эффективности конкретного образовательного учреждения. В этом плане исключением не являются и частные школы, так как не только, а порой и не столько успешное освоение учебного плана их учащимися гарантирует последним достижение действительной социальной зрелости, позитивных социальных перспектив и полноценности личностного развития. Во многом столь благополучная и развивающая личность ситуация складывается лишь тогда, когда эта личность формировалась на этапе самого сенситивного для личностного развития и становления периода своего онтогенеза — эпохи

«школьной жизни» в системе позитивных референтных групп и референтных отношений. Социальная и особенно межличностная ситуации развития, в которых формируется личность учащегося — ребенка и подростка, во многом достаточно специфичны, если они имеют отношение к частной школе. Практически во всех подобных образовательных учреждениях существуют универсальные особенности систем межличностных отношений, качественно отличающиеся от того, что характеризует межличностные взаимодействия и общение в государственных школах.

Во-первых, системы отношений «администрация-родители», «педагог-родители», «родители-администрация», «родители-педагог» в частных школах, как правило, выстроены по-иному, чем это происходит в соответствующих государственных образовательных учреждениях. В данном случае мы далеки от мысли, что исключительно денежное доверие администрации и членов педагогического коллектива определяется платными взносами учащихся, а потому неизбежно формируется ситуация, при которой система взаимоотношений обусловлена императивным давлением родителей. Скорее наоборот, нередко ситуации в государственных образовательных школах, которые, будучи поддерживаемыми государством по остаточному принципу, пытаются выжить на конкурентном рынке современных образовательных услуг, когда появляется, что называется, «генеральный спонсор», ребенок которого учится в подобном образовательном учреждении, а жена является председателем родительского комитета. Вот ситуация полного бессилия школы противостоять своему благодетелю.

В частных школах, как правило, родители — люди одного круга и примерно одних возможностей. Правда, и всевластия в подобной ситуации ни у педагога, даже если он классный руководитель, ни у представителя администрации, даже если он директор, нет. Приходится искать пути к партнерству и пути партнерства.

Как показывает сегодняшняя реальная педагогическая практика, современные российские частные школы и их представители уже наработали позитивный опыт в этом плане через ошибки, через потери. Количественно опыт, замешанный на времени развития и выживания частных школ, перерос в качество и образовательной, и управленческой деятельности.

Кстати, подобное содержательное приращение — никак не специфика реальности именно образовательного пространства. Более того, целый ряд еще более контактных социальных сфер активности оказался куда более мобильным и показательным. Так, еще в конце 80-х годов прошлого века наряду с имеющимися государственными открылись кооперативные магазины, на первых порах в которых продолжали работать продавцы, трудившиеся на этих точках, еще принадлежащих государству. Понятно, что хамство, обвешивание, неряшливость не исчезли со сменой формы собственности, поэтому прежних продавцов попросту сменили.

Конечно по-иному, другими темпами, но в целом именно в этой же логике все происходило и с частными школами. Сегодня функционирует подавляющее большинство из выживших и развивающихся, освободившихся от «родимых пятен» социалистического государства. Именно поэтому партнерство и готов-

ность к реализации индивидуального подхода — отличительная черта частных школ по сравнению с их государственными собратьями, если речь идет об отношениях администрации и педагогов, с одной стороны, и родителей — с другой. Также и конкурентная борьба за педагога-креативщика, по сути дела, «хедхантерство», оказывается отличительной чертой частных школ, которые действительно претендуют на подлинно содержательную элитность.

Во-вторых, в социально-психологическом плане качественно новыми оказываются взаимоотношения в частных школах между родителями учащихся. Прежде всего, они во многом определяются не сравнимой с традиционной для школы степенью включенности в школьную жизнь, при этом включенности всеобщей, охватывающей родителей практически всего класса. Во многом это поддерживается не только и личностными и материальными вкладами в деятельность школьной жизни, но и тем, что, как правило, в рамках одной школы оказываются родители, что называется, одного круга, во всяком случае одного социального слоя, одной социальной страты.

Мы уже упоминали, что есть определенная разница между частными школами в самих мегаполисах и частными школами, работающими с, если так можно выразиться, «загородными детьми». Именно эти школы ориентированы на живущих в одних и тех же коттеджных поселках и потому сплоченность, единомыслие, совпадение в мироощущении родителей учащихся этих частных образовательных учреждений, как правило, откровенно высоки.

В-третьих, было бы принципиально ошибочным не учитывать специфику

межличностных отношений в системах «сверстник-сверстник», когда речь идет о частных школах. По сравнению с государственными школами, здесь наполняемость класса порой в два-три раза меньше. Было бы также ошибочно считать, что дети (даже если речь идет о младших школьниках) не отдают себе отчета в том, что они дети из похожих семей. Похожих хотя бы в социально-материальном плане. Качественно значимым фактором является и то, что, как правило, они вынуждены, выстраивая свои взаимоотношения с соучениками, учитывать характер взаимоотношений своих родителей с родителями одноклассников.

И еще один момент, который не может быть не принят во внимание, когда речь идет о частных школах, — это наличие братьев и сестер, обучающихся или обучавшихся в этой же школе. В обычных государственных школах сегодня этот фактор малозначим, хотя в советское время в связи с жесткой привязкой обучения по месту прописки он так же играл определенную роль.

В завершение статьи, ни в коей мере не претендуя на выдвижение содержательно исчерпывающих выводов, попытаемся хотя бы в «назывном» плане обозначить ключевое организационное решение, без чего, на наш взгляд, наивно предполагать возможность действительного развития такого немаловажного сегмента современного российского образовательного пространства, как частные школы.

Как было упомянуто выше, излишняя «законтролированность» процесса развития частных школ на предшествующих сегодняшнему дню этапах во многом тормозила развитие данного направления образовательной активности. Как

показывает жизненная практика, призывы к повышению эффективности работы и реорганизации ассоциации негосударственных образовательных учреждений в данном случае не дают желаемого результата и, как правило, остаются лишь призывами декларативного характера. По нашему мнению, наиболее продуктивным, психологически выверенным и организационно оправданным шагом может стать введение в перечень необходимых отчетных документов как федеральных, так и региональных образова-

тельных ведомств и их подразделений, необходимой контрольно-отчетной информации, касающейся выраженных в цифрах достижений в развитии частных школ. Совершенно очевидно, что в этих обстоятельствах (когда без подтверждения факта реального развития сектора частных школ невозможно рапортовать об успехах в образовании в целом) частные школы перестанут рассматриваться чиновниками от образования как нежелательные конкуренты школ государственных.

Social and Social Psychological Specifics of Private Schooling in Modern Russian Education

M. YU. KONDRATYEV

Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education

I. V. SOSNOVA

PhD in Psychology, vice-principal of the "New Education" school

The paper reviews organizational and psychological specifics of such non-state schooling sector as private schools in Russia. A survey was carried out in order to reveal the basic motivation underlying parents' choice of private schooling for their children. The paper describes social psychological features of the social and interpersonal situations of development that define the social psychological settings in which the students of private schools grow and develop, and discusses in general terms the possible perspectives of private schooling in modern Russian education.

Keywords: *state education institution, non-state education institution, private school, social and interpersonal situations of development, safety, prestige, individual approach, control after education process.*

Методический алгоритм определения интегрального внутригруппового статуса члена контактного сообщества

М.Ю. КОНДРАТЬЕВ

доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор Московского городского психолого-педагогического университета

В статье заявляется значимость для социально-психологической исследовательской практики такой задачи, как определение интегральных внутригрупповых статусных позиций конкретных членов реально функционирующего контактного сообщества. Дается подробное описание трех методических средств — социометрии, референтометрии и методического приема определения неформальной интрагрупповой структуры власти. В завершение приводится алгоритм выявления принадлежности членов малой группы к категориям высоко-, средне- и низкостатусных на основе интегральных показателей аттракционной, референтометрической и властной интрагрупповых структур.

Ключевые слова: *малая группа, интрагрупповое структурирование, аттракционная структура, референтометрическая структура, структура неформальной власти, высокий, средний и низкий статусы, социометрия, референтометрия, методический прием определения интрагрупповой структуры неформальной власти в контактном сообществе.*

Проблематика интрагруппового структурирования малых групп — одна из наиболее разрабатываемых и востребованных исследовательских тематик в современной социальной психологии. В реальной исследовательской практике этого направления крайне значимой задачей оказывается задача научно выверенного методического способа выявления статусной позиции конкретных членов столь же конкретных реально функционирующих контактных сообществ. Как правило, в методическом плане эта задача отдельными исследователями решается с помощью той или иной эмпирической процедуры, выбор которой обусловлен конкретными целями исследования. В то же время в рамках теории деятельностиного опосредствования межличностных отношений в группах, а точнее — в

содержательной логике научной психологической школы А.В. Петровского [3], которая является базовой для факультета социальной психологии МГППУ, на первый план выдвигается задача определения интегральных интрагрупповых статусов членов реально функционирующих контактных сообществ. Дело здесь, безусловно, не в том, что подобная исследовательская проблема специфична именно для психологической теории коллектива, разработанной А.В. Петровским [8] (проблема определения интегральных внутригрупповых статусов конкретных членов контактного сообщества — одна из наиболее традиционных в исследовательской практике эмпирических и экспериментальных работ по социальной психологии малых групп), а в том, что как раз в рамках научной психо-

логической школы А.В. Петровского разработан подход к пониманию психологических оснований межличностной значимости — трехфакторная модель «значимого другого» [7]. В основе этого концептуализированного построения лежит научно обоснованное и многократно эмпирически апробированное представление, что межличностная значимость, а следовательно, и интегральный внутригрупповой статус базируются на аттракционной, референтной и властной представленности партнеров по взаимодействию и общению. Совершенно очевидно, что в методическом плане обеспечение такого подхода предполагает использование социометрической и референтометрической методик, а также методического приема определения интрагрупповой структуры неформальной власти.

Прежде чем обратиться к описанию алгоритма определения принадлежности членов реально функционирующей контактной группы к категориям высоко-, средне- и низкостатусных, дадим развернутую характеристику указанных методических средств сбора необходимой эмпирической информации.

Социометрия

Социометрическая методика — одна из самых распространенных и наиболее широко применяемых в мировой социально-психологической исследовательской практике. Подобная популярность социометрии вполне объяснима в связи с тем, что используемое в рамках данной методической модели процедурное решение не только позволяет получить нередко скрытую от непосредственного наблюдателя информацию о характере межличностных отношений в группе, но и обладает всеми преиму-

ществами, которые присущи любому «экспресс-приему». Кроме того, в процедурном, да и в интерпретационном плане социометрический метод достаточно гибок и легко поддается модификации, что обеспечивает экспериментатору возможность работать практически с любой малой группой вне зависимости от специфики ее жизнедеятельности и половозрастных особенностей ее состава. В то же время все эти достоинства и, в первую очередь, простота применения социометрической методики порождают иллюзорное представление о ней как об основном и чуть ли не единственно доступном пути анализа характера межличностных отношений в группах. На самом же деле социометрическая методика и по замыслу ее создателя, американского исследователя Дж. Морено [5], и по своим реальным содержательным возможностям рассчитана на выявление особенностей непосредственных отношений типа «симпатии-антипатии» между членами контактной группы.

Описание методической процедуры. Как отмечалось выше, в процедурном плане социометрическая методика крайне проста и не предполагает необходимости осуществления каких бы то ни было предваряющих основной экспериментальный этап подготовительных исследований. Содержательной сутью обследования в данном случае является прямой или, как его еще называют, «лобовой» опрос испытуемых. При этом экспериментатор, как правило, работает с группой в целом, фронтально, в то время как каждый из испытуемых отвечает на поставленный вопрос индивидуально, не советуясь с другими членами обследуемого сообщества.

По условиям эксперимента испытуемый должен ответить на один или несколь-

ко вопросов, декларируя тем самым факт своих персонифицированных межличностных предпочтений. Сами вопросы должны быть поставлены в форме, которая бы предполагала в качестве ответа перечисление фамилий некоторых его товарищей по группе. Например: «С кем из членов группы Вы хотели бы оказаться в паре при выполнении трудного и ответственного задания?» или «С кем из членов группы Вы хотели бы поехать на увеселительную экскурсию?»*. При этом экспериментатор, инструктируя испытуемых, особо оговаривает необходимость отражения на бланке приоритетности выбора. Таким образом, отвечая на поставленный вопрос, каждый испытуемый составляет список фамилий выбранных им людей в строго определенной очередности. Под номером «1» в бланк заносится фамилия члена группы, которого данный испытуемый выбирает в первую очередь; под цифрой «2» — фамилия того, кто выбран вторым и т. д.

В зависимости от задач конкретного исследования, а также численности группы экспериментатор непосредственно в рамках инструкции может либо определить предельно допустимое число выборов, либо не оговаривать необходимость подобного ограничения избирательной активности обследуемого.

В первом случае (такой вариант социометрической методики традиционно обозначают как параметрический) испытуемому предоставляется возможность осуществить, как правило, не более трех последовательных выборов. При этом он может по своему собственному усмотрению остановиться на одном или на двух, а может и вовсе от них отказаться — заложено в инструкции ограничение касается лишь верхнего предела его избирательной активности. В отличие от непараметрического варианта реализации социометрической процедуры данная форма ее применения значительно менее трудоемка, а полученные эмпирические данные несравнимо легче поддаются как графической компоновке, так и статистической обработке. Кроме того, сам факт изначального количественного ограничения возможных выборов закономерно повышает степень их избирательности и приоритетности. Здесь практически исключены случаи уклончивых ответов, когда испытуемый указывает не фамилии конкретных людей, а вписывает в бланк фразы типа «Я хотел бы, чтобы в новой группе остались все» и т. п. (что, кстати, нередко происходит, если социометрическое обследование осуществляется в непараметрической форме).

---

* Задаваемые вопросы могут быть отнесены к любой сфере жизнедеятельности группы. Как правило, этот выбор диктуется задачами и целями конкретного исследования. В то же время, как показывает реальная исследовательская практика, все многообразие подобных вопросов может быть условно отнесено к двум основным сферам групповой и личной жизни — «эмоциональной» и «деловой». Указывая на это, еще раз подчеркнем, что подобная дифференциация допустима лишь условно, хотя в научном лексиконе и утвердились (достаточно прочно) такие термины, как «эмоциональный социометрический критерий» и «деловой социометрический критерий». На то, что такое жесткое различие задаваемых при социометрическом обследовании вопросов по «эмоционально-деловому» признаку нередко является попросту смысловой «натяжкой», указывает, в частности, и тот факт, что в исследовательской практике довольно часто используется «смешанный» социометрический критерий. Более того, есть все основания считать, что один из таких «смешанных» критериев (проективная ситуация необходимости межличностного выбора в условиях вынужденного реформирования группы) оказывается чуть ли не самым мощным. В качестве примера приведем один из возможных вариантов соответствующего данной ситуации вопроса: «В случае расформирования или реформирования Вашей группы с кем из ее членов Вы хотели бы оказаться вместе в новом сообществе?».

Итак, сжато и достаточно схематично описана довольно простая по своему характеру методическая процедура социометрического обследования, содержащей сутью которой является прямой опрос участников эксперимента с целью выявить их индивидуальные межличностные предпочтения. В то же время часто бывает недостаточно зафиксировать лишь факты позитивно-эмоциональных отношений между испытуемыми, а требуется также выяснить, не наличествуют ли между ними взаимоотношения, характеризующиеся в той или иной степени осознаваемой антипатией. Для решения этой задачи наряду с вопросом или группой вопросов, предполагающих позитивно окрашенный выбор партнеров по взаимодействию и общению, участникам эксперимента предлагают ответить и на «обратный» вопрос, т. е. на вопрос, ответ на который предусматривает не позитивный выбор, а отвержение (отклонение) тех или иных товарищей по группе. В этом плане приведенным выше в качестве примера «позитивным» вопросам соответствуют «обратные» вопросы, сформулированные следующим образом: «С кем из членов группы Вы не хотели бы оказаться в паре при выполнении трудного и ответственного задания?», «С кем из членов группы Вы не хотели бы поехать на увеселительную экскурсию?». И наконец: «В случае расформирования или реформирования Вашей группы с кем из ее членов Вы не хотели бы оказаться вместе в новом сообществе?». Что касается процедурных условий ответа на них, они должны быть полностью идентичны ситуации, которая была создана в ходе основного опросного этапа.

В завершение описания особенностей методической процедуры социометриче-

ского обследования группы имеет смысл специально остановиться еще на одном моменте. Речь идет о тех обязательных условиях, которые должны соблюдаться исследователем, избравшим для работы социометрическую методику.

Так, он должен организовать обследование таким образом, чтобы каждый участник эксперимента вынужден был работать самостоятельно, ни с кем не советуясь и не сверяя свои ответы с ответами окружающих. При этом время, отводимое на ответы, ни в коем случае не должно ограничиваться. В связи с тем что режим работы каждого достаточно индивидуален, более целесообразно заранее внести вопросы в экспериментальный бланк, а не зачитывать их вслух непосредственно в ходе опроса, торопя тем самым тех, кто еще не успел ответить, и задерживая тех, кто уже справился с заданием. Кроме того, отвечая на вопросы и тем самым осуществляя выбор или отвергая того или иного члена группы, каждый испытуемый должен иметь перед глазами ее полный список, включающий и фамилии тех, кто по какой-то причине в данный момент отсутствует. Этот список может предъявляться каждому испытуемому индивидуально (например, вноситься непосредственно в экспериментальные бланки), а может в единственном экземпляре предоставляться всей группе в целом. Соблюдение этого требования должно быть особенно неукоснительным, когда испытуемыми являются дети, так как они склонны ограничиваться выбором или отвержением лишь тех, кого видят непосредственно в настоящий момент. Наконец, еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание экспериментатору. Как показывает богатый опыт использова-

ния социометрической методики, получаемый с ее помощью эмпирический материал оказывается наиболее надежен в том случае, когда, отвечая на вопросы, испытуемые уверены, что высказанная ими позиция будет тщательно проанализирована и действительно повлияет на ход дальнейшей жизнедеятельности группы.

Именно с учетом всех перечисленных требований и должна строиться экспериментальная ситуация.

Обработка данных. Полученные в результате проведения социометрической процедуры эмпирические данные прежде чем быть качественно интерпретированы, должны подвергнуться количественному анализу, чему, как правило, предшествует этап их компоновки.

Наиболее распространенный вариант начальной обработки первичного материала — составление матрицы. Приведем пример такой матрицы, отражающей картину социометрических выборов в группе из семи человек — испытуемых А., Б., В., Г., Д., Е., Ж.

В этой матрице нашла свое отражение картина межличностных предпочтений в группе, или, другими словами, со-

ставляющий ее содержание набор социометрических выборов.

Правда, приведенный пример иллюстрирует наиболее простой вид обследования — параметрический вариант (верхний предел избирательной активности — три выбора) позитивной социометрической процедуры*. Понятно, что матрица, содержащая результаты проведения непараметрического варианта социометрической процедуры, выглядела бы значительно более насыщенной и позволила бы, кроме таких показателей, как «количество полученных каждым испытуемым выборов» и «количество взаимных выборов» (как для каждого члена группы, так и для нее в целом), выявить и такой немаловажный параметр межличностных отношений, как «количество сделанных выборов» (как для каждого члена группы, так и для нее в целом). Естественно, что аналогичную информационную «добавку» непараметрический вариант социометрии обеспечивает не только в отношении позитивных выборов, но и в отношении межличностных отклонений.

Цифры, указанные в рассматриваемой матрице, обозначают следующее. Испы-

Кто выбирает:	Выбирают кого:	А. 1	Б. 2	В. 3	Г. 4	Д. 5	Е. 6	Ж. 7
1. А		*	1	2	3			
2. Б		2	*	1	3			
3. В		3	1	*	2			
4. Г		3	2	1	*			
5. Д			1	3		*		2
6. Е			1		2	3	*	
7. Ж			2		3	1		*
Суммарное количество выборов, полученных членом группы		3	6	4	5	2	0	1

Рис. 1. Социометрическая матрица

* Как правило, цифры, отражающие очередность и направленность отклонения (отвержения), вносятся другим цветом в эту же матрицу.

туемый А. сначала выбрал Б., затем — В., а на Г. «потратил» последний из возможных выборов — третий. Что касается выборов, осуществленных Б., они распределены в таком порядке: в первую очередь этот испытуемый назвал В., второй его выбор «пал» на А., а третий — на Г. Аналогичным образом могут быть легко прослежены направленность и очередность выборов остальных членов группы.

Графа «суммарное количество выборов, полученных членом группы» содержит информацию об особенностях внутригрупповой социометрической структуры обследуемого сообщества, позволяет выявить тех, кому симпатизирует большинство членов группы, к кому партнеры по взаимодействию питают антипатию, а к кому относятся, по сути дела, индифферентно. Что касается приведенного примера, можно со всей уверенностью говорить о наличии в данной группе ярко выраженной социометрической «звезды» (испытуемый Б. получил максимально возможное число выборов — шесть) и изолированного члена сообщества — испытуемый Е. (этот испытуемый не получил ни одного выбора).

Вряд ли у кого-нибудь может вызвать серьезные сомнения то, что в рассмот-

ренном случае нет необходимости специально доказывать, что в лице Б. мы имеем, несомненно, высокостатусного в социометрическом плане члена группы, а положение Е. во внутригрупповой системе эмоциональных взаимоотношений никак нельзя расценить иначе как неблагоприятное. В то же время, как показывает исследовательская практика, далеко не всегда складывается столь однозначно интерпретируемая ситуация. В связи с этим нередко возникает потребность в математически выверенном определении цифровых показателей индивидуального социометрического статуса, которые бы позволили безоговорочно «отдифференцировать» высокостатусных и низкостатусных в социометрическом плане членов группы от остальных их товарищей по сообществу. Для решения этой задачи существует специальная статистическая процедура, позволяющая довольно точно определить верхнюю и нижнюю критические границы доверительного интервала [9], лишь с учетом которых в каждом конкретном случае можно с уверенностью отнести того или иного испытуемого к категориям высоко- или низкостатусных в социометрическом плане членов группы*.

---

* Бесспорно, такой путь обоснования вывода о характере внутригрупповой дифференциации в конкретном сообществе является наиболее доказательным, хотя и довольно трудоемким. Особенно резко возрастает объем вычислений в том случае, когда в исследовании задействовано большое число групп. В такой ситуации экспериментатор имеет возможность не заниматься столь длительными вычислениями критических границ доверительного интервала, а воспользоваться уже накопленным до него исследовательским опытом. По сути дела, речь идет об уже выявленных на практике нормах распределения социометрических выборов, позволяющих без дополнительных вычислений определить социометрический статус того или иного конкретного испытуемого. Правда, такие нормы обоснованы далеко не для всех видов групп. Наиболее выверенными на сегодняшний день они являются для школьных классов. Так, например, Я.Л. Коломинский на вполне репрезентативной выборке показал, что в условиях практически любого класса наиболее правомерно выделять, как минимум, четыре статусных категории школьников: социометрические звезды (шесть и более выборов), принятые, или предпочитаемые (три-пять выборов), неприятные (один-два выбора) и пренебрегаемые, или изолированные (ни одного выбора). Учитывая, что эти учебные группы, как правило, не превышают по своей численности 30 членов, именно этот количественный «формат» и рассматривается как определяющий эти нормы, если речь идет о группах и с иной деятельностной направленностью.

Несмотря на несомненные удобства матричной формы компоновки эмпирического материала, экспериментатор, как правило, не ограничивается лишь ее построением, а добиваясь большей наглядности, прибегает еще и к графическому изображению полученных в ходе социометрического исследования результатов. В этом случае опираясь на материал, составляющий содержательную суть социометрической матрицы, он строит социогаммы, которые по своему характеру могут быть как групповыми (т. е. иллюстрирующими специфику межличностных отношений в обследованной группе в целом), так и индивидуальными (т. е. отражающими особенности взаимосвязей в рамках группы членства какого-то одного конкретного испытуемого, который по тем или иным причинам привлек к себе особое внимание экспериментатора).

Вряд ли имеет смысл специально останавливаться на подробном описании способов построения различных социогамм хотя бы потому, что это уже неоднократно и притом квалифицированно сделано в целом ряде имеющих выраженный методическо-обученческий характер материалов. Так, например, достаточно развернутая информация о социогаммах (конвенциональной, индивидуальной, социогамме-«мишени») содержится во вполне доступном самому широкому читателю сборнике научных трудов «Пути совершенствования практических занятий по психолого-педагогическим дисциплинам в высшей школе» (М., 1979).

Наряду с матричной и чисто графической формой изображения результатов социометрии при анализе полученных в ее ходе эмпирических данных традиционно используются разнообразные

количественные индексы. Надо сказать, что число этих индексов так велико, что даже простое перечисление их названий заняло бы слишком много места. Кроме того, и обоснование их введения, и сама процедура их вычисления неоднократно и достаточно подробно описаны в целом ряде работ. В связи с этим здесь, по-видимому, более целесообразно отослать читателей к работам И.П. Волкова, Я.Л. Коломинского, В.И. Паниотто и др. [1; 2; 6; 10], нежели еще раз воспроизводить давно известное и многократно тщательно прописанное.

Значительно более целесообразно здесь хотя бы кратко описать процедуру и способ обработки одной из вариаций социометрической методики, которая, будучи достаточно эффективным приемом изучения характера внутригруппового структурирования, по малопонятным причинам неоправданно редко используется в исследовательской практике. Эта модификация социометрии предложена Я.Л. Коломинским, использовавшим достоинства социогаммы и разработавшим графический способ обследования, прямо направлена на выявление реальных социометрических персональных статусов членов группы.

Непосредственно перед началом собственно экспериментального этапа испытуемым раздаются бланки, на каждом из которых начерчена четырехорбитная социогамма. Кроме того, на этих же бланках размещены пофамильно списки обследуемого сообщества. Затем экспериментатор знакомит испытуемых с инструкцией, согласно которой они должны найти на социогамме место для каждого члена группы в зависимости от того, насколько ему симпатизируют его партнеры по взаимодействию и обще-

нию. При этом если, по мнению отвечающего, данный член группы «пользуется симпатией абсолютного большинства», то соответствующий его фамилии порядковый номер вписывается в центральный круг; если он «пользуется симпатией многих», его порядковый номер в списке фиксируется на второй от центра орбите; если он «пользуется симпатией лишь некоторых» членов группы, обозначающий его номер размещается на третьей орбите; в том же случае когда, с точки зрения опрашиваемого, данный член общности «не пользуется симпатией окружающих», ему отводится место на четвертой, внешней орбите социограммы. Таким образом, каждый испытуемый должен оценить кроме своего собственного положение всех членов группы.

После того как все испытуемые завершают выполнение экспериментального задания, можно приступить непосредственно к вычислению персонального социометрического статуса каждого участника эксперимента, используя при этом формулу

$$S_i = (4n_{1i} + 3n_{2i} + 2n_{3i} + 1n_{4i}) / (N - 1),$$

где n_i — число членов группы, поместивших данного человека на соответствующую (первую, вторую, третью или четвертую) орбиту; N — число членов группы, участвовавших в эксперименте.

Другими словами, оцениваемому начисляется за каждый случай приписывания его: к первой орбите — четыре балла, ко второй — три, к третьей — два, а к четвертой — один балл.

На основании полученного в ходе вычисления итогового результата можно с большой долей уверенности утверждать принадлежность каждого члена группы к одному из четырех внутригрупповых

статусных слоев. К первой, наиболее в социометрическом плане высокостатусной категории лиц могут быть отнесены члены группы с показателями 4–3,5 балла, к самой низкостатусной категории членов группы — те, кто имеет соответствующие показатели в диапазоне от 1,5 до 1 балла. Показатели двух промежуточных — «второй» и «третьей» — категорий равны соответственно 3,5–2,5 и 2,5–1,5 баллам.

Проиллюстрируем необходимые подсчеты хотя бы одним конкретным примером вычислений. Предположим, что один из членов уже известной нам группы, испытуемый Д., получил следующие оценки со стороны шести своих товарищей по взаимодействию и общению: один из них поместил его в центральный круг социограммы, один — на второй орбите, трое — на третьей и один — на четвертой, внешней орбите. В этом случае

$$S_d = (4 \times 1 + 3 \times 1 + 2 \times 3 + 1 \times 1) / (7 - 1) = 2,33 \approx 2,3.$$

Как видим, мы имеем все основания отнести испытуемого Д. к членам группы — представителям третьего слоя во внутригрупповой социометрической структуре обследованного сообщества.

Данная процедура и самого обследования, и обработки эмпирического материала, на первый взгляд, лишь с некоторой натяжкой может быть отнесена к классу социометрических методик. Казалось бы, с не меньшим основанием она может рассматриваться как одна из вариаций обычной взаимооценки по принципу ранжирования. И все же основные параметры ее возможностей и ограничений не выходят за содержательные рамки социометрического метода.

Оценивая преимущества и недостатки социометрической процедуры в лю-

бой ее модификации, а также достоинства и слабости различных смежных с ней методических приемов, следует наряду с их портативностью и компактностью иметь в виду и то, что полученные в ходе такого обследования экспериментальные данные носят достаточно ситуативный характер, нередко отражают лишь особенности самого поверхностного, непосредственного слоя межличностных отношений и дают возможность зафиксировать только сам факт наличия или отсутствия межличностной привлекательности одного члена сообщества для другого, оставляя за рамками анализа вопрос о мотивах декларируемого испытуемым выбора, а значит, и саму причину межличностных симпатий и антипатий членов группы. Все это совершенно закономерно диктует необходимость проверки и дополнения результатов социометрического обследования с помощью других социально-психологических методик и, в первую очередь, таких как референтометрическая процедура, а также методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе.

Референтометрия

Референтометрия — методика, позволяющая выяснить степень значимости каждого члена группы для его товарищей по сообществу, выявить, с одной стороны, тех, на чье мнение в данной общности ориентировано большинство ее членов, а с другой — тех, чья позиция по тому или иному вопросу практически всем безразлична*. Таким образом, ре-

ферентометрическая методика так же, как и социометрия, направлена на анализ специфических межличностных предпочтений. В то же время слой межличностных отношений, характер которых выявляется с помощью референтометрической процедуры, качественно отличается от того, который является предметом анализа социометрической методики. Так, если используя последнюю, мы обращаемся к системе отношений типа «симпатия-антипатия», то совокупность референтометрических выборов по группе позволяет нам анализировать значительно более глубокий слой межличностных отношений, опосредствованных целями, задачами и содержанием групповой деятельности и межиндивидуального общения, т. е. явно ценностными факторами.

Описание методической процедуры. Референтометрическая процедура предполагает последовательное проведение двух собственно экспериментальных этапов.

На первом этапе, являющемся предварительным по отношению к основной экспериментальной серии, осуществляется практически любая процедура, позволяющая выявить мнение, отношение, позицию каждого члена группы по поводу того или иного события, явления, значимого для общности, или оценить, сравнить партнеров по взаимодействию. Характер процедуры и ее содержательная направленность определяются задачей предпринимаемого обследования. Так, если целью данного конкретного эксперимента является определение референтных лиц в группе, то на первом этапе может быть использован социоме-

* Опыт работы с этой методикой в развернутой форме изложен, в частности, в работах Е.В. Щедриной [8; 11; 12].

трический опрос. В любом случае итогом первого экспериментального этапа является набор мнений и суждений всех без исключения членов группы по поводу какого-то значимого для них объекта оценивания.

На этом этапе экспериментатор может работать с группой в целом.

Необходимо указать два основных требования к проведению такой процедуры. Во-первых, как уже указывалось выше, и объект оценивания, и сама процедура должны быть достаточно высокозначимы для испытуемых. Во-вторых, эксперимент должен быть организован таким образом, чтобы ни одному испытуемому не были известны ответы его товарищей по группе.

Собственно референтометрический опрос начинается на втором этапе экспериментальной работы либо немного погодя, либо непосредственно вслед за завершением первого ее этапа. Основная цель этой процедуры — выявление лиц, позиция которых (т. е. мнения и оценки, высказанные ими на предварительном этапе) в наибольшей степени интересует испытуемого, а следовательно, и является особенно значимой для него.

В традиционной форме референтометрический опрос проводится индивидуально. В этом случае, начиная работать с каждым испытуемым, экспериментатор, прежде всего, выясняет, согласен ли тот, чтобы заполненный им на предыдущем этапе бланк был показан членам группы, которые этим заинтересуются. Факт согласия или несогласия с такой перспективой фиксируется экспериментатором в своих записях. Затем до сведения испытуемого доводится, что большинство его товарищей не возражают, чтобы с их опросными листами ознакомились ос-

тальные члены группы. Самому испытуемому предлагается назвать тех, с чьими опросными листами ему хотелось бы ознакомиться. Для максимальной избирательности такого выбора испытуемого сначала предупреждают, что он получит возможность «заглянуть» только в один бланк. Когда испытуемый называет фамилию его хозяина, экспериментатор, сославшись на то, что последний может не согласиться обнародовать свои ответы, предлагает назвать другого члена группы, чей экспериментальный бланк хотел бы увидеть испытуемый. Когда осуществляется и этот, второй, выбор, в качестве «исключения» опрашиваемому разрешается назвать еще одного человека, ответы которого на предварительном этапе представляют интерес для испытуемого. Как показали специальные исследования, количество таких выборов не должно превышать трех, так как в противном случае резко снижается избирательность демонстрируемых межличностных предпочтений, а следовательно, и характер отношений межличностной значимости предстает перед экспериментатором не только в явно усеченном, но и в явно искаженном виде.

Референтометрия, проводимая в форме индивидуального опроса, позволяет получить большой массив дополнительных данных, которые могут служить ценным фоновым материалом по отношению к самим референтометрическим выборам. В то же время далеко не всегда работающий с этой методикой экспериментатор располагает достаточным запасом времени для многократного (по числу членов группы) тиражирования индивидуального опроса. В связи с этим ему приходится применять в своей работе, как правило, групповую форму референтометрии.

В этом случае информация, получаемая в результате осуществляемого параллельно с референтометрией целенаправленного наблюдения, оказывается, конечно, значительно более скудной, чем в итоге индивидуального опроса, но время, затрачиваемое на проведение самой референтометрической процедуры, существенно сокращается. В этом варианте референтометрии предполагается, что сразу же вслед за проведением первого экспериментального этапа (напомним, что эта фаза эксперимента в любом случае предусматривает работу с группой в целом) начинается собственно референтометрический опрос всей обследуемой общности.

Так, если на первом этапе, например, была проведена социометрическая процедура, экспериментатор просит каждого испытуемого на оборотной стороне своего заполненного социометрического бланка поставить либо знак «+», либо знак «-» в зависимости от того, согласен он или не согласен обнародовать свои ответы. Затем аналогично тому, как это делается и при индивидуальной форме опроса, экспериментатор предоставляет возможность каждому члену группы последовательно обозначить не более трех своих товарищей, чьи бланки интересуют его больше всего. Особенность процедуры заключается лишь в том, что фамилии фиксирует не экспериментатор, как это происходит в условиях индивидуального обследования, а сам испытуемый, записывая их в столбик на оборотной стороне своего социометрического опросного листа.

Здесь следует еще раз специально подчеркнуть, что референтометрическая методика в процедурном плане носит ярко выраженный косвенный характер. Другими словами, при выявлении референтных лиц ни в коем случае недопус-

тимо задавать испытуемому прямой вопрос, кто из членов группы для него наиболее значим, с чьим мнением и оценкой он склонен считаться в первую очередь. Дело в том, что при прямой постановке такого вопроса было бы попросту наивно рассчитывать на получение данных, адекватно раскрывающих реальное положение дел. С одной стороны, далеко не все и далеко не всегда могут успешно справиться со столь «лобовым» заданием, так как сами не до конца осознают характер межличностных отношений в группе своего членства и свое собственное положение в этом сообществе, с другой стороны, нередко, даже вполне осознавая значимость для себя того или иного партнера по взаимодействию и общению, испытуемые не хотят признаваться кому бы то ни было, что они в личностном плане испытывают определенную зависимость от мнения, оценки, отношения какого-то конкретного человека. Все это и диктует необходимость использования для выявления степени значимости каждого члена группы для его товарищей косвенного опроса, примером которого и является такая методика, как референтометрия.

Обработка данных. При обработке материала, полученного в результате проведения референтометрии, анализу подвергаются эмпирические данные только собственно референтометрического опроса, т. е. второго этапа эксперимента. Все референтометрические выборы фиксируются в специальной матрице, которую строит экспериментатор, опираясь на совокупность ответов испытуемых. Принципы ее построения, по сути дела, ничем не отличаются от принципов построения матрицы социометрических выборов в группе.

Приведем пример такой матрицы, отражающей картину референтометрических выборов в группе из семи человек.

Приведенная матрица позволяет учесть количество выборов, которые получил каждый член группы, т. е. дает возможность аргументированно судить о степени его значимости для партнеров по взаимодействию, что и должно рассматриваться в качестве основной характеристики его референтометрического статуса в группе. Указанные в данной матрице цифры означают следующее. Испытуемый А. сначала выбрал В., затем — Г. и, наконец, — Б. (порядок выбора обозначен цифрами «1», «2», «3»). В свою очередь, Б. с первой попытки так же, как и А., выбрал В., со второй — Д., с третьей — Г. Аналогичным образом легко прослеживаются референтные выборы, осуществленные и остальными членами рассматриваемой группы. Графа «Суммарное количество выборов...» позволяет увидеть характер внутригрупповой статусной иерархии по признаку референтности. Так, например, в данной группе наряду с ярко выраженным референтометрическим лидером В. (шесть выборов) есть и референтометрический «изолятор» — испытуемый Е. (полное отсутствие выборов).

Кроме матричной формы компоновки материала при анализе данных рефе-

рентометрии может быть использована и референтограмма (по аналогии с социограммой), которая наглядно демонстрирует степень взаимности референтометрических предпочтений и факт наличия или отсутствия сколько-нибудь четко очерченных подгрупп в обследуемой общности. Приведем референтограмму, отражающую картину референтометрических выборов в рассматриваемой нами группе.

Как видно из приведенной референтограммы, в данной малой группе достаточно велик удельный вес взаимных референтометрических предпочтений, что позволяет охарактеризовать межличностные отношения в этом сообществе как психологически развитые. В рассматриваемом случае вряд ли было бы правомерно вести речь о наличии в группе четко очерченных внутренних группировок. В то же время психолог не может не обратить внимание на бросающуюся в глаза взаимную референтность трех членов группы — испытуемых В. (№ 3), Д. (№ 5), Ж. (№ 7). Правда, здесь было бы преждевременно оценивать эту триаду как оформленную подгруппу, так как наличие взаимных выборов этих троих членов группы с остальными не позволяет говорить о сколько-нибудь серьезно выраженной тенденции к автономии.

Кто выбирает:	Выбирают кого:	А. 1	Б. 2	В. 3	Г. 4	Д. 5	Е. 6	Ж. 7
1. А		*	3	1	2			
2. Б			*	1	3	2		
3. В				*	2	3		1
4. Г		2	3	1	*			
5. Д			3	1		*		2
6. Е			1		2		*	3
7. Ж			1	2		3		*
Суммарное количество выборов, полученных членом группы		2	4	6	3	3	0	3

Рис. 2. Референтометрическая матрица

Более того, не соотнеся эти данные с экспериментальными материалами, полученными с помощью других социально-психологических методик, мы не сможем обоснованно ответить на вопрос, находится ли эта триада на пути своего организационного оформления или же мы зафиксировали этап распада, «растворения» в группе этой, возможно, ранее достаточно автономной подгруппы.

Все это является еще одним неоспоримым аргументом в пользу того, что практические задачи, встающие перед практическим психологом и психологом-исследователем, могут быть решены лишь при условии анализа всей совокупности взаимосвязанных социально-психологических показателей групповой жизнедеятельности.

Методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе

Настоящая процедура [4] ни в собственно содержательном, ни в процедурном плане не может претендовать на статус полноценной экспериментальной методики. Это, скорее, методический прием, при этом достаточно простой и с

точки зрения его использования, и с точки зрения интерпретации получаемых эмпирических данных. В то же время отсутствие у экспериментатора информации, которая может быть легко добыта таким образом, нередко оказывается решающей причиной, не позволяющей ему адекватно оценить особенности межличностных отношений в группе и содержательно проанализировать специфику интрагруппового структурирования сообщества. Понятно, что несомненно ценный материал, во многом раскрывающий принципы внутригруппового «устройства», дает в руки экспериментатора социометрическое и референтометрическое обследование. Но картина статусного «расклада» в любой реально функционирующей контактной группе окажется не просто неполной, а, по сути дела, искаженной, если наряду с социометрической и референтометрической интрагрупповыми структурами не будет учтена неформальная структура власти. Более того, как показывают многочисленные экспериментальные исследования, именно распределение властных полномочий в самой существенной степени определяет особенности межличностных отношений и характер социально-психологического климата в психологически развитых сообществах.

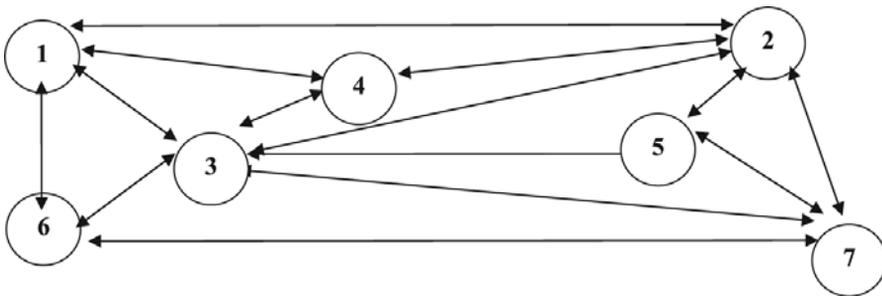

Рис. 3. Референтограмма

Описание методической процедуры. В процедурном плане данный методический прием представляет собой простое ранжирование членов группы по одному-единственному признаку — «степень властного влияния в группе», и поэтому может рассматриваться как вариант «лобового» опроса испытуемых по поводу того, как в группе их членства распределены между участниками взаимодействия и общения властные полномочия.

Участникам эксперимента раздаются специально подготовленные бланки, имеющие вид простейших таблиц. В левой части такого бланка по вертикали фиксируются фамилии членов группы. В правой части бланка располагаются клетки, каждая из которых соответствует определенной фамилии в списке. Каждый участник опроса, заполняя бланк, последовательно приписывает своим товарищам определенное место в группе по признаку «степень властного влияния», фиксируя номер места в соответствующей клетке напротив фамилии оцениваемого. Так как в списке представлена и фамилия опрашиваемого, он должен оценивать и собственную позицию в группе с точки зрения своих властных полномочий в ней.

Обработка данных. Таким образом, в результате обследования экспериментатор получает определенное, равное числу испытуемых количество ранжированных по признаку влияния в группе списков ее членов. Затем эти данные сводятся в единую матрицу. Приведем пример такой свободной таблицы для нашей условной группы в семь человек.

Как видно из таблицы, в рассматриваемом случае в обследованной группе помимо естественного для любого реального сообщества рангового ряда можно говорить о наличии статусных страт, т. е. достаточно четко выраженных статусных уровней во внутригрупповой иерархии власти. Легко заметить, что таких статусных слоев в данной общности — три (кстати, именно такое групповое «устройство» в плане распределения властных полномочий, как правило, характеризует многие устойчивые реально функционирующие сообщества — высокостатусные (места с первого по третье), среднестатусные (места с четвертого по шестое) и низкостатусные (в настоящем сообществе к этой категории принадлежит член группы, занимающий последнее, седьмое место во внутригрупповой властной иерархии). На реальность именно такой многоуровневой статусной диффе-

Таблица

Сводная матрица взаимооценок членов группы

Кого оценивают	Кто оценивает							Сумма мест	Усредненный ранговый показатель	Позиция в статусной иерархии
	А.	Б.	В.	Г.	Д.	Е.	Ж.			
Исп. А.	3	3	3	1	2	3	1	15	2,14	3
Исп. Б.	1	1	2	3	3	2	2	14	2	2
Исп. В.	2	2	1	2	1	1	4	13	1,86	1
Исп. Г.	5	4	6	4	6	5	5	35	5	5
Исп. Д.	4	5	4	5	4	6	6	34	4,86	4
Исп. Е.	7	7	7	6	7	7	7	48	6,86	7
Исп. Ж.	6	6	5	7	5	4	3	36	5,14	6

ренциации указывают ранговые «разрывы» между третьей и четвертой, а также между шестой и седьмой позициями.

Таким образом, данные, получаемые после взаимооценивания в контактной группе, служат экспериментальным материалом (хотя, конечно, и не единственным), позволяющим выяснить особенности интрагруппового структурирования и, в первую очередь, характер властной структуры обследуемого сообщества. Кроме того, экспериментатор получает достоверную информацию о месте каждого конкретного испытуемого во властной иерархии.

Схема определения интегральной внутригрупповой статусной позиции членов контактного сообщества

В рамках теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах и концепции персонализации в последние годы был осуществлен целый цикл исследований (М.Ю. Кондратьев, Е.В. Емельянова, В.Н. Ковалева, Н.В. Кочетков, Е.О. Кравчино, В.А. Лисицын, А.А. Лисицына, О.А. Любимова, М.Н. Расходчикова, М.Е. Сачкова, Е.А. Чернышова и др.), в ходе которых на основании эмпирических данных, полученных с помощью социометрии, референтометрии и методического приема определения интрагрупповой структуры неформальной власти в малой группе, была предложена и апробирована показавшая свою научную адекватность и обоснованность схема осуществления статусной дифференциации высоко-, средне- и низкостатусных членов малых групп.

Здесь следует, прежде всего, напомнить, что применительно к каждому из

рассмотренных нами выше методических средств (социометрия, референтометрия и методический прием определения интрагрупповой структуры неформальной власти в малой группе) в отдельности эта задача уже давно и уверенно решена: существуют четкие показатели принадлежности членов малых групп к категориям высоко-, средне- и низкостатусных в рамках аттракционной, референтометрической и властной структур. Опираясь именно на эти разработки, и создана схема определения принадлежности членов малых групп к интегральным внутригрупповым статусным слоям.

Так, к членам малой группы, имеющим высокий интегральный внутригрупповой статус, относятся те, у кого: а) высокие статусы в аттракционной, референтометрической и властной интрагрупповых структурах; б) высокий статус в интрагрупповой структуре неформальной власти и, как минимум, средние статусы в референтометрической и социометрической структурах. К членам малой группы, имеющим средний интегральный внутригрупповой статус, относятся те, у кого: а) средние статусы в аттракционной, референтометрической и властной структурах; б) средние статусы в референтометрической и властной структурах и низкий или высокий статус в структуре аттракционной; в) высокий статус в референтометрической структуре, средний статус в структуре неформальной власти и средний или низкий статус в аттракционной структуре. К членам малой группы, имеющим низкий интегральный внутригрупповой статус, относятся те, у кого: а) низкие статусы в аттракционной, референтометрической и властной структурах; б) средние

статусы в референтометрической и аттракционных структурах и низкий статус в структуре неформальной власти.

Не все возможные варианты соотносительности статусов в рассматриваемых интрагрупповых структурах нашли свое отражение в изложенной схеме. В случае если в результате исследования именно эти не упомянутые нами варианты соче-

тания поструктурных статусов были получены, перед психологом-исследователем возникает необходимость либо провести дополнительное эмпирическое изыскание, либо исключить соответствующих членов малой группы из дальнейшего интерпретационного анализа в связи с «неопределенностью» их интегрального внутригруппового статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волков И.П.* Социометрические методы в социально-психологическом исследовании. Л., 1970.
2. *Коломинский Я.Л.* Психология личных взаимоотношений в детском коллективе. Минск, 1976.
3. *Кондратьев М.Ю.* О научной психологической школе А.В. Петровского в Московском городском психолого-педагогическом университете // Социальная психология и общество. 2011. № 3.
4. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб., 2005.
5. *Морено Дж.* Социометрия. М., 1956.
6. *Паниотто В.И.* Структура межличностных отношений. Методика и математические методы исследования. Киев, 1975.
7. *Петровский А.В.* Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. 1991. № 1.
8. Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. М., 1979.
9. Пути совершенствования практических занятий по психолого-педагогическим дисциплинам в высшей школе. М., 1979.
10. Социально-психологический климат коллектива: Спецпрактикум по социальной психологии / Под ред. Ю.М. Жукова. М., 1981.
11. *Щедрин Е.В.* Значимый круг общения и способы его экспериментального выявления // Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива. М., 1975.
12. *Щедрин Е.В.* К возможности сопоставления социометрического и референтометрического выбора в группе // Личность в психологическом эксперименте. Л., 1973.

Methodological Algorithm of Integral Intragroup Status Definition in Members of Contact Community

M.YU. KONDRATYEV

Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education

The paper highlights the importance for social psychological research practice of the task of defining integral intragroup status positions of particular members of a real functioning contact community. The following three methodological tools are described: sociometry, reference measurement technique, and a technique for identifying informal intragroup power structure. In its final part the paper proposes an algorithm that enables one to identify the categories to which members of a small group belong (i.e. high-status, middle-status and low-status member categories) basing on the integral indicators of intragroup structures related to attraction, reference and power.

Keywords: *small group, intragroup structuring, attraction structure, reference structure, informal power structure, high, middle and low statuses, sociometry, reference measurement, technique for identifying intragroup informal power structure in contact community.*

REFERENCES

1. Volkov I.P. Sociometricheskie metody v social'no-psihologicheskom issledovanii. L., 1970.
2. Kolominskii Ya.L. Psihologiya lichnyh vzaimootnoshenii v detskom kollektive. Minsk, 1976.
3. Kondrat'ev M.Yu. O nauchnoi psihologicheskoi shkole A.V. Petrovskogo v Moskovskom gorodskom psihologo-pedagogicheskom universitete // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2011. № 3.
4. Kondrat'ev M.Yu. Social'naya psihologiya zakrytyh obrazovatel'nyh uchrezhdenii. SPb., 2005.
5. Moreno Dzh. Sociometriya. M., 1956.
6. Paniotto V.I. Struktura mezhlichnostnyh otnoshenii. Metodika i matematicheskie metody issledovaniya. Kiev, 1975.
7. Petrovskii A.V. Trehfaktornaya model' znachimogo drugogo // Voprosy psihologii. 1991. № 1.
8. Psihologicheskaya teoriya kollektiva / Pod red. A.V. Petrovskogo. M., 1979.
9. Puti sovershenstvovaniya prakticheskikh zanyatii po psihologo-pedagogicheskim disciplinam v vysshei shkole. M., 1979.
10. Social'no-psihologicheskii klimat kollektiva: Specpraktikum po social'noi psihologii / Pod red. Yu.M. Zhukova. M., 1981.
11. Shedrina E.V. Znachimyi krug obsheniya i sposoby ego eksperimental'nogo vyavleniya // Social'no-psihologicheskie problemy formirovaniya lichnosti i uchebno-vospitatel'nogo kollektiva. M., 1975.
12. Shedrina E.V. K vozmozhnosti sopostavleniya sociometricheskogo i referentometricheskogo vybora v gruppe // Lichnost' v psihologicheskom eksperimente. L., 1973.

О применении социометрии в кросс-культурном исследовании (на материале китайских студентов)

Е.А. ВЕРЧЕНОВА

*аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем
поликультурного образования Московского городского
психолого-педагогического университета*

В статье рассматривается специфика применения социометрической методики в кросс-культурном исследовании. При проведении социометрии в студенческих группах китайцев выяснился целый ряд трудностей: несмотря на соблюдение правил проведения социометрической методики, студенты отказывались принимать участие в анкетировании, ссылаясь на некорректность вопросов. Описана процедура адаптации метода социометрии для проведения в китайских студенческих группах, проанализированы ключевые составляющие модификации — создание атмосферы доверия, введение шифра анкеты, проведение дополнительного инструктажа и изменение формулировки вопросов.

Ключевые слова: *социометрия, модификация методик, межличностные отношения, аттракционные отношения, студенческая группа, китайские студенты, кросс-культурное исследование.*

Проблемы малых групп и их развития — интенсивно разрабатываемая область социальной психологии. Уже не одно десятилетие вопросы групповой психологии, а именно взаимодействия людей в рамках небольших объединений и развитие этих сообществ, находятся в центре внимания исследователей многих стран. Начиная с 1920 года, в психологических исследованиях прослеживается активный интерес к процессам группообразования, явлениям и особенностям жизнедеятельности группы. Малая группа является динамичной структурой, поэтому важным аспектом при ее исследовании оказываются межличностные отношения, характер и особенности их построения.

Остановимся на анализе таких отношений межличностной значимости, как

аттракционные, сущность которых раскрыта в социометрической концепции Дж. Морено, полагавшего, что психологическое благополучие индивида напрямую связано с формированием эмоциональных отношений в группе, а именно с его статусом в системе неформальных взаимоотношений [7].

Одним из наиболее широко применяемых методов изучения аттракционной структуры малой группы является социометрия, получившая популярность благодаря тому, что позволяет получить скрытую информацию об особенностях неформальных внутригрупповых отношений, а также тому, что легко подвергается модификации и не требует лишних затрат при использовании в исследовательской практике [1; 3; 4; 9 и др.]. Изучением внутригрупповых связей и эмоциональ-

ной структуры малых групп посредством метода социометрии занимаются многие отечественные (И.П. Волков, Я.Л. Коломинский, Е.С. Кузьмин, А.В. Петровский, К.К. Платонов и др.) и зарубежные исследователи (Е. Дженнингс, Ж. Кляйн, Г. Криссуэлл, Э. Мэйо, М. Нордуэй, Т. Ньюком, В. Ньюстергер и др.).

Особую актуальность проблема межличностных предпочтений приобретает в системе образования, поскольку возникновение многочисленных конфликтных ситуаций в учебных группах зачастую пагубно влияет на процессы группообразования и личностного развития. В этом контексте перед психологами встают задачи обеспечения организации учебной и внеучебной деятельности школьников и студентов, при которой формировались бы их навыки командной работы, межличностной коммуникации, принятия решений, развивались лидерские качества и т. д.

В отечественной психологии накоплен разнообразный опыт применения социометрии для изучения ученических групп. Я.Л. Коломинский в своих работах сравнивал статусные позиции членов школьных классов и студенческих групп в социометрической структуре, а также их представления о своем положении [3]. Для исследования особенностей внутригрупповых отношений и определения социометрических статусов членов обследуемых сообществ Я.Л. Коломинским и Н.А. Березовиным был осуществлен ряд модификаций традиционной социометрической процедуры.

М.В. Гамезо, И.А. Домашенко, О.В. Киричук, Л.М. Фридман, осуществляя социометрические исследования с целью определения характера неформальных отношений в учебных группах

школьников, активно использовали полученные результаты в практической воспитательной работе с учащимися. Достаточно активно использовалась социометрия и в рамках исследований в научной психологической школе А.В. Петровского (М.Ю. Кондратьев, Е.В. Емельянова, Н.В. Кочетков, Е.О. Кравчино, М.Н. Расходчикова, М.Е. Сачкова и др.).

За длительное время использования в исследовательской практике социометрии в ее процедурную часть, технику проведения, были внесены многочисленные модификационные изменения, кроме того, осуществлены изменения процедуры обсчета и интерпретации полученных данных. Несмотря на постоянное совершенствование этого метода, остается круг вопросов, и на сегодняшний день слабо проработанных. Один из них касается особенностей применения социометрии в кросс-культурном исследовании. Актуальность этой проблемы обусловлена, в частности, тем, что в условиях современного образовательного пространства психологи все чаще сталкиваются с необходимостью анализа аттракционной структуры полиэтнических и инокультурных групп.

Проблема кросс-культурной применимости конкретных методик достаточно активно рассматривается многими психологами и социологами. Так, например, подобная аналитическая и адаптационная работа велась применительно к методикам по изучению ценностей: Ф. Клакхон и Ф. Стродтбек уделяли внимание вопросам, которые должны были быть понятны для всех культур; П. Смит, Ш. Дюган и Ф. Громпенаарс применяли технику обратного перевода анкеты в каждой стране (43 страны) и на основе полученных результатов адаптировали вопросы [2]. Модифицировались личностные опросники

ММРІ, личностный опросник Айзенка (EPQ), шкала реактивной и личностной тревожности (STAI), многофакторный личностный опросник (NEO-PI-R) для китайской, японской, корейской, тайской, вьетнамской, индийской и других культур [10]. Что же касается социометрической методики, работы в этом плане в отношении нее неизвестны.

Нами была проведена специальная исследовательская работа с группой китайских студентов, позволившая накопить опыт использования социометрической методики в кросс-культурном анализе на данном материале. Выбор подобной экспериментальной группы был обусловлен необходимостью выявления кросс-культурных различий при сравнении с группой российских студентов. Была необходима гомогенная группа, а именно моноэтническая, состоящая из достаточно значительного числа испытуемых. Для выявления различий также было желательно, чтобы культурная дистанция с русской культурой у изучаемой группы была сравнительно большой. Оказалось, что этим требованиям среди групп иностранных студентов, обучающихся в московских вузах, наиболее соответствуют группы китайских студентов.

Подчеркнем, что, согласно модели Г. Хофстеде и классификации культур Р. Льюиса, китайская культура отличается качественно существенными и большими различиями в сравнении с русской культурой. Так, например, по параметру «маскулинность» китайская культура более ориентирована на успех и на работу, а не на свободное время, в отличие от русской культуры (Китай — 66 баллов, Россия — 36 баллов). Кроме того, китайскую культуру характеризует, в отличие от русской, относительно

низкий балл по избеганию неопределенности (Китай — 30 баллов, Россия — 95), т. е. гибкость поведения китайцам не свойственна, а прагматизм становится практически их «образом жизни» [12]. К тому же культуру Китая можно отнести к реактивной культуре, в рамках которой деятельность организована во многом в зависимости от обстановки, культуру России же — к полиактивной, в рамках которой принято делать много дел одновременно и для которой общение с людьми гораздо важнее, чем договоренность относительно сроков выполнения обязательств [13]. В решающей степени именно эти показатели позволили нам расценить группы китайских студентов как подходящую выборку для исследования.

В исследовании приняли участие китайские студенты в возрасте 18–26 лет, обучающиеся на факультете русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов. Выборку исследования составили 39 человек — членов шести учебных групп. Все учебные классы целиком состояли из китайских студентов, т. е. представляли собой моноэтнические группы.

Характеристика инструментария. Во время проведения пилотажного исследования каждому студенту-испытуемому вручалась анкета с порядковым номером (шифр) для обеспечения конфиденциальности. Анкета начиналась с обращения, в котором прояснялась цель исследования и растолковывались правила заполнения анкеты. Помимо этого анкета включала блок вопросов с целью выявления неформальных аттракционных отношений в группе — социометрическая методика, на которой мы более подробно остановимся далее.

В процедурно-содержательном плане социометрия включала шесть вопросов, затрагивающих отношения симпатии-антипатии студентов в учебной и личной сферах. Вопросы имели конкретный характер и отражали повседневную жизнь студентов. В качестве примера приведем некоторые из них: «Кого из своих товарищей в группе Вы попросили бы помочь в подготовке к занятиям?», «С кем из членов группы Вы бы НЕ поехали на экскурсию?», «Если бы все члены Вашей группы жили в общежитии, с кем из них Вам хотелось бы поселиться в одной комнате?».

Студентов просили отвечать на вопросы, вписывая фамилии и имена двух членов группы («Отвечая на вопросы, напишите под цифрой 1 фамилию и имя члена группы, которого Вы выбрали бы в первую очередь, под цифрой 2 — кого бы Вы выбрали, если бы не было первого»).

Социометрическая процедура проводилась на китайском языке. При переводе с русского на китайский язык мы руководствовались основными параметрами качественного и эффективного перевода (R.K. Hambleton, A.L. Zenisky). Так, например, большое внимание уделялось используемым словам, чтобы избежать двусмысленности и непонимания, так как одно и то же слово может иметь разный или более узкий/общий смысл в различных языках. Безусловное значение здесь имеют и частота встречаемости и употребляемости слов в языке, и наличие метафор и дополнений, которые трактуются и используются в различных языках по-своему [14, с. 46–66]. Валидность данного исследовательского инструментария обеспечивалась методом обратного перевода.

Помимо социометрии использовались и другие социально-психологические

методики (методика Сижора, шкала Богардуса и др.), т. е. опыт участия в психологической диагностике не ограничился лишь социометрией.

Трудности проведения социометрии с китайцами. При проведении пилотажного исследования в группах китайских студентов и обработке полученных результатов мы столкнулись с рядом особенностей.

Как ранее отмечалось, в анкете мы целенаправленно вводили кодовые номера студентов с целью соблюдения их юридических прав и соблюдения норм исследовательской этики. Однако несмотря на гарантию конфиденциальности, студенты предпочитали скрыть личную информацию и сохранить анонимность, для чего уничтожали числовой шифр, который присуждался каждому в группе.

В ходе проведения анкетирования было обнаружено, что часть членов группы отказываются принимать участие в проведении социометрической методики, несмотря на то, что другие психологические методики подобных трудностей не вызывали. Отвечая на вопросы в рамках социометрической процедуры, 10 студентов (47,6 %) оставили полностью незаполненным бланк ответов, остальные 11 человек (52,4 %) заполнили его фрагментарно, сославшись на некорректность вопросов и мотивируя свой отказ тем, что такой опрос может ухудшить взаимоотношения в учебной группе. Оценивая степень симпатии, многие респонденты отмечали, что не могут выбрать одного или двух человек по причине дружественных взаимоотношений с большинством в группе, подчеркивая, что они готовы выполнять совместную деятельность «все вместе». На вопросы, выявляющие антипатию, большинство

испытуемых (15 человек — 71,4 %) отвечали «никто» или не отвечали вовсе.

Мы можем предположить, что полученные результаты обусловлены, в частности, коллективистической ориентацией китайской культуры. Для китайцев важен принцип общинности, значимы групповые ценности, которые признаются большинством. Следовательно, выбор одного-двух членов группы нарушает принцип общности. Нежелание студентов отвечать на вопросы, измеряющие антипатию, можно объяснить практически тем же: уважение к членам своей группы, высокая степень зависимости индивида от группы, а также наличие страха, что ответы могут увидеть другие студенты, что приведет к «потере лица» в группе [6].

Вопросы социометрической методики, затрагивающие учебную сферу, были пропущены 13 студентами (61,9 %). Они мотивировали это тем, что готовы обращаться за помощью только к преподавателю или делать все самостоятельно. Возможно, это связано с высокой дистанцией власти в китайской культуре: уважение к преподавателю, неоспоримость его авторитета и мудрости. Таким образом, в случае возникновения трудностей в учебной сфере студент либо ориентируется на себя, либо на преподавателя, помогающего справиться с появляющимися проблемами.

Для решения возникающих вопросов мы выполнили обзор кросс-культурных исследований (Xinyin Chen, Qi Dong and Hong Zhou, Lian-Hwang Chiu), пытаясь выяснить особенности использования социометрической методики в китайских учебных группах. Однако проведенный анализ литературы показал, что сложностей при выполнении методики, как пра-

вило, не возникает и социометрия проводится в классическом варианте.

Мы были вынуждены обратиться к методу экспертной оценки, задав уточняющие и проясняющие вопросы. Нас заинтересовало мнение экспертов по проблеме применения социометрии в учебных группах китайских студентов, а также использование модифицированного варианта данного инструментария в аналогичных группах. Помимо этого, мы обратились к экспертам с целью получения рекомендаций по улучшению процедуры проведения социометрической методики среди китайских студентов. В качестве экспертов выступали специалисты по межкультурной коммуникации и этнопсихологии, которые имеют опыт работы с китайскими студентами. Среди экспертов были представители европейской (Нидерланды, Германия) и китайской культур (Тайвань). Данные экспертной оценки оказались полезными и информативными. Так, например, наши иностранные коллеги отметили, что китайские студенты могут быть прямыми и открытыми при ответе на вопросы, если между исследователем и испытуемыми существуют доверительные отношения, и если они хорошо знают друг друга. Одновременно с этим эксперты обратили наше внимание на место рождения китайских студентов. Необходимо учитывать, откуда родом китайский студент, из крупного города восточного побережья, такого как Шанхай, или из сельской местности, поскольку культурные особенности в разных населенных пунктах являются немаловажным фактором, влияющим на ответы социометрического опроса. В этнографической литературе мы нашли подтверждение данной рекомендации. В провинциях, уездных городах сохраняются ортодоксальные тра-

диции, а вместе с тем более крепкие и прочные взаимоотношения в обществе [5], в результате чего могут возникнуть сложности при выполнении методики, поскольку страх раскрытия личной информации и «потери лица» будет сильнее у китайцев из сельской местности, чем у жителей больших городов.

В качестве следующей рекомендации нам было предложено получение обратной связи от китайских студентов по социометрической процедуре, а именно по формулировке вопросов. Воспользовавшись результатами экспертной оценки, мы провели фокус-группу с 4 китайскими студентами. Фокус-группа проводилась во внеучебное время и продолжалась 1 час 30 минут. В фокус-группу входили китайские студенты, свободно владеющие русским языком. Между исследователем и участниками группы были доверительные отношения. Фокус-группа проходила в несколько этапов. Первый включал знакомство и объяснение участникам группы задач, целей, второй подразумевал знакомство участников с социометрической методикой как психологическим инструментарием, третий предполагал обсуждение и доработку социометрической методики с последующим подведением итогов. На последнем этапе были поставлены вопросы: «Какое впечатление у Вас складывается, когда Вы знакомитесь с социометрической методикой?», «При чтении вопросов на какие бы Вы стали отвечать, на какие нет?», «Как Вам кажется, какая формулировка данного вопроса была бы наиболее оптимальна и корректна, учитывая культурные особенности?», «Что бы Вы хотели убрать, а что добавить в этой методике?».

В ходе проведения фокус-группы студенты отмечали, что при составлении во-

просов важны положительные выборы. Что касается вопросов, затрагивающих учебные и внеучебные ситуации, студенты посчитали их вполне адекватными. Также была однозначно подчеркнута необходимость установления доверительных отношений экспериментатора со студентами, поскольку у последних присутствует страх нарушения анонимности.

Таким образом, учитывая кросс-культурные аспекты проблемы, результаты экспертной оценки и работы фокус-группы, а также проанализировав отечественную и зарубежную литературу по вопросам применения социометрии, мы доработали эту методику для использования в группах китайских студентов. Этот модифицированный вариант методики, выявляющий отношения симпатии-антипатии в деловой и личной сферах, состоит из четырех вопросов. При модификации вопросов для китайцев мы полагались, прежде всего, на опыт исследования Lian-Hwang Chiu, 1987. В своей работе по изучению социометрического статуса в китайских и американских учебных группах, в котором приняли участие 258 американских и 438 китайских учащихся, он использует следующее задание. «В порядке предпочтения, напишите имена трех учащихся в классе, с кем бы Вы хотели сидеть рядом и работать над совместным проектом». Результаты проведенного исследования оказались достоверными и сложностей в применении методики замечено не было. Таким образом, опираясь на процедуру и методологию исследования в работе Lian-Hwang Chiu [11, с. 547–552], мы взяли за основу вышеобозначенное задание, адаптировав его следующим образом. «Представьте себе, что на уроке Вам и Вашим одноклассникам дали задание, выполнить которое надо в парах. С кем Вы будете выполнять это за-

дание?», «Представьте себе, что на уроке Вам и Вашим одногруппникам дали задание, выполнить которое надо в парах с тем человеком, которого меньше всего знаете и с кем еще не работали вместе».

Следующий блок вопросов был направлен на выявление отношений симпатии/антипатии во внеучебной сфере: «Представьте себе, что Вы едете со своими одногруппниками на экскурсию в автобусе. С кем Вы сядете рядом?», «Представьте себе, что Вы едете со своими одногруппниками на экскурсию в автобусе. Но поехать могут только ___ человек. Кто это будет?». В последнем вопросе для определения, сколько человек может поехать на экскурсию, определяется по формуле $N - 1$, где N — число членов группы. Тем самым мы избегаем прямого ответа на вопрос с целью минимизации внутренних затруднений у опрашиваемых.

Была проведена дополнительная работа по шифровке анкеты. Использовался метод скрытой нумерации бланков до начала проведения социометрии с целью понижения уровня тревожности опрашиваемых.

Особое внимание было уделено требованиям организации исследования, а именно процедуре инструктажа опрашиваемых студентов. В устной и письменной формах четко проговаривались цели исследования, значимость результатов для учебной группы, а также обеспечение конфиденциальности ответов.

Китайским студентам предлагался текст инструкции: «Здравствуйте! Просим Вас ответить на ряд вопросов нашей анкеты. Данное исследование проводится с целью выявления психологического климата студенческих групп с целью улучшения условий обучения. Университет гарантирует конфиденциальность и нераспространение информации!».

Следующее, на что было обращено пристальное внимание при проведении социометрической методики, было создание атмосферы доверия во взаимодействии экспериментатора с членами учебных групп. В течение длительного времени осуществлялось знакомство с каждым студентом, принимающим участие в исследовании, целенаправленно устанавливались отношения сотрудничества и взаимопомощи, которые способствовали заинтересованности опрашиваемых студентов в исследовании.

Полученные результаты второй серии пилотажного исследования показали, что отвечая на вопросы, 16 студентов (88,9 %) полностью заполнили бланк ответов, двое (11,1 %) — фрагментарно. Следовательно, методика социометрии была успешно адаптирована для китайских студентов в ученических группах и является надежным инструментарием с целью последующего изучения межличностных и межгрупповых отношений.

Таким образом, использование социометрической процедуры в кросс-культурных исследованиях может иметь ряд особенностей, требующих разработки аналогичного по целям инструментария или доработки существующих исследовательских процедур.

Проведенное нами исследование позволяет выделить некоторые культурно-универсальные и культурно-специфические характеристики социометрического метода. Так, культурно-универсальным можно считать блок вопросов, предлагающих сделать положительный выбор по ориентации и являющихся формальными по содержанию, т. е. вопросов, рассматривающих рабочие/учебные отношения в совместной деятельности («С кем бы Вы хотели больше работать над совмест-

ным проектом?»). К культурно-специфическим можно отнести формулировку самих вопросов, а также использование критериев, при использовании которых испытуемому предлагается отвергнуть одного или нескольких членов группы, поскольку отрицательный выбор, сделанный участниками, принимается и поддерживается не во всех культурах, а зачастую может восприниматься как осуждающий. Так, например, среди китайских студентов не принято открыто спрашивать про антипатию в группе, в результате чего данный тип вопроса либо убирается из

социометрической методики, либо модифицируется и преподносится завуалированно. Использование «неформальных» вопросов также должно зависеть от культурных особенностей уже хотя бы потому, что в некоторых культурах не принято интересоваться личной внеучебной/внерабочей сферой деятельности.

В результате проведенной работы показано, что использование социометрической процедуры в кросс-культурных исследованиях имеет ряд особенностей, требующих модификации традиционной исследовательской процедуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2010.
2. Емельяненко Т.В. Методы межкультурных исследований ценностей // Социология: методология, методы, математические модели. 1997. № 9.
3. Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности). Минск, 2000.
4. Кондратьев М.Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб., 2005.
5. Крюков М.В. Система родства китайцев (Эволюция и закономерности). М., 1972.
6. Маслов А.А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. М., 2010.
7. Морено Дж. Социометрия. М., 1958 [Электронный ресурс] // Новая электронная библиотека read.newlibrary.ru. URL: http://read.newlibrary.ru/read/moreno_ja/page0/sociometrija.html (дата обращения: 19.03.2014).
8. Морено Дж. Социометрия как экспериментальный метод и наука об обществе [Электронный ресурс] // Электронные книги books4you.com.ua 2013. URL: <http://books4you.com.ua/school/textbook1612.html> (дата обращения: 26.03.2014).
9. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
10. Cheung F.M., Cheung S.F. Measuring personality and values across cultures: Imported versus indigenous measures [Электронный ресурс] // Online Readings in Psychology and Culture (Unit 6, Chapter 5), Center for Cross-Cultural Research, Western Washington University wwu.edu 2013. URL: <http://www.wwu.edu/culture/Cheung.htm> (дата обращения: 21.03.2014).
11. Chiu L. Sociometric Status and Self-Esteem of American and Chinese School Children // The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. 1987. Vol. 121, 6.
12. Hofstede G. Cultural tools [Электронный ресурс] // The Hofstede centre geert-hofstede.com. URL: <http://geert-hofstede.com/countries.html> (дата обращения: 27.03.2014).
13. Lewis R.D. When cultures collide: managing successfully across cultures. London, 2000.
14. Matsumoto D., Fons J.R. van de Vijver. Cross-Cultural Research Methods in Psychology. Cambridge University Press. 2010.

On the Problem of Applying Sociometric Techniques in Cross-Cultural Research (with Chinese Student Groups as an Example)

E.A. VERCHENOVA

PhD student at the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education

This article discusses the specifics of applying sociometric techniques in a cross-cultural context. While carrying out our research, we encountered certain difficulties using sociometrical techniques in Chinese student groups: despite the fact that the procedure of this test was carefully followed, the students refused to participate in the survey referring to incorrect questions. Thus we had the task of adapting the sociometric method for Chinese student groups. The main components of our modification were as follows: creating an atmosphere of trust, introducing a coded questionnaire, giving additional instructions, and changing the wording of the questions.

Keywords: *test modification, sociometry, interpersonal relations, attraction, student group, Chinese students, cross-cultural research.*

REFERENCES

1. *Andreeva G.M.* Social'naya psihologiya. M., 2010.
2. *Emel'yanenko T.V.* Metody mezhkul'turnyh issledovaniy cennosti // Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli. 1997. № 9.
3. *Kolominskii Ya.L.* Psihologiya vzaimootnoshenii v mal'nykh gruppah (obshie i vozrastnye osobennosti). Minsk, 2000.
4. *Kondrat'ev M.Yu.* Social'naya psihologiya zakrytykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii. SPb., 2005.
5. *Kryukov M.V.* Sistema rodstva kitaicev (Evolyuciya i zakonomernosti). M., 1972.
6. *Maslov A.A.* Nablyudaya za kitaicami. Skrytye pravila povedeniya. M., 2010.
7. *Moreno Dzh.* Sociometriya. M., 1958 [Elektronnyi resurs] // Novaya elektronnyaya biblioteka read.newlibrary.ru. URL: http://read.newlibrary.ru/read/moreno_ja/page0/sociometrija.html (data obrasheniya: 19.03.2014).
8. *Moreno Dzh.* Sociometriya kak eksperimental'nyi metod i nauka ob obshestve [Elektronnyi resurs] // Elektronnye knigi books4you.com.ua 2013. URL: <http://books4you.com.ua/school/textbook1612.html> (data obrasheniya: 26.03.2014).
9. *Petrovskii A.V., Yaroshevskii M.G.* Osnovy teoreticheskoi psihologii. M., 1998.
10. *Cheung F.M., Cheung S.F.* Measuring personality and values across cultures: Imported versus indigenous measures [Elektronnyi resurs] // Online Readings in Psychology and Culture (Unit 6, Chapter 5), Center for Cross-Cultural Research, Western Washington University wwu.edu 2013. URL: <http://www.wwu.edu/culture/Cheung.htm> (data obrasheniya: 21.03.2014).
11. *Chiu L.* Sociometric Status and Self-Esteem of American and Chinese School Children // The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. 1987. Vol. 121, 6.
12. *Hofstede G.* Cultural tools [Elektronnyi resurs] // The Hofstede centre geert-hofstede.com. URL: <http://geert-hofstede.com/countries.html> (data obrasheniya: 27.03.2014).
13. *Lewis R.D.* When cultures collide: managing successfully across cultures. London, 2000.
14. *Matsumoto D., Fons J.R. van de Vijver.* Cross-Cultural Research Methods in Psychology. Cambridge University Press. 2010.

**«Социальная психология развития»: новый учебник
по новому направлению психологической науки**

**Рецензия на книгу: Социальная психология развития: учебник
для бакалавриата и магистратуры / Под ред. Н.Н. Толстых.
М.: Издательство «ЮРАЙТ», 2014. — 603 с.**

Н.В. КОЧЕТКОВ

**кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических
основ социальной психологии Московского городского
психолого-педагогического университета**

В рецензии на учебник «Социальная психология развития» проводится подробная содержательная характеристика каждого раздела книги, обосновывается актуальность выхода подобного рода издания в современной России, а также правомерность выделения социальной психологии развития как самостоятельной предметной области.

Пожалуй, никогда проблема обеспечения высшей школы учебниками не стояла так остро. Переход на двухуровневую систему образования, новые стандарты для бакалавриата и магистратуры заставили как преподавателей, так и студентов искать учебные издания, соответствующие новым требованиям. Подготавливаемая в спешке учебная и учебно-методическая литература не всегда может похвастаться систематичностью изложения, адекватностью охватываемого круга вопросов, глубиной проработки проблем, а то и вовсе грешит фактическими ошибками и логическими «ляпами». Несмотря на часто значительный объем той или иной книги, содержательного текста в ней может быть минимум и рекомендовать ее студентам означает обречь их на поиск иголки в стоге сена, а при недостаточной системности материала — еще и закладывать формирование у них искаженного видения соответствующего предметного поля. Если рассмат-

ривать учебную литературу не только ту, которая соответствует озвученным критериям, но и рекомендована УМО, подобный список оказывается достаточно коротким. Однако даже эти издания не всегда можно полноценно использовать в учебном процессе из-за их, как правило, недостаточного наличия в библиотеке, на что наслаивается чисто психологический фактор, присущий нашему времени, — современные студенты в своем большинстве не любят посещать библиотеки, да и вообще читать книги в «бумажном» виде, а следовательно, некий «идеальный» учебник должен быть представлен еще и в электронной форме. Всем озвученным требованиям полностью соответствует выпущенный весной 2014 года в издательстве «Юрайт» учебник для бакалавриата и магистратуры «Социальная психология развития» под редакцией Н.Н. Толстых. Даже беглое ознакомление с ним выдает профессиональную добротность издания, логичное

структурирование текста, не в угоду «западным веяниям» выверенно академическую подачу материала и не раздутый до нескольких томов объем, что в совокупности предвещает потенциальный успех и, хочется надеяться, не одно переиздание.

Прежде чем перейти к анализу содержания учебника, необходимо хотя бы кратко высказаться по поводу правомерности выделения в качестве самоценной предметной области — социальной психологии развития. В профессиональной среде, конечно, шутки ради порой говорят, что социальная психология — самая «настоящая» из всех «психологий», так как человек, в первую очередь, существо социальное и вне общества немислим, а соответственно, все явления и процессы следует рассматривать через призму именно социальной психологии. В подобной логике социальная психология развития — органичное продолжение этой самой «настоящей» науки, а не очередное конъюнктурное образовательное направление. Не вызывающий сомнения интерес к социальной психологии развития заключается в том, что она находится на стыке социальной психологии и психологии развития. По мнению авторов учебника, социальная психология развития — самостоятельная отрасль психологии, куда более широкая, чем уже существующая возрастная социальная психология или педагогическая социальная психология. Предметом социальной психологии развития являются социально-психологические аспекты развития человека и разного рода общностей как в условиях целенаправленной работы психолога, так и вне ее контекста. Специфика социальной психологии развития, по мнению авторов рецен-

зируемого учебника, «состоит не просто в том, что она оказывается «пограничной зоной» между двумя «ваковскими» специальностями («социальная психология» и «психология развития, акмеология»), а в том, что в данном случае социальная психология граничит, если так можно выразиться, с самим общепсихологическим принципом развития, точнее, заставляет взглянуть на социально-психологические явления, феномены в аспекте развития, акцентируя принцип развития, с одной стороны, и социально-психологическую природу развития человека, группы, общности, — с другой. То и другое вносит новые, постмодернистские краски даже в устоявшиеся междисциплинарные области исследований, в некотором смысле повышая постнеклассический градус этих исследований» [2, с. 15–16].

Учебник состоит из четырех крупных разделов. В первом — «Социальная психология развития как новая отрасль психологии» — освещаются методология и методы социальной психологии развития. Кроме традиционных и известных всем методов поперечных срезов и лонгитюда, описывается план с временным лагом, или кросс-историческое исследование. Также в этой же главе обосновывается необходимость выделения новой предметной области и отдельно рассматривается проблема развития в психологии. Еще одна глава отведена под описание базовых феноменов социально-психологического развития контактного общества, к которым авторы отнесли уровень группового развития, авторитет, групповую идентификацию, мотивацию межличностных выборов, ответственность, референтность, самоопределение личности, групповую совместимость,

ценностные ориентации, эффективность групповой деятельности.

Второй раздел — «Социальные институты и их роль в развитии человеческих общностей разного типа и личностном становлении их членов» — включает в себя пять глав, среди которых можно выделить главу «Социальная психология развития социальных институтов как организаций», которая вполне может быть интересна не только студентам, выбравшим одноименный профиль обучения, но и обучающимся психологии управления. Здесь разбираются такие популярные и актуальные в наше время вопросы, как мотивация трудовой деятельности, преданность организации и трудовое поведение, удовлетворенность работой, социализация сотрудников, процесс командообразования, модели развития организаций. В остальных главах раскрывается роль различных социальных институтов в становлении развивающейся личности — семьи, детского сада, школы. Следует отметить, что написаны они не в лапидарной форме, а содержательно развернуто и детально подробно. Так, читатель может, например, узнать не просто общие особенности социализации в семье, а оценить роль семьи в жизни человека на разных этапах онтогенеза — от младенчества до старости, а также получить научно выверенную информацию о ключевых характеристиках, типологии и функциях семьи. Если же речь идет о школе, то разбираются социально-психологические аспекты развития личности и группы в начальной, средней и старшей школе.

Третий раздел является психологически традиционным и, соответственно, наиболее крупным — «Социальная возрастная психология». Заглавный мате-

риал дает характеристику наиболее принятым подходам к возрастной периодизации, особо подробно из которых рассматриваются периодизация психического развития по Д.Б. Эльконину и социально-психологическая периодизация личностного развития по А.В. Петровскому. Остальные главы последовательно раскрывают вопросы развития личности в раннем возрасте, в дошкольном детстве, младшем школьном возрасте, отрочестве и ранней юности, а также в молодости. Стоит отметить наличие такой социально значимой информации, как влияние кинематографа, телевидения, интернета на развивающуюся личность, как вопросы ее самоопределения, психологические особенности молодежных субкультур и т. п.

На последнем, четвертом разделе стоит остановиться особо. Одна из основных и первых проблем, с которыми сталкивается начинающий педагог-психолог, — неопределенность стоящих перед ним задач. Даже имея хорошую теоретическую базу и необходимые представления о психодиагностических средствах, он далеко не всегда может выстроить адекватную программу работы и сформулировать по ее результатам конкретные рекомендации. Незаменимым помощником в этом плане является раздел «Активные методы в работе специалиста по социальной психологии развития». Описанная здесь более или менее «стандартная» батарея методик, принятая в научной психологической школе А.В. Петровского [1] (социометрия, референтометрия, методика выявления мотивационного ядра выборов, методический прием определения неформальной структуры власти, методика определения ценностно-ориентационного

единства группы), дополнена мощным диагностическим инструментом — социально-психологической модификацией техники «репертуарных решеток» Дж. Келли. Важно отметить, что помимо подробного описания процедурной части методик здесь приведены примеры локальных обследований, позволяющие разобраться с алгоритмом интерпретационной работы с эмпирическим материалом.

Кроме диагностического инструментария, в учебнике представлены и математические методы, которые применимы при анализе процессов развития. Это, несомненно, более чем полезно, учитывая, что у студентов-гуманитариев эта область часто является «узким местом» при проведении эмпирического исследования, а грамотность или, вернее, неграмотность использования математических методов может свести ценность всей проделанной работы к нулю. Понятно, что существуют специальные издания, посвященные использованию статистических методов, однако не всегда удается успешно адаптировать тот или иной из них под конкретную исследовательскую проблему, да и ознакомление с большим количеством «непрофильной» литературы для студента не всегда легко выполнимая задача.

Можно сказать, незаменимым подспорьем для практического психолога является глава, в которой приводятся принципы работы с разностатусными учащимися. Хорошо известно, что малая группа является фокусом внимания в социальной психологии, тем не менее, говоря о практической деятельности, было бы неверным, если бы диагностика статуса становилась самоцелью — необхо-

димо применять это знание для увеличения эффективности образовательного процесса, оптимизации отношений всех его субъектов, для чего необходим четкий алгоритм интерпретационно-коррекционного воздействия, который не известен многим выпускникам психологических факультетов.

Завершая рецензию на учебник «Социальная психология развития», как и любую другую рецензию, нельзя обойти вниманием замечания, которые можно отнести к представленному тексту. Бросается в глаза некоторая, если так можно выразиться, несбалансированность материала. Ряд глав и параграфов достаточно объемны, материал в них разбирается подробно, с развернутыми примерами, а ряд глав написан подчеркнуто сжато, почти конспективно, ориентируя студента самостоятельно искать материал в рекомендованной литературе. Так, например, целая глава отводится на описание способов использования математических методов, тогда как на материал по построению исследовательской программы, которая является более фундаментальной проблемой, нежели методы обсчета эмпирики, отведена буквально страница. Или же говоря о проблеме развития в психологии, много внимания уделяется содержанию термина «развитие» и истории его возникновения, что несколько вторично по отношению к описанию и подходам к решению самой проблемы. Во многом именно это привело к тому, что, например, упоминается позиция Л.С. Выготского, но отсутствует указание на позицию Ж. Пиаже. Мало-мальски знакомому с основами психологии читателю будет понятно, о чем идет речь, но у неподготовленного человека (например, студента бакалавриата)

могут остаться заметные лакуны в общей картине представлений об обсуждаемой проблеме. Крайне актуальная на сегодняшний день тема, касающаяся влияния компьютерных игр и интернета на развитие, почему-то находится в параграфе «Реклама». Также в книге описываются детский сад, школа и семья как институты социализации, но в этом плане не рассматривается высшая школа (правда, эта проблема отчасти затрагивается, но в разделе, посвященном социальной возрастной психологии).

Если же говорить о «плюсах» учебника, то первое, что стоит отметить, — это структурированность текста, позволяющая не только получить системные знания, но и упростить поиск необходимой информации. Каждая глава заканчивается кратким резюме, списком использованных терминов, контрольными вопросами и заданиями, рекомендованной литературой. Что касается последней, то

она представлена, в основном, отечественными психологическими школами, где наравне с уже ставшими классическими публикациями упоминаются и совершенно новые исследования. Успешно осуществленная скрупулезная и целенаправленная работа по созданию и оформлению ссылочного материала сближает учебник с полноценной научной публикацией, что является безусловным «плюсом» издания. Нельзя обойти вниманием авторский коллектив, который состоит не только из доцентов и профессоров Московского городского психолого-педагогического университета и ряда других московских вузов, но и из опытных психологов-практиков. Все это дало возможность выпустить в свет качественный и добротный как по форме, так и по содержанию учебник, которым, хочется верить, будет пользоваться не одно поколение студентов и преподавателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кондратьев М.Ю.* О научной психологической школе А.В. Петровского в Московском городском психолого-педагогическом университете // Социальная психология и общество. 2011. № 3.
2. *Толстых Н.Н.* Социальная психология развития как самоценная отрасль психологической науки // Социальная психология и общество. 2010. № 1.

**"Social Psychology of Development": A New Textbook
in a New Field of Psychological Science**

Review of the book "Social Psychology of Development:

A Textbook for Bachelor and Master Courses"

by N.N. Tolstykh (Editor). Urait, Moscow, 2014

N. V. KOCHETKOV

***PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Theoretical Foundations
of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education***

This review of the textbook "Social Psychology of Development: A Textbook for Bachelor and Master Courses" provides a detailed and thorough analysis of each section and emphasizes the significance of this book's publication in modern Russia. It also highlights the appropriateness of considering social psychology of development a separate subject area.

REFERENCES

1. Kondrat'ev M.Yu. O nauchnoi psihologicheskoi shkole A.V. Petrovskogo v Moskovskom gorodskom psihologo-pedagogicheskom universitete // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2011. № 3.
2. Tolstykh N.N. Social'naya psihologiya razvitiya kak samocennaya otrasl' psihologicheskoi nauki // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2010. № 1.

Где Вы, настоящий директор Психологического института? Воспоминания о прошлом с надеждой на будущее

I

Целый год я ждал этого счастливого дня. И вот он, наконец, наступил, наступило 5-е октября 1977 года. Именно тогда в НИИ общей педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологический институт РАО) появилась свободная вакансия лаборанта и вице-президент Академии педагогических наук Артур Владимирович Петровский, бывший студент моего покойного отца, позвонил и сказал, что можно приехать на Моховую и подать документы в отдел кадров, оформиться на работу.

На следующий день я приехал в Институт уже как штатный сотрудник, поднялся по широкой застланной ковровой дорожкой лестнице на третий этаж в 14-ю комнату, где располагалась лаборатория «Психологические исследования личности в коллективе». Артур Владимирович Петровский, который был еще и ее руководителем, познакомил меня со всеми ее сотрудниками, которые, правда, уже через час разошлись, так как день был не присутственный. Присутственными днями тогда были вторник и пятница. Именно на эти дни назначались заседания лабораторий, заседания Ученого совета и все другие лабораторные и институтские мероприятия. В понедельник, среду и четверг в институте народу было немного — помимо администрации, по лаборанту в каждой лаборатории и дежурному научному сотруднику. Остальные работали на экспериментальных площадках, в библиотеках или дома.

Надо сказать, что и дежурные научные сотрудники старались свое присутствие минимизировать — приходили попозже, уходили пораньше, но продуктивность действительно научной деятельности НИИ ОПП по сравнению с сегодняшним днем и даже со временами андроповской «принудилловки» была поистине завидной.

Первым делом, оставшись один в лаборатории, я спустился на первый этаж в библиотеку, записался в нее и набрал стопку книг. Энтузиазм мой бил через край — я работаю в психологическом институте среди ученых, и я — будущий ученый! Я, студент-вечерник исторического факультета ленинского пединститута. Как же мне повезло!

Наслаждаясь вседозволенностью, я уселся за стол Петровского, разложил книжки и приготовился максимально быстро познать все премудрости психологической науки, но не тут-то было! Через минуту в дверь постучали и Ида Григорьевна, пожилая и нарочито чопорная дама (как потом оказалось, секретарь-референт директора института), сообщила мне, что меня ждет для разговора директор НИИ ОПП, академик А.А. Смирнов. Вот и начало карьеры!

Я спустился на второй этаж, Ида Григорьевна доложила обо мне, и я вошел в кабинет. Навстречу поднялся пожилой мужчина. Честно говоря, я и сейчас думаю, что именно такими, хотя бы внешне, и должны быть «настоящие» директора академических институтов — интеллигентное лицо, умные добрые

глаза, радушная улыбка. И, главное, было сразу понятно, что несмотря на то что он явно умнее тебя, он к тебе не снизошел, он в тебе заинтересован. Беседа продлилась минут десять. Анатолий Александрович все эти десять минут разговаривал со мной только обо мне — о моем прошлом, о моих мыслях сегодня, о планах на будущее. Я ушел от него обескураженный — зачем ему это? Неужели академику нечем заняться, кроме как беседовать с лаборантом? В растерянности я вышел из кабинета и остановился в приемной. Ида Григорьевна вошла в кабинет и, через минуту выйдя из него, пригласила туда женщину, сидевшую на стуле у входа, потом повернулась ко мне и сказала: «Вот уборщицу новую на работу берем. Сейчас Анатолий Александрович побеседует — и в отдел кадров на оформление».

Целый день я сидел в помещении лаборатории и, как сейчас помню, штудировал учебник «Социальная психология» под редакцией Предвечного и Шерковина. Только один раз я спустился вниз и вышел на крыльцо института покурить и вдруг в начале двора, у ворот я увидел знакомую фигуру — Инна Владимировна Равич-Щербо, мать моего близкого приятеля. Она шла к дверям моего института. Как я был горд!

— Здравствуйте, Инна Владимировна! Вы к нам? Давайте я Вам покажу институт!

Она улыбнулась, кивнула, молча соглашаясь, и я повел ее на экскурсию: вот большая аудитория, вот библиотека, вот памятная доска в фойе, вот на втором этаже малая аудитория и вот, наконец, главное — лаборатории на третьем этаже. Я иду немного впереди по коридору и с видом бывшего сотрудника зачиты-

ваю ей названия лабораторий. Наконец комната 28 и две таблички. На одной название психогенетической лаборатории, а на другой — фамилия и инициалы ее заведующего — И.В. Равич-Щербо. Как же звонко она тогда смеялась!

18.00 — вот и закончился мой первый рабочий день. Но глава из учебника не дочитана и я решил задержаться. Минут через 15 в дверь за целый день второй раз постучали — это опять была Ида Григорьевна.

— Миша, ты о чем думаешь? Сколько тебя может ждать Анатолий Александрович! Иди сейчас же, он в машине.

Ничего не понимая, я быстро сбежал по лестнице — и правда, в черной «Волге», стоявшей у ступеней крыльца, на переднем пассажирском сидении сидел академик Смирнов.

— Садитесь.

Я молча сел на заднее сиденье, недоумевая, зачем я ему понадобился. Машина тронулась. Как ни в чем не бывало, Анатолий Александрович завел со мной разговор об институте, рассказывая историю, давая при этом характеристики, всегда лестные, сотрудникам. Разговор — это громко сказано, по сути дела, это была лекция-монолог, вводный курс, описание истории семьи, ее традиций и правил общежития, адресованный новому ее члену. Дороги я практически не заметил и очнулся, когда машина остановилась на перекрестке улиц Черняховского и Красноармейской, как раз напротив моего дома.

— Ну, до свидания! Вот мы и доехали. — Обернувшись и протянув руку для прощального рукопожатия, сказал Смирнов.

Я вспомнил, что он не спрашивал моего адреса. Совершенно опешив, вышел

на тротуар и глазами проводил машину, свернувшую в Шебашевский проезд (как потом я узнал, именно там и жил Анатолий Александрович). Следующие два дня ситуация повторилась практически в точности.

Как потом оказалось, Анатолий Александрович практически каждый день подвозил на машине до дома кого-то из сотрудников института, живущих недалеко от него.

Не хочу делать никаких выводов, но давайте представим наших сегодняшних директоров... Думаю, дело здесь совсем не в пробках.

II

Кто когда-либо защищал диссертацию, неважно, кандидатскую или докторскую, знает, что не так страшна сама защита, как подготовка к ней — беготня с документами, трепетание перед оппонентами, вылавливание научного руководителя для самой последней правки, организация отзывов на автореферат, подготовка банкета...

День X был объявлен — 1 марта 1983 года — защита моей кандидатской диссертации в НИИ ОПП. При этом на докторском совете. В те времена, в отличие от сегодняшнего дня, советы были докторские и кандидатские. На последних можно было защищать, естественно, только кандидатские диссертации, а на докторских — и кандидатские, и докторские. Это сейчас я понимаю, что мне повезло. На докторском совете, в состав которого входили одни доктора наук, защищаться было легче, чем на кандидатском, в составе которого порой больше половины членов были канди-

даты наук. Если всерьез, то какое дело маститым докторам наук до того, что какой-то N станет кандидатом, а вот пожилым заслуженным кандидатам наук, членам кандидатского совета, нужно было признать этого N, по сути дела, равным себе.

К тому времени директор НИИ ОПП академик В.В. Давыдов был снят со своего поста, да еще наказан по партийной линии. Вместо него директором стал профессор Алексей Михайлович Матюшкин, но Давыдов продолжал быть председателем Ученого совета, на котором мне предстояло защищаться. Именно поэтому в преддверие защиты со всякими бумажками я должен был ходить именно к нему, благо это было недалеко — его лаборатория располагалась в здании НИИ ОПП напротив консерватории. Там же тогда находилась и лаборатория моего шефа — Артура Владимировича Петровского.

Ходил я к Василию Васильевичу не один, так как защищаться 1 марта должен был не только я, но и некто Санжаева (насколько я знаю, сейчас она уже доктор психологических наук и живет где-то на Дальнем Востоке или в Якутске), научным руководителем которой был профессор Шумилин, заведующий кафедрой психологии в Московском областном пединституте им. Н.К. Крупской. Тема ее кандидатской диссертации была как-то напрямую связана с партийным интересом к сельскому хозяйству и касалась психологии молодого тракториста. Дело не в том, что мы с ней ходили к Давыдову парой, держась за руки, а в том, что как бы я ни старался попасть к нему до нее, мне это не удавалось. Я, естественно, не присутствовал при встречах академика Давыдова и Санжаевой,

но как мне рассказывал А.В. Толстых, работавший у Давыдова в лаборатории, эти встречи порой доводили Василия Васильевича до иступления.

— Ну объясните мне, в чем психологическая суть Вашей работы? — Спрашивал Давыдов.

— Я не настолько владею русским языком, — следовал ответ, при том что для диссертантки русский язык был родным.

— Хорошо, — сдерживал себя Давыдов, — но объясните мне, зачем в заключении диссертационного совета Вы приводите цитату из партийных документов объемом больше страницы?

— Мне кажется, Василий Васильевич, что текст партийных документов всегда к месту, — следовал ответ.

Понятно, что когда через полчаса после ухода Санжаевой я приходил к нему с очередной бумажкой, Василий Васильевич был уже в «разогретом» состоянии и я помимо собственной «порции» получал еще и то, что полагалось получить уже покинувшей «поле боя» Санжаевой. Так продолжалось более двух недель.

Наконец наступил день защиты. Накануне я написал и выверил текст заключения Ученого совета и 1 марта в 11 часов утра, как мне было и назначено (а защита должна была состояться в 14.00), я, трясясь, зашел в лабораторию Давыдова. Саша Толстых, находившийся там, кивнул мне, что означало «Санжаева уже была». Давыдов сидел со злым багровым от ярости лицом и, не поднимая на меня глаз, сказал: «Давайте». Я протянул листки заключения. Он по диагонали пробежал их глазами и вдруг сказал: «Если Вы не можете написать нормальное заключение Совета, значит и не сами писали диссертацию. Поэтому к защите я Вас не допущу».

Скорее от страха и безысходности ситуации, чем от чувства справедливости, я тут же ответил: «А за что Вы меня не допустите к защите, Василий Васильевич? За то, что я не так написал Заключение совета, которое должны были писать Вы сами?». Давыдов из багрового мгновенно стал белым, поднял на меня глаза и процедил сквозь зубы: «Ну что ж, защищайтесь. Посмотрим, как это у Вас получится». Полуживой я побежал в главное здание, с ужасом рассказал о произошедшем своему научному руководителю, Артуру Владимировичу Петровскому. Тот молча оглядел меня с головы до ног, усмехнулся и сказал: «Молодец. Главное вовремя».

Как и положено (тогда с этим было строго), в 14.00 началась моя защита. В президиуме Большой аудитории НИИ ОПП сидела стенографистка, ученый секретарь Совета Боркова и Василий Васильевич Давыдов. Сев на свое место, он закрыл глаза и, как все думали, погрузился в сон (почему-то считалось, что он болен сонной болезнью, хотя именно эта история со мной подобный факт для меня поставила под большое сомнение). Сначала ученый секретарь зачитала мое личное дело, потом я выступил с сообщением, и дело, наконец, дошло до вопросов. Давыдов глаз так и не открывал. В зале поднялась рука и Боркова назвала задающего вопрос: «Кандидат психологических наук Алемаскин». Миша Алемаскин, как было известно, планировал защищать докторскую диссертацию в ближайшее время именно на этом же Совете. Он работал в другом институте и специально пришел на мою защиту не в связи с каким-то интересом к диссертации, а презентировать себя.

— В своей работе Вы ссылаетесь на целый ряд отечественных исследователей, которые занимаются проблемами девиантного и делинквентного поведения, но почему-то среди них нет ни одного специалиста — члена данного Диссертационного совета. Это случайность или сознательная позиция?

Не знаю, что можно ответить на подобный вопрос, но тогда я уже открыл рот для этого. И вдруг... Глаза

Василия Васильевича открылись и он сказал:

— Так. Больше вопросов нет? Тогда ученый секретарь, зачитайте отзыв ведущей организации.

На этом закончились презентация Миши Алемаскина и, так и не начавшись, мои ответы на вопросы.

Что это было? То ли Василий Васильевич просто вовремя проснулся, то ли он по каким-то причинам сознательно спас меня. Уверен, спас. Спасибо ему!

М.Ю. Кондратьев,
доктор психологических наук,
профессор, член-корреспондент РАО

O True Head of the Psychological Institute, Where Art Thou? Recollections of the Past with Hope for the Future

M. YU. KONDRATYEV

Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education

Андрей Александрович Белик
11.04.1955 – 15.06.2014

15 июня скоропостижно скончался от сердечного приступа Андрей Александрович Белик, выдающийся ученый, крупнейший специалист в области психологической антропологии, истории культурной и социальной антропологии, антропологии религии, доктор исторических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, профессор Центра социальной и культурной антропологии РГГУ.

Андрей Александрович родился 11 апреля 1955 г. в Москве. В 1977 году закончил философский факультет МГУ, затем поступил в аспирантуру кафедры философии гуманитарных факультетов

МГУ. В 1981 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Антропосоциогенез и общественно-историческое формирование человека», а в 2001 г. — докторскую диссертацию «Психологическое направление в зарубежной этнологии». В 2011 году ВАК РФ присвоил А.А. Белику звание профессора по кафедре этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ.

С 1981 года Андрей Александрович работал в Институте этнологии и антропологии РАН, где занимался изучением истории социальной и культурной антропологии, антропологии религии, психологии ритуала, экономической антропологии, с 1994 года — в Центре социальной и культурной антропологии РГГУ (курсы лекций «Культурология»,

«Этнопсихология», «История социальной (культурной) антропологии», «Социальная и культурная антропология»).

В МГППУ Андрей Александрович работал с момента основания кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования (2003 г.), в создании которой он принимал самое деятельное участие. В рамках специализации «Этнопсихология» на факультете социальной психологии МГППУ он вел такие дисциплины, как «Теоретические основы культурной антропологии» и «Психологическая антропология», активно руководил студенческими курсовыми и дипломными работами.

Андрей Александрович постоянно находился в научном поиске, его жизнью было научное творчество. Он автор большого количества монографий и учебных пособий: Человек: раб генов или хозяин своей судьбы. М., 1990; Пси-

хологическая антропология: история и теория. М., 1993; Культурология. Антропологические теории культур. М., 1998, 1999, 2000; Социокультурная антропология (в соавторстве с Ю.М. Резником). М., 1998; Культура и личность. М., 2001; Историко-теоретические проблемы психологической антропологии. М., 2005; Культурная (социальная) антропология. М., 2009; Человек в экономической антропологии. М., 2013.

Сотрудники и студенты факультета социальной психологии МГППУ помнят Андрея Александровича не только как прекрасного преподавателя, но и как замечательного и увлеченного человека с редким подходом к собеседнику. Самое главное, чем Андрей Александрович награждал всех, кто его знал и любил, — потребностью думать самостоятельно и размышлять, что происходит вокруг, в жизни и в науке. Светлая память.

*Коллектив сотрудников
факультета социальной психологии МГППУ*

Верченова Екатерина Андреевна — аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета,
katept@bk.ru

Горфан Яна Юрьевна — аспирант Московского городского психолого-педагогического университета,
y.gorfan@gmail.com

Ениколопов Сергей Николаевич — кандидат психологических наук, заведующий кафедрой криминальной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета,
enikolopov@mail.ru

Живкович Елена — аспирантка кафедры социальной педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета,
jelenagent@gmail.com

Жучкова Светлана Михайловна — аспирант кафедры социальной психологии Российского государственного социального университета,
г. Москва,
fotine@mail.ru

Кондратьев Михаил Юрьевич — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор Московского городского психолого-педагогического университета,
social1977@bk.ru

Кочетков Никита Владимирович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета,
nkochetkov@mail.ru

Нартова-Бочавер Софья Кимовна — доктор психологических наук, профессор Московского городского психолого-педагогического университета,
s-nartova@yandex.ru

Опарина Мария Евгеньевна — соискатель кафедры организационной психологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, ведущий менеджер по персоналу Группы компаний GS Group, г. Санкт-Петербург,
mariya.oparina@gmail.com

Резниченко София Ивановна — аспирант, научный сотрудник лаборатории «Модернизация психологической службы системы образования» Московского городского психолого-педагогического университета,
Sofya_292@list.ru

Рягузова Елена Владимировна — доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии личности факультета психологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,
rjaguzova@yandex.ru

Соснова Ирина Владимировна — кандидат психологических наук, заместитель директора по воспитательной работе НОУ ЦО «Новое образование», г. Москва,
ivososnova@gmail.com

Суслова Татьяна Федоровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Российского государственного социального университета, г. Москва,
sibir812@mail.ru

Татарко Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва,
tatarko@yandex.ru

Ekaterina A. Verchenova – PhD student at the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education,
katept@bk.ru

Yana Yu. Gorfan – PhD student, Moscow State University of Psychology and Education,
y.gorfan@gmail.com

Sergey N. Enikolopov – PhD in Psychology, head of the Chair of Criminal Psychology, Department of Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education,
enikolopov@mail.ru

Jelena Zivkovic – PhD student at the Social Pedagogy and Psychology Chair, Faculty of Pedagogogy and Psychology, Moscow State Pedagogical University,
jelenagent@gmail.com

Svetlana M. Zhuchkova – PhD student at the Chair of Social Psychology, Russian State Social University, Moscow,
fotine@mail.ru

Mikhail Yu. Kondratyev – Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education,
social1977@bk.ru

Nikita V. Kochetkov – PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education,
nkochetkov@mail.ru

Sofiya K. Nartova-Bochaver – Doctor in Psychology, professor at the Moscow State University of Psychology and Education,
s-nartova@yandex.ru

Mariya E. Oparina – degree seeking applicant at the Department of Organizational Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia; senior HR manager at GS Group, St. Petersburg,
mariya.oparina@gmail.com

Sofya I. Reznichenko – PhD student, research fellow at the Laboratory for Educational Counseling Modernization, Moscow State University of Psychology and Education,
Sofya_292@list.ru

Elena V. Ryaguzova – Doctor in Psychology, head of the Chair of Personality Psychology, Saratov Chernyshevsky State University,
rjaguzova@yandex.ru

Irina V. Sosnova – PhD in Psychology, vice-principal of the "New Education" school, Moscow,
ivososnova@gmail.com

Tatyana F. Suslova – PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Social Psychology, Russian State Social University, Moscow,
sibir812@mail.ru

Alexander N. Tatarko – Associate Professor, Psychology Department of National research University – Higher School of Economics, Moscow,
tatarko@yandex.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051, г. Москва, Сретенка, д. 29, комн. 207

Тел.: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

Факс: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390, г. Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, комн. 409

Тел.: +7(499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Корректор *К.М. Корепанова*

Переводчик *Е. Виноградова*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

E-mail: *k-409rio@list.ru*

Technical editor *К.М. Корепанова*

Translator *Е. Виноградова*

Maker-up *М.А. Баскакова*